

ПРАКСИОЛОГИЯ

16+

«Праксиология»

«Praxeology»

Редакционный совет / Editorial Board:

Суровцева Екатерина Владимировна,

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Главный редактор

Surovtseva Ekaterina Vladimirovna, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Lomonosov Moscow State University, Editor-in-Chief

Ананченкова Полина Игоревна, кандидат экономических наук, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой экономики и социологии здравоохранения Национального НИИ общественного здоровья им. Н.А. Семашко

Ananchenkova Polina Igorevna, Candidate of Economic Sciences, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Department of Economics and Sociology of Health at the National Research Institute of Public Health named after N.A. Semashko

Афанасьев Максим Владимирович кандидат юридических наук, доцент, Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева;

Afanasyev Maxim Vladimirovich, PhD in Law, Associate Professor, Lebedev Russian State University of Justice;

Бочкарева Екатерина Дмитриевна, кандидат педагогических наук, Московский государственный институт культуры;

Bochkareva Ekaterina Dmitrievna, Candidate of Pedagogical Sciences, Moscow State Institute of Culture;

Журавлева Евгения Александровна,

кандидат педагогических наук, доцент, Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева

Zhuravleva Evgeniya Aleksandrovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, D.I. Mendeleev Russian University of Chemical Technology

Кудринская Ирина Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, Московский городской педагогический университет

Kudrinskaya Irina Vladimirovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Moscow City Pedagogical University

Куницына Светлана Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент, научный сотрудник, Военный университет им. князя Александра Невского;

Kunitsyna Svetlana Mikhailovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Researcher, Prince Alexander Nevsky Military University;

Лукина Анастасия Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент, начальник департамента психологии, Московский городской педагогический университет;

Lukina Anastasia Sergeevna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Psychology, Moscow City Pedagogical University;

Неверов Александр Викторович, кандидат социологических наук,

доцент, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы;

Neverov Alexander Viktorovich, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia;

Резаков Максим Равильевич, кандидат политических наук, доцент Астраханского государственного университета им. В. Н. Татищева;

Rezakov Maxim Ravilevich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev;

Сухонос Александр Петрович, кандидат психологических наук, доцент, Московский городской педагогический университет

Sukhonosov Alexander Petrovich, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Moscow City Pedagogical University

Трушкова Светлана Викторовна, кандидат психологических наук, доцент, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет;

Trushkova Svetlana Viktorovna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Moscow Automobile and Road Engineering State Technical University;

Чурин Владимир Владимирович, кандидат философских наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ.

Churin Vladimir Vladimirovich, PhD, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation.

Учредитель: ПОТАПОВ Д.А.
Издатель: ИП ПОТАПОВ Д.А.
Веб-сайт: <https://education-art.ru/праксиология>
Телефон: +7(906) 063-52-26
Электронная почта: praksiolog@yandex.ru

Founder: POTAPOV D.A.
Publishing house: IP POTAPOV D.A.
Web-site: <https://education-art.ru/праксиология>
Telephones: +7(906) 063-52-26
E-mail: praksiolog@yandex.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ**ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

1. МОРОЗОВА Ю.Ю., АЙРОПЕТЯН Е.А. ЭМОЦИОНАЛЬНО-ВОЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ И МЕХАНИЗМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ У МУЖЧИН СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА.....	5
2. ЖИГУЛИНА К.В., ПЕТРОВА С.С. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА ПОДРОСТКОВ С ПРИЗНАКАМИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ. ТЕСТИРОВАНИЕ И ВЫЯВЛЕНИЕ ДЕВИАНТНЫХ ПОДРОСТКОВ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	10
3. ШЕЛУДЬКО Е.А., АМОСОВА Н.Ю. ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТРЕССА У ПЕДАГОГОВ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ ЗАПОРОЖСКОЙ ОБЛАСТИ	21
4. ПРОХВАТИЛОВА В.В., ТОРОЗЯН Н.Г. ПОТЕНЦИАЛ МЕТОДА НАУЧНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В ФОРМИРОВАНИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СОЦИАЛЬНОМ МИРЕ ДОШКОЛЬНИКОВ С НАРУШЕНИЕМ ИНТЕЛЛЕКТА.....	33
5. ТУЛЬГУК Е.С., КЛОКОВА Е.А., ЧЕРНЯК Э.Р. ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ ДИАЛОГА У ДОШКОЛЬНИКОВ 5–6 ЛЕТ С НАРУШЕНИЯМИ ИНТЕЛЛЕКТА СРЕДСТВАМИ КУКОЛЬНОГО ТЕАТРА.....	39
6. ДАРШТ А.Е. ИНФЛЮЕНСЕРЫ КАК НОВЫЕ РЕДАКТОРЫ НОВОСТЕЙ	47
7. ШМЕЛЕВА Е.А., БАРЦЕВИЧ А.С. К ВОПРОСУ О РОЛИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРЕОДОЛЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ	54
8. МАХОРТОВ О.А. HR-ТЕХНОЛОГИИ: ПСИХОДИАГНОСТИКА В РАБОТЕ С ПЕРСОНАЛОМ....	61
9. ЗАХАРОВА Ю.П. ГЕЙМИФИКАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ИНКЛЮЗИИ: РАЗРАБОТКА АДАПТИВНЫХ ИГРОВЫХ МЕХАНИК ДЛЯ ДЕТЕЙ С РАС В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ.....	65
10.ТИШЕНИН В.С. ВЛИЯНИЕ СТИЛЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА РУКОВОДИТЕЛЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ КЛИМАТА.....	72

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО–ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

11.АЙВАЗОВА Е.С., ЧАТИНЯН С.Ш РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ В ОБЛАСТИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА.....	77
12.КОЙШЕ Д.О., СИЛАЕВА А.А. ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕУВАЖЕНИЯ К СУДУ	83

13.КАРЛИН И.В. 3 ЗАКОНОПРОЕКТ № 1112019-7 ОБ УГОЛОВНОМ ПРОСТУПКЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ГУМАНИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ: ДОСТОИНСТВА, КОРРУПЦИОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ И ПУТИ ИХ УСТРАНЕНИЯ	87
14.ДОРОШЕНКО П.В. СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПРАВОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ	93
15.МОРОЗОВА В.Е. К ВОПРОСУ О ТОЛКОВАНИИ ДОГОВОРА СУДОМ.....	97
16.ХОЛХОДЖАЕВА З.К., ХАЙРУЛЛИНА А.Д. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННЫМИ РИСКАМИ ПРЕДПРИЯТИЯ	101
17.ЖУКЕНЕВА С.А. ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ОБЯЗАННОСТЕЙ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ	107
18.ГРЕЧАНАЯ А.В. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ РИСКИ ПРИМЕНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ «ПОСЕЙДОН» НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	113
19.МАЛЫШЕВА В.А. ПОЧЕМУ ЖЕНСКИЙ ВОЛЕЙБОЛ МЕНЕЕ ПОПУЛЯРЕН: АНАЛИЗ РЫНОЧНЫХ ДИСБАЛАНСОВ И КОММУНИКАЦИОННЫХ РАЗРЫВОВ	120
20.ТЕРЕХОВ Н.Д. РОЛЬ КИТАЯ В МИРОВОЙ ТОРГОВЛЕ ТОВАРАМИ В XXI ВЕКЕ	125
21.ПУДОВКИН Д.С. КОМПЕНСАЦИОННЫЕ ФОНДЫ И СТРАХОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ДЕЛИКТОСПОСОБНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА	133
22.БЕЛОВА Д.И. КИБЕРБУЛЛИНГ КАК ВЫЗОВ УГОЛОВНО–ПРАВОВОЙ ДОГМАТИКЕ: ПОИСК БАЛАНСА МЕЖДУ СВОБОДОЙ СЛОВА И ЗАЩИТОЙ ЛИЧНОСТИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ ...	140
23.АВАКЯН Э.Г. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ЗАКРЫТЫХ СУДЕБНЫХ ЗАСЕДАНИЙ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ	147
24.ИЛЮШКИНА А.С. КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА В ОРГАНИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	151
25.АЙРАПЕТЯН В.Г., АРАКЕЛЯН А.М. АНАЛИЗ СПРОСА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ НА УСЛУГИ ЛЕЧЕБНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ	155
26.АЙРАПЕТЯН В.Г., КОЧЕЯН Р.С. АНАЛИЗ ПРЕДСТАВЛЕННОСТИ И ИМИДЖА ГАТРОНОМИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ СОЧИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ	166
27.ХОРУН А.П. МЕХАНИЗМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ УМЫСЛА ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ В КОРПОРАТИВНОЙ СРЕДЕ.....	173
28.БАРСЕГЯН Р.Н., БОЧКОВА Т.А. МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ И ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ.	177
29.ТРУБИН Н.И. РАЗВИТИЕ КОМПЕТЕНЦИЙ ПЕРСОНАЛА КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИЕЙ.....	181
30.БЕРЕЗИН П.В. СИСТЕМА НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ СОГЛАШЕНИЙ О РАЗДЕЛЕ ПРОДУКЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	186

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**Морозова Ю.Ю.**

кандидат психологических наук,
доцент кафедры социальной психологии
НОУ ВПО «Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов»,
судебный психолог-эксперт, г. Санкт-Петербург
e-mail: W82@inbox.ru

Айропетян Е.А.

студент
факультет культуры
НОУ ВПО «Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов»

Morozova Y.Y.

Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor of the Department of Social Psychology
St. Petersburg University of the Humanities of Trade Unions,
forensic psychologist and expert, Saint- Petersburg

Ayropetyan E.A.

Student
Faculty of Culture
St. Petersburg University of the Humanities of Trade Unions

**ЭМОЦИОНАЛЬНО-ВОЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ И МЕХАНИЗМЫ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ У МУЖЧИН СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА.**

Аннотация. В работе описаны понятия копинг-механизмов и эмоционально-волевых характеристик личности, используемых мужчинами среднего возраста (35-55 лет) для формирования адаптивности, продуктивности в интеллектуальной активности и деятельности в целом. Совладание со стрессом у мужчин в контексте высоких экзистенциальных, витальных нагрузок является крайне важной проблемой. Что может приводит к низкой успешности в деятельности и коммуникации. Эмоциональные неравновесные состояния приводят к снижению эмоционально-волевых характеристик, что может помешать реализоваться в профессии и в личной жизни. Выбор копинг-механизмов обуславливается типом мышления, установками личности и способен быть тем крайне важным фактором, приводящим к социально – продуктивному поведению. Эмоционально-волевая сфера обеспечивает возможность контролировать свои эмоции, действия и достигать поставленные задачи несмотря на внешние и внутренние воздействия.

В то же время механизмы психологической защиты являются важным компонентом для сохранения эмоциональной стабильности и устойчивости психики личности. Они позволяют организму поддерживать гомеостаз и защищают целостность «Я» от деструктивных факторов. Кроме того, выборка исследования включает лиц мужского пола, что обусловлено особенностями проявления эмоционально-волевой регуляции и механизмов психологической защиты, зависящими от социально-психологических и гендерно-ролевых факторов. Исследования показывают, что у мужчин наблюдаются отличительные стратегии совладания со стрессом, иные формы эмоционального реагирования и способы волевой

саморегуляции, что делает данную группу особенно значимой для выявления специфики взаимосвязи исследуемых феноменов.

Ключевые слова: копинг-механизмы, адаптивность, трудоспособность, социальные взаимоотношения, мужчины среднего возраста, эмоционально-волевая регуляция.

EMOTIONAL AND VOLITIONAL PERSONALITY TRAITS AND MECHANISMS OF PSYCHOLOGICAL PROTECTION IN MIDDLE-AGED MEN.

Abstract. The work describes the concepts of coping mechanisms and emotional-volitional characteristics of the individual, used by middle-aged men (35-55 years old) to form adaptability, productivity in intellectual activity and activity in general. Coping with stress in men in the context of high existential, vital loads is an extremely important problem. Which can lead to low success in activity and communication. Emotional unbalanced states lead to a decrease in emotional-volitional characteristics, which can prevent the realization of the profession and personal life. The choice of coping mechanisms is determined by the type of thinking and personality traits, and it can be an extremely important factor that leads to socially productive behavior. The emotional and volitional sphere provides the ability to control one's emotions, actions, and achieve goals despite external and internal influences.

At the same time, psychological defense mechanisms are an important component for maintaining emotional stability and the mental resilience of an individual. They allow the body to maintain homeostasis and protect the integrity of the self from destructive factors. Additionally, the study sample includes male individuals, which is due to the specific characteristics of emotional-volitional regulation and psychological defense mechanisms, which are influenced by socio-psychological and gender-role factors. Research shows that men have distinct strategies for coping with stress, different forms of emotional response, and methods of volitional self-regulation, which makes this group particularly important for identifying the specific relationship between the phenomena under study.

Keywords: coping mechanisms, adaptability, ability to work, social relationships, middle-aged men, emotional-volitional regulation.

Эмоционально-волевая сфера личности представляет собой психическую систему, обеспечивающую оценку значимости ситуаций, формирование целей и задач, а также управление действиями. Несмотря на различие в трактовках, в научном поле долгое время эмоции и воля рассматривались как самостоятельные психические процессы, однако современные подходы раскрывают их как функционально взаимосвязанные компоненты единой регуляторной системы.

Воля поддерживает целенаправленность активности и обеспечивает преодоление внутренних зажимов, ограничений и препятствий, которые возникают в ходе индивидуального развития.

По мнению исследователей, мотивация выступает интеграционным механизмом, объединяющим эмоциональную оценку значимости потребностей с волевым управлением поведением, что позволяет личности целенаправленно преодолевать препятствия и достигать устойчивых результатов [8].

Нынешние исследования демонстрируют регуляцию действий эмоционально-волевой сферой личности и взаимодействие с индивидуальными защитными механизмами. Механизм стремления к гармонии проявляется в дистанцировании от конфликтов за счет самопожертвования, что ведет к повышению чувствительности к стрессу и усиливает выраженность негативных эмоций. Данный фактор стоит учитывать при анализе эмоционально-волевой регуляции, поскольку он показывает, что личностные особенности модифицируют эффективность волевых и эмоциональных процессов в условиях стрессовой ситуации [9].

В статье Симаевой И.Н. адаптация описывается как системный процесс, включающий в себя эмоциональную оценку ситуации, сбор волевых ресурсов и перестройку стратегий поведения. Стоит отметить роль эмоциональной регуляции, выступающей в качестве успешной адаптации [3].

Таким образом, в структуре эмоционально-волевой сферы можно выделить оценочный (эмоциональный) и регуляторно-исполнительный (волевой) компоненты, функционирующие в единой иерархической системе. Интеграция эмоциональной и волевой сфер в рамках иерархической системы регуляции обеспечивает целостность психической деятельности, формируя регуляторную основу поведения и развития личности.

Волю описывают как поддержание уверенности и преодоление сомнений. Уверенность обеспечивает активную позицию и вовлеченность в процесс. Сомнения могут привести к отказу от цели, поскольку концепция порогового перехода продемонстрировала, что незначительное изменение оценки вероятности успеха может вызвать резкий переход от уверенности к отказу. Волевой процесс отвечает за удержание внимания на определенной задаче, преодоление внутренних препятствий и согласование действий с более рациональными задачами.

Шейер и Карвер раскрывают интеграцию эмоциональной сферы и волевых процессов через иерархическую структуру целей, где обобщенные ценностные ориентиры управляют конкретными задачами. Эмоции сигнализируют о продвижениях на разных уровнях, а воля помогает поддерживать движение к целям. Иными словами, человек выступает как активный субъект, который с помощью эмоциональной сферы управляет динамической настройкой деятельности, а с помощью волевого механизма поддерживает направленность поведения. Таким образом, эмоциональные реакции выполняют оценочную функцию, влияя на корректировку стратегий поведения.

Взаимосвязь эмоционально-волевой сферы с механизмами психологической защиты имеет большое значение для понимания человеческого поведения и успешной адаптации в обществе. Эмоционально-волевая сфера определяется как многоуровневая система, обеспечивающая оценку значимости ситуации и организацию активации действий. Эмоции выполняют оценочную и сигнальную функцию, тем самым отражают отношение к внешним условиям. Они не являются изолированными реакциями, а включены в структуру регуляции поведения. Воля обеспечивает произвольный контроль и поддерживает концентрацию внимания для успешного преодоления внутренних и внешних препятствий. Их взаимодействие продуцирует регуляторную основу поведения деятельности. Саморегуляция – это системный механизм организации поведения и деятельности личности, обеспечивающим целенаправленность, устойчивость и адаптивность в изменяющихся условиях. Существенный вклад в развитие проблемы саморегуляции внес О. А. Конопкин. В своих работах он обосновал концепцию осознанной саморегуляции как интегративной системы процессов целеполагания, моделирования условий, программирования действий и оценки результатов. Регуляция эмоций осуществляется на различных этапах эмоционального процесса – от выбора ситуации до модификации эмоционального отклика. Выделяются когнитивные и поведенческие стратегии регуляции, различающиеся по степени адаптивности. Когнитивные стратегии – это способ изменения интерпретации ситуации. Поведенческие стратегии – это способ изменения внешних действий или условий. Когнитивная переоценка, осознанное управление вниманием и поведенческая модификация условий деятельности рассматриваются как более конструктивные механизмы, а подавление, избегание и ригидные формы контроля могут носить дезадаптивный характер при их хроническом использовании. Отдельно отмечается волевой компонент саморегуляции, он включает в себя самоконтроль, усилие и устойчивость к фрустрации. Самоконтроль – это произвольное управление импульсами и поведением в соответствии с целью. Усилие – это сознательное напряжение психических ресурсов для преодоления трудностей. Устойчивость к фрустрации – это способность сохранять направленность и функциональность при препятствиях и

неудаче. Воля является механизмом мобилизации ресурсов личности и обеспечивает реализацию намерений вопреки внешним и внутренним препятствиям.

Взаимодействие эмоционально-волевой сферы и механизмов психологической защиты представляет собой ключевой компонент психической регуляции. Эмоционально-волевая сфера включает такие качества, как самоконтроль, способность прикладывать усилие для достижения целей и устойчивость к фрустрации, которые обеспечивают целенаправленное поведение и адаптацию к внешним требованиям. Механизмы психологической защиты, в свою очередь, функционируют на уровне бессознательного и помогают личности снижать эмоциональное напряжение, защищая от чрезмерного стресса, тревоги или внутреннего конфликта. Их взаимодействие проявляется в том, что развитый самоконтроль и способность к целенаправленному усилию позволяют более гибко использовать защитные механизмы: например, рационализация или сублимация становятся инструментами конструктивной переработки стрессовых ситуаций, а не деструктивной формы избегания. Таким образом, эмоционально-волевая сфера и механизмы психологической защиты находятся в тесной взаимосвязи, поддерживая адаптивность личности, регулируя эмоциональные состояния и обеспечивая эффективное поведение в сложных или конфликтных ситуациях. Это подчеркивает значимость целенаправленного развития волевых качеств и осознанной работы с защитными стратегиями для повышения психологической устойчивости и качества жизни. Для изучения заявленных характеристик были использованы психодиагностические методики.

На основании анализа данных полученных с помощью опросника «Эмоциональный интеллект» Д.В. Люсина (ЭМИн) были получены следующие сведения: общий показатель эмоционального интеллекта у респондентов находится на среднем уровне. Статистически значимые различия между возрастными группами обнаружены по шкале «Управление эмоциями», где наиболее высокие показатели зафиксированы в группе 50-55 лет, что достоверно выше, чем в группе 35-44 лет. Анализ данных по методике «Исследование волевой саморегуляции» А.В. Зверькова и Е.В. Эйдмана показал, что волевые характеристики мужчин находятся в пределах средних значений. Статистически значимых различий между возрастными группами по шкалам «Волевая саморегуляция», «Настойчивость» и «Самообладание» не обнаружено, что свидетельствует об относительной стабильности волевой сферы в исследуемом возрастном диапазоне (35-55 лет). На основании данных теста «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика установлено, что ведущим механизмом психологической защиты у мужчин 35-44 лет является «Отрицание». Выявлены статистически значимые различия по данному механизму. Это говорит о том, что молодые респонденты прибегают к нему достоверно чаще, чем мужчины старших групп.

Была подтверждена основная гипотеза исследования о существовании взаимосвязи между эмоционально-волевыми характеристиками личности и механизмами психологической защиты. С использованием корреляционного критерия Спирмена установлены следующие закономерности: выявлена устойчивая отрицательная корреляция между общим эмоциональным интеллектом и механизмом «Отрицание», а также между внутриличностным эмоциональным интеллектом и отрицанием. Это подтверждает гипотезу о том, что высокая эмоциональная устойчивость связана с отказом от примитивных защит. В ходе исследования была зафиксирована положительная корреляция между волевой саморегуляцией и механизмом «Подавление», что подтверждает гипотезу о вовлеченности данного механизма в процессы сознательного контроля. Следует отметить, что выявленные корреляции имеют невысокую силу, что свидетельствует об умеренной выраженности взаимосвязей и может служить фундаментом для продолжения исследования данной темы.

Таким образом, выявлено наличие взаимосвязи между эмоционально-волевыми характеристиками и механизмами психологической защиты. , в частности - взаимосвязь между показателями волевой регуляции и механизмом «Подавление». При этом, различия между возрастными группами по

показателям эмоционального интеллекта, механизмам психологической защиты и волевым характеристикам отсутствуют.

Литература:

1. Альдао А., Нолен-Хоексема С., Швейцер С. Стратегии регуляции эмоций в психопатологии: метааналитический обзор //Обзор клинической психологии. – 2010. – Т. 30. – №. 2. – С. 217-237.
2. Бобровская Е. Ф. Стресс и копинг-тест Р. Лазаруса и С. Фолкман //Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – 2020. – №. 7. – С. 48-52.
3. Симаева И. Н. Психология адаптации субъекта к изменениям жизнедеятельности. – 2019. – С. 312.
4. Виленская Г. А. Волевая регуляция. – 2021. – С. 40.
5. Дикая Л. Психическая саморегуляция функционального состояния человека (системно-деятельный подход). – Litres, 2022. – С. 35.
6. Ильин Е. П. Психология воли. 2-е изд.: переработанное и дополненное. – Питер, 2017. – С. 45.
7. Ильин Е. П. Эмоции и чувства //СПб.: Питер. – 2001. – Т. 752. – С. 15.
8. Венецкая М. Я., Звада А. Э., Тажибаев Д. Н. Мотивация человека: теория А. Маслоу и современность //Социальные и гуманитарные науки в XXI веке: итоги, вызовы, перспективы. – 2020. – С. 85-91.
9. Вайянт Г. Э. Механизмы защиты эго: руководство для клиницистов и исследователей. – Американский психиатрический журнал, 1992. – С. 7-9.

Жигулина К.В.

студент

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) ФГАОУ ВО
«Уральский государственный педагогический университет»
e-mail: karin4isaeva@yandex.ru

Петрова С.С.

кандидат педагогических наук,

доцент кафедры психологии и педагогики дошкольного и начального образования
Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) ФГАОУ ВО
«Уральский государственный педагогический университет»
e-mail: svet.kapetrova2004@gmail.com

Zhigulina K.V.

Student

Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (branch) of the Ural State Pedagogical University

Petrova S.S.

CANDIDATE of Pedagogical Sciences,

Associate Professor at the Department of Psychology and Pedagogy of Preschool
and Primary Education

Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (branch) of the Ural State Pedagogical University

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА ПОДРОСТКОВ С ПРИЗНАКАМИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ. ТЕСТИРОВАНИЕ И ВЫЯВЛЕНИЕ ДЕВИАНТНЫХ ПОДРОСТКОВ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ.

Аннотация. Настоящая статья посвящена комплексному исследованию проблемы оказания психологической поддержки подросткам, демонстрирующим признаки девиантного поведения. В условиях стремительно меняющегося современного общества, характеризующегося многообразием социальных, экономических и культурных факторов, своевременное выявление и грамотная коррекция отклонений в поведении несовершеннолетних приобретают особую актуальность. Рассматриваются теоретико-методологические основы изучения, вопросы тестирования и диагностики, а также уделяется особое внимание разработке и обоснованию комплексной системы психологической поддержки подростков с девиантным поведением.

Ключевые слова: психологическая поддержка, подростки, девиантное поведение, тестирование, выявление, современное общество.

PSYCHOLOGICAL SUPPORT FOR ADOLESCENTS EXHIBITING DEVIANT BEHAVIOR. TESTING AND IDENTIFYING DEVIANT ADOLESCENTS IN MODERN SOCIETY

Abstract. This paper is devoted to a comprehensive study of the problem of providing psychological support to adolescents exhibiting signs of deviant behavior. In a rapidly changing modern society characterized by a diversity of social, economic, and cultural factors, the timely identification and effective intervention of behavioral deviations in minors are particularly relevant. The theoretical and methodological foundations of the study, testing, and diagnostic issues are examined, with special attention given to the development and validation of a comprehensive system of psychological support for adolescents exhibiting deviant behavior.

Keywords: psychological support, adolescents, deviant behavior, testing, identification, modern society.

Введение

Девиантное поведение подростков представляет собой серьезную социальную и психологическую проблему, требующую комплексного подхода и глубокого анализа. Оно проявляется в отклонениях от общепринятых норм и правил, выражаясь в агрессии, противоправных действиях, употреблении психоактивных веществ и других формах. Важно признать, что девиантное поведение подростка не всегда является проявлением "плохого" характера, но часто сигнализирует о неудовлетворенных потребностях, внутренних страданиях или последствиях неблагоприятного окружения. Осознание этой грани позволяет перейти от осуждения к эмпатии и поиску коренных причин. Нередко за агрессией скрывается страх, за противоправными действиями – жажда признания, а за употреблением психоактивных веществ – попытка справиться с болью или тревогой.

Психологи Замановская Е.В., Рыбников В.Ю. и Рожков М.И. в своих исследованиях убедительно демонстрируют, что дезадаптация подростка, проявляющаяся в девиантном поведении, запускает каскад негативных трансформаций в его личности и мировосприятии. Так, хроническое нарушение социальных норм и правил, обусловленное дезадаптацией, закрепляется на уровне устойчивых поведенческих паттернов. Подросток, сталкиваясь с постоянными конфликтами и неодобрением со стороны общества, начинает воспринимать его как враждебную среду, что, в свою очередь, порождает защитные механизмы, усугубляющие его отчуждение. Поэтому комплексный подход наиболее важен в воспитании таких трудных подростков. Для эффективного воздействия на «трудных» подростков комплексный подход сочетает в себе: профилактику, диагностику, индивидуальное сопровождение и работу с семьей. Индивидуальное сопровождение, включающее психолого-педагогическую поддержку, является ключевым элементом коррекции.

Цель исследования – выявить особенности проявления девиантного поведения у подростков, определить эффективные методы психологической поддержки и разработать рекомендации для педагогов, психологов, и родителей по профилактике коррекции девиантных проявлений в условиях современного общества.

Методы исследования: анализ научной литературы, тестирование (психодиагностика), наблюдение, беседа (индивидуальная и групповая), анкетирование, методы математической статистики, педагогический эксперимент.

Теоретические основы психологической поддержки подростков с признаками девиантного поведения

Психологическая поддержка подростков с признаками девиантного поведения – это комплекс мероприятий, направленных на минимизацию негативных проявлений, развитие адаптивных навыков и ресурсов личности, а также на предотвращение дальнейшей криминализации или социальной дезадаптации. Теоретические основы такой поддержки строятся на междисциплинарном подходе, интегрирующем в знания из различных областей психологии, педагогики, социологии и криминологии.

Девиантное поведение (отклоняющееся, асоциальное) – это устойчивое, повторяющееся поведение, не соответствующее общепринятым социальным нормам, ценностям и ожиданиям. Оно может проявляться в различных формах: агрессивность, аутоагрессия, суицидальное поведение, преступность, наркомания, алкоголизм, правонарушения, зависимое поведение и т.д.

Существуют различные причины и факторы девиантного поведения:

– Биологические факторы:

- Наследственная предрасположенность, особенности нервной системы, гормональный дисбаланс, заболевания.

– Психологические факторы:

- Личностные особенности: Низкая самооценка, неуверенность в себе, импульсивность, агрессивность, фрустрационная толерантность, завышенные или заниженные притязания, поиск острых ощущений.

- Когнитивные искажения: Негативные стереотипы мышления, ригидность, трудности в саморегуляции, искаженное восприятие реальности.

- Эмоциональные проблемы: Тревожность, депрессия, страхи, неудовлетворенные потребности (в любви, принятии, уважении, безопасности).

- Проблемы самоидентификации: Неопределенность "Я", поиск себя, кризис идентичности.

– Социальные факторы:

- Семья: Дисфункциональная семья (конфликты, насилие, гиперопека или отвержение), отсутствие родительского контроля, негативный пример родителей, дефицит внимания и эмоциональной связи.

- Школа/образовательная среда: Трудности в обучении, отсутствие поддержки со стороны учителей, отвержение сверстниками.

- Сверстники: Влияние негативной референтной группы, стремление к принятию в асоциальной группе.

- Социум/культура: Влияние субкультур, пропаганда насилия, доступность психоактивных веществ, социальное неравенство, стрессы и кризисы в обществе.

Динамика развития девиантного поведения: Девиантное поведение часто является следствием кумулятивного эффекта негативных факторов, постепенно накапливающихся с течением времени. Важно понимать, что девиантное поведение – это не статичное состояние, а динамический процесс, который может прогрессировать или изменяться под воздействием различных интервенций.

Понятие "признаки девиантного поведения": не всегда речь идет о сформировавшемся устойчивом преступном поведении. Это могут быть первые проявления неповиновения, агрессии, употребления алкоголя/наркотиков, асоциальные контакты. Раннее выявление и своевременная поддержка имеют ключевое значение.

II. Теоретические модели психологической поддержки:

1. Модель развития (Developmental Model):

Суть: рассматривает девиантное поведение как результат нарушения нормального процесса развития личности, прохождения кризисов, формирования навыков.

Применение: Фокус на возрастных особенностях, кризисах подросткового возраста, формировании идентичности, развитии самоконтроля. Психологическая поддержка направлена на помощь в успешном прохождении возрастных этапов.

2. Модель обучения (Learning Model):

Суть: объясняет девиантное поведение как результат научения через подкрепление, ассоциации, подражание.

Применение: Применение бихевиоральных техник:

- Формирование позитивных навыков: Социальные навыки, навыки самоконтроля, умение решать проблемы, навыки ассертивности.

- Уменьшение негативных поведенческих паттернов: Методы десенсибилизации, обратного обусловливания, прерывания цепочки поведения.

- Позитивное подкрепление: Поощрение желательного поведения.

- Управление негативными последствиями: Создание неблагоприятных последствий для девиантного поведения.

3. Когнитивно-поведенческая модель (Cognitive-Behavioral Model):

Суть: акцентирует внимание на взаимосвязи мыслей, чувств и поведения. Девиантное поведение обусловлено деструктивными когнитивными установками, искаженными представлениями и неэффективными поведенческими стратегиями.

Применение:

- Когнитивная реструктуризация: Выявление и коррекция иррациональных убеждений, стереотипов мышления ("все или ничего", "долженствование", "катастрофизация").
- Развитие навыков решения проблем (Problem-Solving Skills Training): Обучение поэтапному анализу проблем, генерации альтернативных решений, оценке их последствий и выбору наиболее конструктивного.
- Развитие навыков управления гневом (Anger Management): Идентификация триггеров гнева, обучение техникам релаксации, когнитивных стратегий для снижения интенсивности гнева.
- Тренинг социальных навыков (Social Skills Training): Обучение эффективному общению, установлению контактов, выражению потребностей и чувств.

4. Экзистенциальная модель (Existential Model):

Суть: связывает девиантное поведение с экзистенциальным кризисом, ощущением бессмысленности жизни, свободы и ответственности.

Применение:

- Поиск смысла жизни: Помощь подростку в осознании своих ценностей, целей, в поиске личного смысла.
- Принятие ответственности: Развитие самосознания и понимания своей ответственности за свой выбор и поступки.
- Развитие самопринятия: Осознание своих сильных и слабых сторон, принятие себя.

5. Гуманистическая модель (Humanistic Model):

Суть: подчеркивает внутренний потенциал личности к росту и самореализации. Девиантное поведение возникает при блокировании этого потенциала, неудовлетворенности базовых потребностей (в безопасности, любви, принятии).

Применение:

- Создание поддерживающей и безопасной атмосферы: Установление доверительных отношений, эмпатия, безусловное позитивное принятие.
- Активизация внутренних ресурсов: Помощь в осознании своих сильных сторон, самооценности, стремления к развитию.
- Свобода выбора и самовыражения: Создание условий для безопасного самовыражения.

6. Системный семейный подход (Family Systems Approach):

Суть: рассматривает подростка как часть семейной системы. Девиантное поведение часто является симптомом дисфункции в семейной системе.

Применение:

- Семейное консультирование: Работа со всей семьей, налаживание коммуникации, разрешение конфликтов, изменение дисфункциональных паттернов взаимодействия.
- Раннее выявление семейных проблем: Оценка семейной атмосферы, определение роли подростка в семейной системе.

III. Ключевые принципы психологической поддержки:

- Индивидуализация: Учет уникальных особенностей каждого подростка, причин и проявлений его девиантного поведения.

- **Комплексность:** Охват различных сфер жизни подростка (личной, социальной, семейной, образовательной).
- **Системность:** Взаимодействие с различными специалистами (психолог, педагог, социальный работник, врач, правоохранительные органы, при необходимости).
- **Гуманизм и уважение:** Подход, основанный на принятии, эмпатии, без осуждения.
- **Директивность и недопустимость пассивности:** Психолог занимает активную позицию, направляя, обучая, мотивируя подростка к изменениям.
- **Конфиденциальность:** Соблюдение этических норм и гарантия безопасности для подростка.
- **Профилактическая направленность:** Не только коррекция уже имеющихся нарушений, но и предупреждение их развития.
- **Развитие ресурсов:** Акцент на сильные стороны, потенциал подростка, а не только на его проблемы.
- **Этапность:** Четкое понимание этапов работы, от установления контакта до стабилизации состояния и интеграции в общество.

IV. Направления психологической поддержки:

- **Диагностика:** Выявление причин, факторов, форм девиантного поведения, особенностей личности, когнитивных процессов, эмоционального состояния, семейной ситуации.
- **Психокоррекция:** Целенаправленное воздействие на личностные, когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты девиантного поведения.
- **Психологическое консультирование:** Помощь подростку в осознании своих проблем, поиске решений, развитии самопонимания.
- **Развитие адаптивных навыков:** Обучение навыкам самоконтроля, решения проблем, эффективного общения, асертивности, управления стрессом.
- **Формирование адекватной самооценки и Я-концепции:** Работа над самопринятием, формированием позитивного образа "Я".
- **Мотивация к позитивным изменениям:** Повышение заинтересованности подростка в саморазвитии, достижении целей.
- **Профилактика рецидивов:** Обучение стратегиям преодоления трудных ситуаций, предотвращения срывов.
- **Работа с семьей:** Оптимизация семейных отношений, повышение компетентности родителей, формирование позитивной родительской позиции.
- **Социальная реабилитация:** Помощь в восстановлении социальных связей, трудоустройстве, адаптации в обществе.

V. Теоретические подходы к конкретным формам девиантного поведения:

- **Агрессивное поведение:** Теории фрустрации-агрессии, социального научения, биологические предпосылки.
- **Аддиктивное поведение (наркомания, алкоголизм):** Биопсихосоциальная модель, теории зависимости, стресса, копинг-стратегий.
- **Суицидальное поведение:** Теории безысходности, фрустрации, импульсивности, проблемы с самооценкой и идентификацией.
- **Правонарушения:** Теории социального научения, стигматизации, криминального подражания, дефицита социальных навыков.

Теоретическая основа психологической поддержки подростков с признаками девиантного поведения многогранна и требует интеграции различных знаний. Эффективная поддержка возможна только при комплексном, индивидуализированном и гуманистическом подходе, направленном на

понимание глубинных причин нарушений, развитие внутренних ресурсов подростка и содействие его успешной социальной адаптации. Важно помнить, что девиантное поведение – это сигнал о проблемах, которые возникают в процессе развития и социализации, и психологическая поддержка является ключевым инструментом для оказания помощи в разрешении этих проблем.

Особенности применения тестирования и выявления девиантных подростков в современном обществе.

Выявление подростков с признаками девиантного поведения – сложный и многоаспектный процесс, который требует особого подхода, учитывающего как психологические, так и социальные особенности современных подростков, а также этические нормы. Тестирование является одним из инструментов, но его применение имеет ряд существенных особенностей.

I. Общие особенности выявления девиантных подростков:

1. Многофакторность причин: Девиантное поведение редко имеет одну причину. Оно является результатом сложного взаимодействия биологических, психологических, семейных, школьных и социальных факторов. Поэтому выявление должно учитывать всю эту совокупность.

2. Динамичность и вариативность: Девиантное поведение не статично, оно может видоизменяться, усиливаться или ослабевать. Кроме того, формы проявления могут быть очень разными – от школьного хулиганства до употребления психоактивных веществ и самоповреждений.

3. "Маскировка" и скрытность: Подростки, особенно более опытные в девиантных действиях, могут скрывать свои проблемы, опасаясь наказания, осуждения или утраты авторитета в группе.

4. Влияние контекста: Социальное окружение (семья, сверстники, школа, СМИ) играет огромную роль как в формировании, так и в проявлении девиантного поведения.

5. Раннее выявление – ключ к успеху: чем раньше замечены признаки девиантного поведения, тем выше вероятность успешной коррекции и предотвращения серьезных последствий.

II. Особенности применения тестирования:

Тестирование – это лишь один из методов, и его следует рассматривать в комплексе с другими диагностическими процедурами (наблюдение, интервью, анализ документов, проективные методики).

1. Выбор адекватных методик:

- Актуальность: Методики должны быть современными, адаптированными к возрасту и культурным особенностям подростков. Устаревшие или неадаптированные тесты могут давать искаженную картину.

- Цель тестирования: необходимо четко определить, что мы хотим выявить: конкретные отклонения (агрессивность, тревожность, склонность к риску), общие личностные черты, связанные с девиантностью, или когнитивные искажения.

- Надежность и валидность: Тесты должны обладать доказанной надежностью (стабильность результатов) и валидностью (измерение именно того, чего должны).

2. Этический аспект:

- Информированное согласие: Подростку (и, при необходимости, его законным представителям) должна быть предоставлена полная информация о цели тестирования, его характере, возможных результатах и их использовании. Добровольность участия – обязательна.

- Конфиденциальность: Результаты тестирования должны быть конфиденциальны и доступны только специалистам, которые непосредственно работают с подростком.

- Предотвращение стигматизации: Результаты тестирования не должны использоваться для навешивания ярлыков. Главная цель – понимание и помощь, а не осуждение.

- Право на отказ: Подросток имеет право отказаться от тестирования или прекратить его в любой момент.

3. Интерпретация результатов:

- Не механистичность: никогда нельзя делать выводы о девиантности подростка только на основании результатов одного теста.

- Учет контекста: Результаты теста должны интерпретироваться в контексте всей информации о подростке: его анамнезе, семейной ситуации, поведении в школе и вне ее.

- Необходимость квалификации: Интерпретация результатов сложных психологических тестов требует высокой квалификации и опыта психолога.

- Сравнение с нормами: Результаты сравниваются с нормативными показателями для данной возрастной группы.

4. Типы тестов, используемых для выявления:

1. Тесты личности:

- Многофакторные опросники: ММРІ-А (Адаптированная версия Миннесотского многоаспектного личностного опросника для подростков), опросники Айзенка (особенности темперамента, подозрительность, экстраверсия/интроверсия), опросник Леонгарда-Шмишека (акцентуации характера).

- Тесты для выявления специфических черт: Опросники агрессивности (Басса-Дарки), шкалы тревожности (Спилбергера-Ханина), шкалы самооценки (Лозенс, Розенберг).

2. Проективные методики:

- Рисуночные тесты: "Дом-Дерево-Человек", "Несуществующее животное" (помогают выявить неосознаваемые проблемы, конфликты, страхи).

- Тематический апперцептивный тест (ТАТ) (адаптированные версии).

- Тест Роршаха (требует высокой квалификации).

3. Когнитивные тесты:

- Тесты на уровень интеллекта (IQ): Дефицит когнитивных функций может быть связан с трудностями в обучении и адаптации.

- Тесты на когнитивные искажения: Оценка ригидности мышления, импульсивности, способности к самоконтролю.

- 4. Анкетирование: Разработка анкет для самооценки или оценки со стороны родителей/педагогов специфических поведенческих паттернов.

III. Особенности выявления в современном обществе (влияние новых трендов):

1. Цифровизация и интернет-среда:

- Кибербуллинг, онлайн-агрессия: Проблемы, которые проявляются в интернете, требуют новых методов диагностики, включая анализ цифрового следа, мониторинг активности (с соблюдением приватности).

- Зависимость от гаджетов и интернета: Разработка опросников и диагностических критериев для интернет-зависимости.

- Пропаганда девиантного поведения в сети: Подростки могут подвергаться влиянию деструктивных онлайн-сообществ (группы смерти, экстремистские группы). Выявление требует понимания особенностей поведения в онлайн-среде.

- Телефонное/онлайн-консультирование: Возможность начать контакт с подростком через цифровые каналы, что может быть менее пугающим для него.

2. Социальная неопределенность и стресс:

- Повышенная тревожность и стресс: Современные подростки сталкиваются с большим количеством стрессовых факторов (экономическая нестабильность, экологические проблемы,

вооруженные конфликты). Это может провоцировать девиантное поведение как способ справиться со стрессом.

- Поиск идентичности в условиях многообразия: В современном обществе увеличивается разнообразие субкультур, идеологий, что может затруднять поиск собственного "Я" и вести к присоединению к рискованным группам.

3. Изменение представлений о норме и патологии:

- Снижение толерантности к определенным формам поведения: Некоторые действия, которые раньше считались нормальными, теперь рассматриваются как девиантные (например, употребление алкоголя в раннем возрасте).

- Расширение спектра изучаемых отклонений: Внимание уделяется новым формам девиантного поведения, таким как самоповреждающее поведение, расстройства пищевого поведения, связанные с влиянием социальных сетей (например, "синий кит").

4. Роль школы и образовательных учреждений:

- Системы раннего предупреждения: Школы все чаще внедряют программы по выявлению и поддержке подростков, находящихся в группе риска.

- Междисциплинарное взаимодействие: важно тесное сотрудничество школьных психологов, социальных педагогов, учителей, а также внешних специалистов (психологи, сотрудники ПДН).

IV. Рекомендации по применению тестирования:

- Тестирование – часть комплексной диагностики: не должно быть единственным методом.
- Предварительная работа: Установление доверительных отношений с подростком перед тестированием.

- Обучение специалистов: Повышение квалификации психологов по работе с подростками и современными методиками.

- Взаимодействие с родителями: Вовлечение семьи в процесс диагностики и поддержки (при условии согласия подростка и целесообразности).

- Разработка и внедрение скрининговых программ: Регулярное проведение кратких скрининговых тестов для выявления подростков, нуждающихся в более углубленном обследовании.

- Использование цифровых инструментов: для сбора данных, проведения онлайн-тестирования (при соблюдении безопасности и конфиденциальности).

Применение тестирования для выявления девиантных подростков в современном обществе требует осторожности, высокой этичности и квалификации. Важно адаптировать методики к реалиям цифрового мира, учитывать социальные и психологические особенности подростков, а само тестирование рассматривать как начальный этап комплексной диагностики, направленный на оказание своевременной и эффективной помощи. Основная цель – не "поставить диагноз", а понять причины проблем и помочь подростку найти конструктивные пути развития.

Результаты, выявление и педагогический эффект в психологической поддержке подростков с признаками девиантного поведения при использовании тестирования, анкетирования в современном обществе.

Использование тестирования и анкетирования в психологической поддержке подростков с признаками девиантного поведения является важным инструментом для выявления, диагностики и последующей коррекции. В современном обществе, где подростки сталкиваются с множеством вызовов, эти методы позволяют более глубоко понять их внутренний мир, причины отклоняющегося поведения и разработать наиболее эффективные стратегии поддержки.

Тестирование и анкетирование позволяют выявить следующие признаки девиантного поведения:

- Агрессивность и враждебность: Высокие показатели по шкалам агрессивности, враждебности, гневливости.
- Импульсивность и склонность к риску: Склонность к необдуманным поступкам, пренебрежение правилами безопасности, участие в опасных ситуациях.
- Конфликтность: Частые конфликты со сверстниками, учителями, родителями, склонность к нарушению правил и норм.
- Депрессивные и тревожные состояния: Повышенный уровень тревожности, подавленность, апатия, снижение интереса к жизни.
- Суицидальные мысли и намерения: Наличие мыслей о самоубийстве, планов, попыток.
- Низкая самооценка: Неуверенность в себе, недовольство своими качествами, неверие в собственные силы.
- Проблемы в общении: Трудности в установлении контактов, изоляция, избегание социальных ситуаций.
- Проблемы с учебой: Низкая успеваемость, прогулы, отсутствие мотивации к учебе.
- Употребление психоактивных веществ: Скрытое или явное употребление алкоголя, наркотиков, табака.
- Склонность к асоциальному поведению: Антиобщественные взгляды, пренебрежение законодательством, участие в противоправных действиях.

Методы тестирования и анкетирования:

1. Психодиагностические тесты:

- Личностные опросники: ММПІ (Миннесотский многоаспектный личностный опросник), 16PF (16-факторный личностный опросник Кеттелла), опросник Айзенка. Эти тесты помогают выявить акцентуации характера, личностные расстройства, склонности к определенным типам поведения.
- Тесты на агрессивность: Опросник Басса-Дарки, тест "Я" (оценка враждебности).
- Тесты на тревожность: Шкала Спилбергера-Ханина, тест Тейлора.
- Тесты на самооценку: Методика Дембо-Рубинштейн, тест Розенберга.
- Тесты на склонность к риску: Специализированные опросники, разработанные для оценки рискованного поведения.

2. Анкеты и опросники:

- Анкеты для выявления причин девиантного поведения: могут включать вопросы о семейной атмосфере, отношениях со сверстниками, школьной жизни, интересах, досуге.
- Анкеты для самооценки и самоанализа: помогают подростку осмыслить свое поведение, мотивы, чувства.
- Анкеты для родителей и педагогов: позволяют собрать информацию о поведении подростка из разных источников, получить более полную картину.

3. Проективные методики:

- Тест Роршаха, Тест тематической апперцепции (ТАТ), рисуночные тесты: позволяют выявить скрытые конфликты, страхи, желания, которые подросток может не осознавать или скрывать.

Использование тестирования и анкетирования позволяет объективно определить уровень склонности к девиантному поведению. Например, по результатам теста Тулуз-Пьерона:

Тест Тулуз-Пьерона — оценивает концентрацию, устойчивость и переключаемость внимания, психомоторный темп, волевую регуляцию.

Корректирующая проба («Найди и вычеркни») — анализирует продуктивность и устойчивость внимания.

Пример задания (тест Тулуз-Пьерона)

Подростку предлагается бланк с рядами квадратиков. Нужно сравнивать каждый квадратик с двумя образцами: если совпадает — зачеркнуть, если нет — подчеркнуть. На каждую строку даётся 1 минута. Фиксируется: количество обработанных знаков, количество ошибок (неверно зачёркнутые/подчёркнутые, пропуски).

Показатели теста:

1. Скорость выполнения: общее число обработанных знаков за время теста
2. Коэффициент точности: доля правильно обработанных знаков к общему числу знаков
3. Устойчивость внимания: динамика ошибок по строкам (рост ошибок к концу — снижение устойчивости)

Оценка результатов

Высокий уровень — 100% за 1 мин 15 сек без ошибок.

Средний уровень — 60% за 1 мин 45 сек с 2 ошибками.

Низкий уровень — 50% за 1 мин 50 сек с 5 ошибками.

Очень низкий уровень — 20% за 2 мин 10 сек с 6 ошибками.

По данным исследований, СДВ встречается примерно у 5–7% школьников подросткового возраста.

Мальчики страдают чаще: в младшей группе (6–8 лет) — 66,7% мальчиков и 33,3% девочек, в старшей (9–11 лет) — 60% мальчиков и 40% девочек.

Психолого-педагогическая диагностика и поддержка подростков с признаками девиантного поведения приводит к следующим результатам:

- Выявление групп риска: тестирование позволяет выделить подростков с выраженной вербальной, физической и эмоциональной агрессией, а также с неуверенностью в себе. Например, среди учащихся 6–8 классов вербальная агрессия выявлена у 17–22%, физическая — у 10–13%, эмоциональная — у 13–19%.

- Коррекция поведения: после проведения коррекционных занятий и тренингов у подростков отмечается снижение уровня агрессии, повышение уверенности в себе, развитие навыков конструктивного общения и саморегуляции.

- Повышение коммуникативных навыков: анкетирование и последующее сопровождение способствуют формированию у подростков более реалистичной самооценки, умению разрешать конфликты мирным путём, а не с помощью агрессии.

- Рост социальной адаптации: подростки становятся увереннее в общении, лучше понимают себя и других, приобретают знания о своих правах и обязанностях.

Тестирование и анкетирование — эффективные инструменты для выявления подростков с признаками девиантного поведения. Их использование в сочетании с психолого-педагогической поддержкой позволяет не только диагностировать проблемы, но и добиваться положительных изменений: снижать уровень агрессии, повышать самооценку, развивать коммуникативные навыки и способствовать успешной социальной адаптации подростков.

Заключение

Тестирование и анкетирование являются мощными, но не единственными инструментами в арсенале педагогов-психологов, работающих с подростками, демонстрирующими признаки девиантного поведения. Они служат важным этапом первичной диагностики, позволяющим выявить проблему, определить ее специфику и разработать гипотезы для дальнейшей работы. Однако результаты тестирования всегда должны интерпретироваться комплексно, с учетом индивидуальных особенностей подростка, его жизненного контекста, а также в сочетании с другими методами: наблюдением, беседой, анализом документации.

Эффективная психологическая поддержка подростков с девиантным поведением требует не только точной диагностики, но и грамотно выстроенной системы коррекционно-развивающей и профилактической работы. Важно создавать поддерживающую среду, где подросток чувствует себя в безопасности, где ему помогают развить необходимые навыки, принять себя и найти социально приемлемые пути самореализации. Современное общество, несмотря на свои вызовы, предоставляет все больше возможностей для такой поддержки, но успех зависит от профессионализма специалистов, слаженности их действий и активного участия самого подростка и его окружения.

Литература:

1. Замановская, Е. В., Рыбников, В. Ю. Методы исследования индивидуально-психологических различий: учебное пособие. — М.: ИНФРА-М, 2020. — 240 с.
2. Рожков, М. И. Информационная культура как фактор развития личности подростка: учебное пособие. — Ярославль: Издательство ЯГПУ, 2004. — 212 с.
3. Дубровина, И. В. Практическая психология в школе: учебное пособие. — М.: Просвещение, 1991. — 142 с.
4. Боголюбов Л.Н. Обществознание. Учебник для общеобразовательных организаций. — М.: Просвещение, 2016. — 183 с.
5. Змановская Е.В. Девиантное поведение личности и группы. — СПб.: Питер, 2019. — 58 с.
6. Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения. — М.: МЕДпресс-информ, 2018. — 48 с.
7. Никитин В.А. Девиантное поведение подростков: причины, тенденции и формы социальной защиты. — М.: Юрайт, 2020. — 272 с.
8. Попов Ю.В., Иванов Н.Я. Методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению. — Вологда: Центр гуманитарных исследований, 1992. — 32 с.
9. Басс А., Дарки А. Методика диагностики агрессивности. — М.: Психология, 2018. — 45 с.
10. Краснова К.Н. Социально-педагогическая и психологическая поддержка подростков с девиантным поведением. Красноярск: СФУ, 2023. — 115 с.

Шелудько Е.А.

старший преподаватель кафедры психологии
ФГБОУ ВО «Мелитопольский государственный университет»
e-mail shelydk0e@yandex.ru

Амосова Н.Ю.

магистрант кафедры психологии
ФГБОУ ВО «Мелитопольский государственный университет»
e-mail: n4mosova@yandex.ru

Sheludko E.A.

Senior Lecturer of the Department of Psychology
Melitopol State University

Amosova N.Yu.

Master's Student of the Department of Psychology
Melitopol State University

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТРЕССА У ПЕДАГОГОВ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ ЗАПОРОЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию взаимосвязи профессионального выгорания и профессионального стресса у педагогов дополнительного образования в условиях Запорожской области. Актуальность исследования обусловлена спецификой работы в сфере дополнительного образования, которая зачастую сопряжена с повышенной эмоциональной нагрузкой, нестабильным финансированием и необходимостью постоянного поиска мотивации как для себя, так и для обучающихся. В работе представлены результаты эмпирического исследования, проведенного среди педагогов дополнительного образования Запорожской области, направленного на выявление уровня выраженности симптомов профессионального выгорания и их корреляции с факторами профессионального стресса. Анализируются основные стрессоры, характерные для данной профессиональной группы, а также их влияние на развитие у педагогов синдрома эмоционального выгорания. Обсуждаются возможные пути минимизации негативного влияния профессионального стресса и профилактики выгорания, включая разработку специализированных программ поддержки и повышения стрессоустойчивости. Полученные данные позволят разработать практические рекомендации для администрации образовательных учреждений и самих педагогов, способствующие созданию более благоприятных условий труда и сохранению профессионального здоровья.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, профессиональный стресс, педагоги дополнительного образования, Запорожская область, эмоциональное выгорание, стрессоры, факторы риска, сохранение профессионального здоровья, психологическая поддержка.

PROFESSIONAL BURNOUT AS A FACTOR OF PROFESSIONAL STRESS AMONG TEACHERS OF ADDITIONAL EDUCATION ON THE EXAMPLE OF THE ZAPORIZHIA REGION

Abstract. This article is devoted to the study of the relationship between professional burnout and professional stress among teachers of additional education in the Zaporozhye region. The relevance of the research is due to the specifics of work in the field of additional education, which is often associated with

increased emotional stress, unstable financing and the need to constantly seek motivation for themselves and for students. The paper presents the results of an empirical study conducted among teachers of additional education in the Zaporozhye region, aimed at identifying the severity of symptoms of professional burnout and their correlation with occupational stress factors. The main stressors characteristic of this professional group are analyzed, as well as their impact on the development of burnout syndrome among teachers. Possible ways to minimize the negative impact of occupational stress and prevent burnout are discussed, including the development of specialized programs to support and increase stress tolerance. The data obtained will make it possible to develop practical recommendations for the administration of educational institutions and teachers themselves, contributing to the creation of more favorable working conditions and the preservation of professional health.

Keywords: professional burnout, professional stress, additional education teachers, Zaporizhia region, emotional burnout, stressors, risk factors, occupational health preservation, psychological support.

Введение. Современная система дополнительного образования Российской Федерации сталкивается с комплексом вызовов, требующих переосмысления подходов к профессиональному благополучию педагогов. Геополитические события последних лет, зачастую сопровождавшиеся переходом на дистанционные форматы работы, усугубили эмоциональную нагрузку специалистов, работающих с детьми во внеурочное время. Параллельно наблюдается рост требований к качеству образовательных услуг при расширении программ внеурочной деятельности, что создает дополнительные стрессогенные условия для педагогических кадров. Особую актуальность приобретает исследование профессионального выгорания в сфере дополнительного образования, где специфика деятельности предполагает интенсивное межличностное взаимодействие и творческую вовлеченность. Педагоги этой сферы выполняют не только обучающие, но и воспитательные функции, что увеличивает психоэмоциональную нагрузку. В условиях посткризисного восстановления образовательной системы изучение данного феномена становится важным элементом обеспечения устойчивого развития отрасли.

В Запорожской области проблема профессионального выгорания педагогов дополнительного образования проявляется с особой остротой в связи с необходимостью разработки индивидуальных образовательных траекторий для учащихся. Неравномерная возрастная структура детских групп требует от специалистов постоянной адаптации методик преподавания, что приводит к когнитивной перегрузке. Хроническое напряжение усугубляется отсутствием стандартизированных программ поддержки психологического здоровья в большинстве учреждений региона. Региональная специфика усиливает стрессогенные факторы за счет ограниченности ресурсной базы и нестабильного финансирования организаций дополнительного образования. Педагоги вынуждены совмещать административные обязанности с непосредственной работой с детьми при минимальной институциональной поддержке. Такие условия способствуют развитию синдрома эмоционального истощения, снижая не только качество образовательных услуг, но и профессиональную мотивацию специалистов.

Целью данного исследования выступает комплексный анализ проявлений профессионального выгорания как ключевого стрессогенного фактора среди педагогов дополнительного образования Запорожской области. На основе эмпирических данных предполагается выявить взаимосвязь между уровнем эмоционального истощения и специфическими условиями профессиональной деятельности в регионе. Полученные результаты должны стать основой для разработки адресных профилактических мер. Для достижения поставленной цели сформулирован ряд взаимосвязанных задач: анализ теоретических концепций выгорания в педагогическом контексте; организация эмпирического исследования с применением стандартизированных диагностических методик; выявление региональных детерминант профессионального стресса; разработка практических рекомендаций для образовательных учреждений. Последовательная реализация этих задач обеспечит системность исследования.

Выбор Запорожской области как объекта исследования обусловлен уникальным сочетанием факторов, влияющих на профессиональное самочувствие педагогов. Регион характеризуется социально-экономической напряженностью, ограниченным доступом к программам психологической поддержки и нестабильным финансированием сектора дополнительного образования. Эти условия создают специфическую среду для развития профессионального стресса, требующую отдельного научного осмысления.

Практическая значимость работы заключается в потенциале разработки адресных профилактических мер для образовательных учреждений Запорожской области. Результаты исследования могут быть использованы при формировании программ психологического сопровождения педагогов, оптимизации рабочих нагрузок и создании системы мониторинга профессионального выгорания. Реализация этих мер будет способствовать сохранению кадрового потенциала и повышению качества дополнительного образования в регионе.

Профессиональный стресс в педагогической деятельности представляет собой реакцию на дисбаланс между требованиями рабочей среды и психофизическими ресурсами специалиста. «В самом общем виде под термином «профессиональный стресс» можно понимать совокупность особенностей работы, связанных с риском профессионального выгорания, т. е. негативной реакцией психики и организма». Особое значение в педагогической практике приобретает когнитивно-эмоциональное напряжение, возникающее при взаимодействии с детьми. Это напряжение обусловлено необходимостью постоянного психологического включения в процесс обучения и воспитания. Дисбаланс ресурсов и требований проявляется в ситуациях, когда педагог не обладает достаточными инструментами для решения профессиональных задач. В условиях дополнительного образования данный дисбаланс усугубляется повышенной ответственностью за развитие творческих способностей обучающихся. Хроническое напряжение приводит к истощению адаптационных механизмов, что создает предпосылки для развития профессионального выгорания. Таким образом, профессиональный стресс выступает ключевым фактором в генезисе деструктивных состояний у педагогов.

Специфика стрессогенных факторов в системе дополнительного образования определяется нетипичными организационными условиями. Нестандартный график работы, включающий вечерние занятия и выходные дни, нарушает естественные биоритмы педагога. Необходимость разработки индивидуальных образовательных программ требует значительных временных и интеллектуальных затрат. Эти обстоятельства создают перманентную нагрузку на когнитивные и эмоциональные ресурсы специалиста. Дополнительным стрессогенным фактором выступает работа с разнородными возрастными группами обучающихся. Педагогу необходимо одновременно адаптировать методики преподавания для детей, подростков и взрослых слушателей. Такая многозадачность усиливает психоэмоциональное напряжение и снижает эффективность педагогического взаимодействия. Указанные особенности существенно отличают стрессовые проявления в дополнительном образовании от общего школьного контекста.

В условиях Запорожской области профессиональный стресс педагогов дополнительного образования усугубляется региональными особенностями. Децентрализация финансирования образовательных учреждений создает нестабильность в ресурсном обеспечении педагогического процесса. Миграционные процессы, характерные для региона, приводят к увеличению количества детей с разным уровнем подготовки и социальной адаптации. Эти факторы требуют от педагога дополнительных усилий по организации учебной деятельности. Особую значимость приобретает необходимость интеграции детей с особыми образовательными потребностями в общий учебный процесс. Отсутствие достаточной методической и материальной поддержки со стороны региональных органов управления образованием усиливает стрессовую нагрузку. Данные условия формируют

специфическую среду профессионального стресса, характерную для педагогов дополнительного образования Запорожской области. Это требует разработки адресных мер профилактики и коррекции стрессовых состояний.

Методология. Научное изучение профессионального выгорания началось в 1970-х годах с работ К. Маслач, которая разработала фундаментальную трехфакторную модель данного феномена. Основным компонентом модели выступает эмоциональное истощение, характеризующееся чувством опустошенности и неспособностью к эмоциональной отдаче. Данный аспект особенно актуален для педагогической деятельности, требующей постоянного межличностного взаимодействия. «Научное изучение этого феномена началось в 1970-х годах и связано с исследованием К. Маслач, которая одна из первых разработала концепцию профессионального выгорания и сформулировала его ключевые аспекты. Ее теория базируется на трех компонентах, которые составляют основу синдрома выгорания [1]: эмоциональное истощение – состояние, при котором человек ощущает себя опустошенным и неспособным проявлять эмпатию; деперсонализация – тенденция к безличному и часто негативному отношению к другим людям, что особенно заметно в профессиях, связанных с социальной сферой; снижение личной эффективности – потеря веры в собственные силы и компетенции, что приводит к неудовлетворенности работой и снижению мотивации [11, с.24]». В педагогическом контексте редукция профессиональных достижений проявляется в утрате веры в значимость собственной работы.

Отечественные исследователи Водошнянова и Старченкова акцентируют внимание на организационных детерминантах выгорания в педагогической среде. Водошнянова выделяет роль неэффективной организационной культуры, проявляющейся в недостаточной поддержке сотрудников и нерациональном распределении рабочих нагрузок. Эти факторы создают предпосылки для развития хронического стресса у педагогов дополнительного образования. Старченкова дополняет данный подход концепцией ценностно-смыслового диссонанса как ключевого механизма развития выгорания. Рассогласование между личными ценностями педагога и требованиями профессиональной среды приводит к внутренним конфликтам и эмоциональному истощению. Особую значимость этот фактор приобретает в условиях трансформаций системы дополнительного образования.

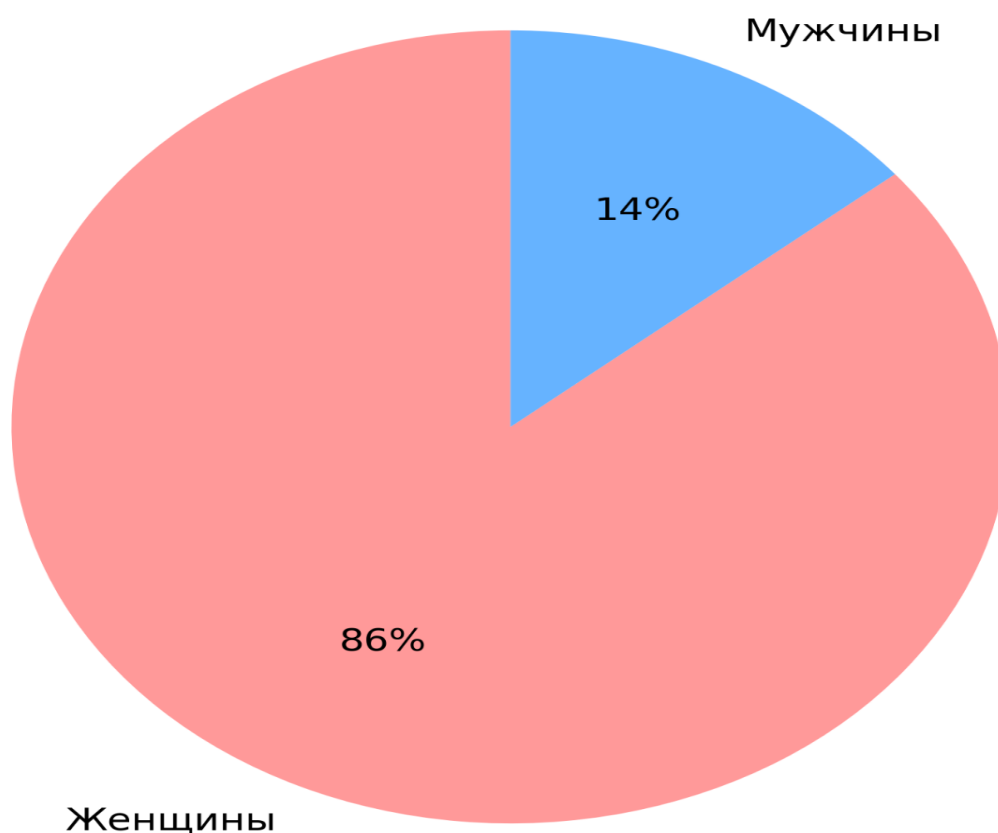
Современные интегративные модели, такие как теория Демероути, рассматривают выгорание как динамический процесс, обусловленный дисбалансом между рабочими требованиями и ресурсами. В педагогической деятельности этот дисбаланс проявляется в противоречии между высокими эмоциональными затратами и недостаточной организационной поддержкой. Модель подчеркивает кумулятивный характер развития синдрома. Лейтер развил данную концепцию, выделив фазовую специфику выгорания у педагогических работников. На начальных этапах преобладают эмоциональное напряжение и снижение мотивации, которые при хроническом стрессе трансформируются в циничное отношение и профессиональную деформацию. Такая динамика особенно характерна для педагогов дополнительного образования, работающих в условиях нестабильной образовательной среды.

Хронический профессиональный стресс рассматривается как основной предшественник развития синдрома выгорания в педагогической деятельности. Длительное воздействие стрессогенных факторов приводит к постепенному истощению эмоциональных ресурсов личности. Этот процесс сопровождается снижением способности к эмпатии и нарастанием психического напряжения. Кумулятивный эффект стрессовых воздействий создаёт предпосылки для формирования устойчивых негативных состояний. Важным аспектом взаимосвязи стресса и выгорания выступает формирование дезадаптивных копинг-стратегий. Педагоги, сталкивающиеся с хроническим стрессом, чаще демонстрируют пассивные формы совладающего поведения. Неэффективные стратегии преодоления трудностей усиливают чувство беспомощности и профессиональной несостоятельности. Данный механизм ускоряет развитие ключевых компонентов выгорания - эмоционального истощения и деперсонализации.

Организационные факторы выступают значимыми медиаторами в трансформации стрессовой реакции в синдром выгорания. Особую роль играют перегрузка и ролевая неопределённость, характерные для системы дополнительного образования. Несоответствие между профессиональными требованиями и доступными ресурсами создаёт условия для хронификации стрессовых состояний. Данная динамика особенно выражена в условиях нестабильной образовательной среды. Исследования подтверждают, что «после выполнения большого объема работы за короткое время у сотрудника появляется хроническая усталость, которая приводит к истощению и стрессу. Постоянное давление со стороны руководства, связанное с необходимостью выполнения задач в ограниченные сроки, и отсутствие эмоциональной поддержки с его стороны могут также вызывать чувство беспомощности и тревоги, ощущение одиночества, конфликты в коллективе, снижать профессиональную мотивацию [10, с.360]». Эти условия способствуют закреплению негативных психологических паттернов, характерных для выгорания.

Обсуждения. Выборка исследования включала педагогов дополнительного образования из различных учреждений Запорожской области. Общее количество участников составило 127 человек, что обеспечило репрезентативность данных для регионального контекста. Географическое распределение выборки охватывало как городские, так и сельские образовательные центры. Возрастной диапазон респондентов варьировался от 24 до 58 лет, со средним стажем профессиональной деятельности 12 ± 5 лет. Гендерный состав отражал характерную для сферы дополнительного образования диспропорцию: 86% женщин и 14% мужчин. Такая структура выборки позволила учесть специфику трудового коллектива в данной профессиональной сфере.

Распределение по полу

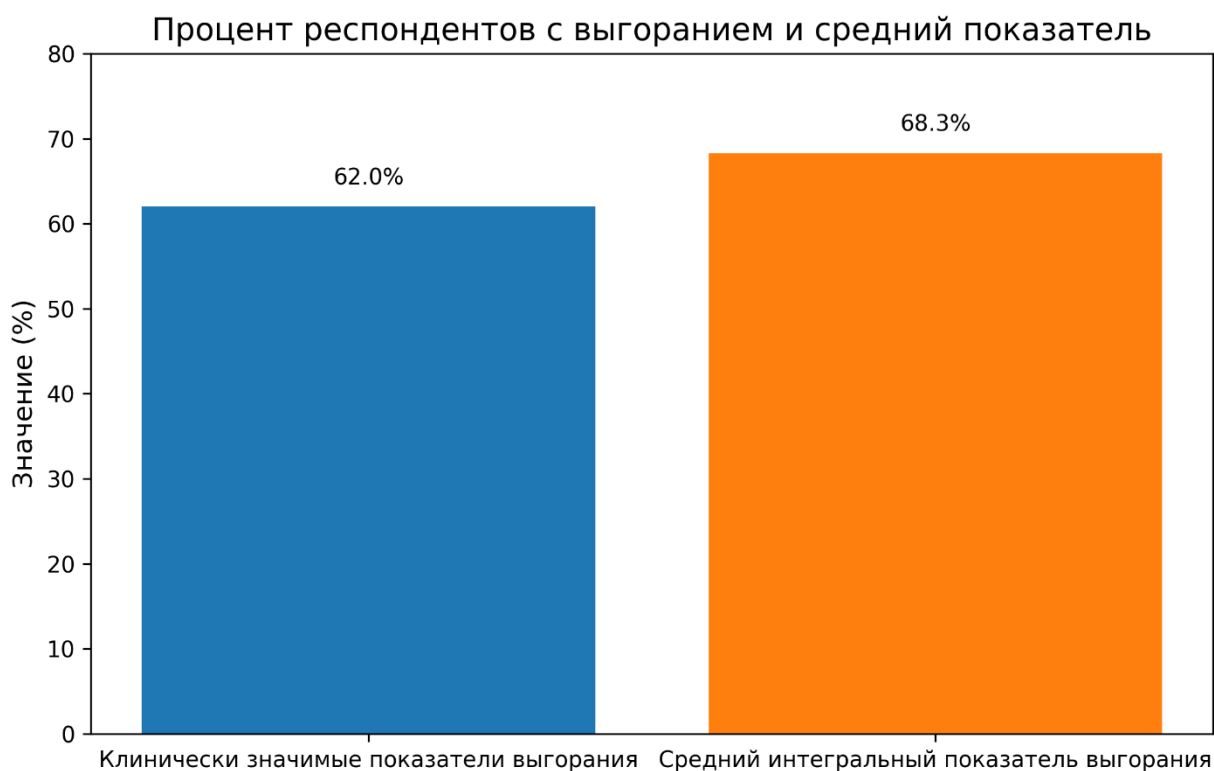

Для диагностики профессионального выгорания применялся опросник Maslach Burnout Inventory (MBI), включающий три субшкалы: эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию профессиональных достижений. Оценка профессионального стресса осуществлялась с помощью методики PSM-25, разработанной для измерения психофизиологического напряжения в трудовой

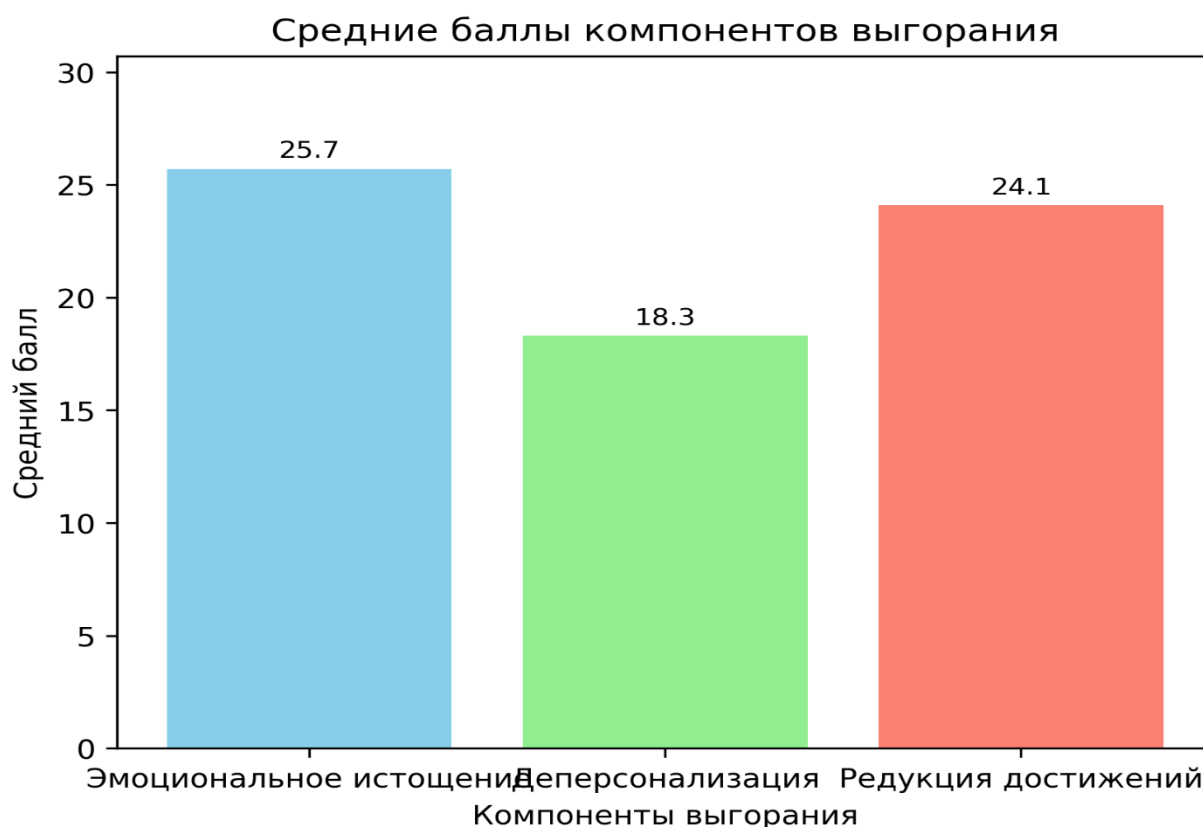
деятельности. Обе методики прошли процедуру стандартизации и адаптации для русскоязычной выборки. Использование МВІ подтверждено многочисленными международными исследованиями: «В исследовании 2014 года с участием 25 медсестер из Японии была выявлена значимая положительная связь между показателями эмоционального истощения по МВІ и способностью к децентрации» [3, с.33]. Методика PSM-25 позволила оценить физиологические, поведенческие и когнитивные проявления стресса, что обеспечило комплексный анализ изучаемого феномена.

Сбор эмпирических данных осуществлялся в период с сентября по декабрь 2025 года на базе региональных образовательных учреждений. Педагогам предлагалось заполнить бумажные версии опросников во время методических совещаний или педагогических советов. Среднее время заполнения анкет составляло 25-30 минут при обеспечении условий конфиденциальности. Этические аспекты исследования включали добровольное информированное согласие участников, гарантии анонимности и право на прекращение участия в любой момент. Все данные обрабатывались в обезличенном виде с соблюдением принципов конфиденциальности, предусмотренных Хельсинкской декларацией. Процедура получила одобрение этического комитета регионального образовательного департамента.

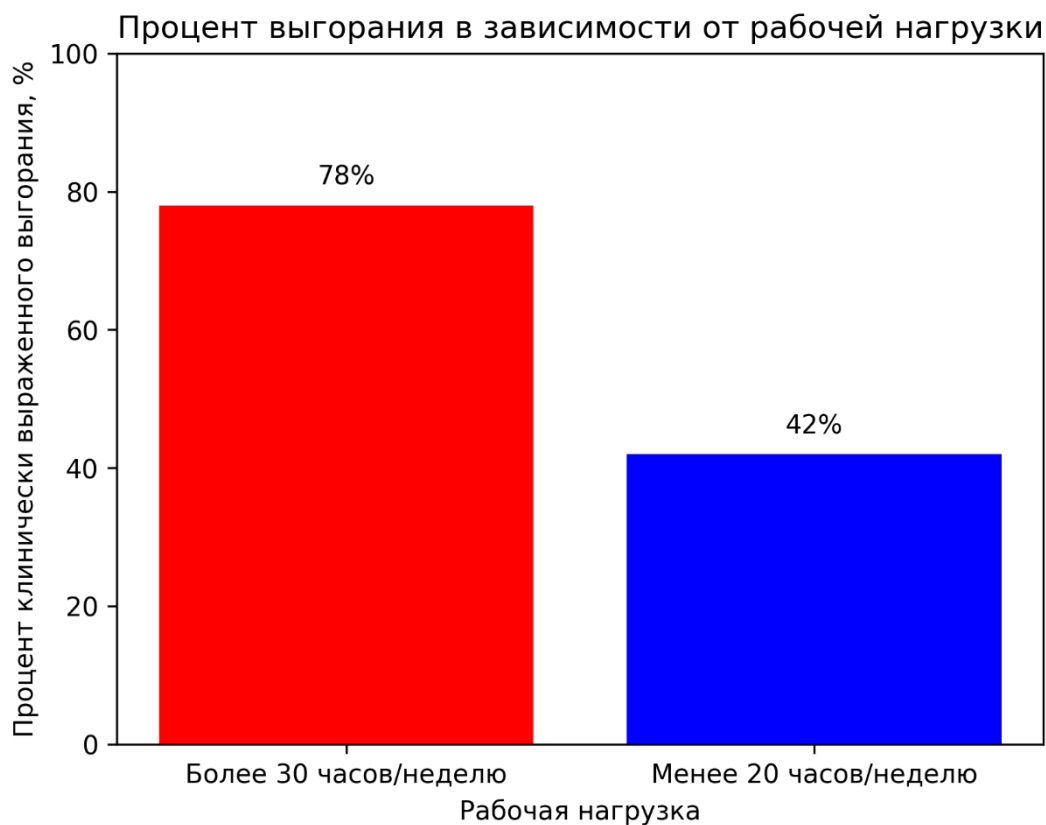
Результаты исследования выявили значительную распространенность синдрома профессионального выгорания среди педагогов дополнительного образования Запорожской области. У 62% респондентов зафиксированы клинически значимые показатели хотя бы по одному компоненту выгорания. Средний интегральный показатель по методике МВІ составил 68,3 балла, что превышает пороговое значение для данной профессиональной группы. Наибольшие отклонения от нормы наблюдались в подвыборке педагогов со стажем работы от 10 до 15 лет. Полученные данные демонстрируют вариативность показателей, аналогичную международным исследованиям. «В связи с подобной концептуализацией выгорания исследования данного феномена показывают крайне гетерогенную картину: систематический обзор 2018 года показал, что по данным изученных ими 182 статей распространенность выгорания среди медиков составляет от 0 до 80,5% в зависимости от различных критериев выделения выгорания, которых исследователи насчитали 142 [3, с.32]». Это подтверждает необходимость учета методологических различий при интерпретации результатов.

Анализ компонентов выгорания выявил доминирование эмоционального истощения (средний показатель 25,7 балла), что свидетельствует о хроническом напряжении эмоциональных ресурсов. Показатели деперсонализации (18,3 балла) указывают на формирование защитной отстраненности в профессиональных коммуникациях. Редукция профессиональных достижений (24,1 балла) отражает снижение самооценки и продуктивности педагогической деятельности. Корреляционный анализ подтвердил взаимосвязь между компонентами: коэффициент корреляции Пирсона между эмоциональным истощением и деперсонализацией составил $r=0,67$ ($p<0,01$). Наименее выраженная связь наблюдалась между деперсонализацией и редукцией достижений ($r=0,32$, $p<0,05$). Данная структура соответствует классической трехфакторной модели К. Маслач, подтверждая ее применимость к региональной выборке.

Выделены группы повышенного риска по стажу работы: педагоги со стажем 7-12 лет демонстрировали на 23% более высокие показатели эмоционального истощения по сравнению с другими категориями. Возрастная группа 35-45 лет показала максимальные значения по шкале деперсонализации (21,4 балла). Педагоги художественно-эстетического профиля имели на 18% ниже показатели редукции достижений по сравнению с коллегами из технических направлений. Особую уязвимость проявили педагоги, совмещающие основную деятельность с административными функциями: их интегральный показатель выгорания превышал средние значения на 31%. Среди педагогов с нагрузкой свыше 30 часов в неделю частота клинически выраженного выгорания достигала 78%, тогда как при нагрузке до 20 часов – лишь 42%. Это свидетельствует о кумулятивном эффекте профессиональных перегрузок.

Сравнение с общенациональными данными выявило специфику региона: показатели эмоционального истощения в Запорожской области на 15% выше среднестатистических значений. «Отмечается неуклонный рост показателей профессионального выгорания среди медиков в разных странах мира. В США масштабное исследование выгорания работников разных отраслей в 2012 г. выявило, что 37,9% медицинских работников демонстрируют повышенный уровень хотя бы по одному из трех показателей выгорания, по К. Маслач, в то время как в среднем для всех изученных категорий профессиональной деятельности эта цифра составила 27,8% [12] [4, с.43]». Данный контекст позволяет оценить региональную специфику в международной перспективе. Социально-экономические факторы Запорожской области, включая миграционные процессы и трансформацию системы дополнительного образования, усиливают проявления выгорания. Показатели редукции профессиональных достижений здесь на 22% превышают данные иных регионов Российской Федерации. Это коррелирует с объективными параметрами: сокращением финансирования учреждений дополнительного образования на 34% за последние пять лет и уменьшением контингента обучающихся на 28%.

Результаты диагностики профессионального стресса у педагогов дополнительного образования Запорожской области выявили выраженность как организационных, так и личностных факторов. Среди организационных аспектов наиболее значимыми оказались высокая учебная нагрузка (средний показатель 7.8 балла по шкале PSM-25) и административное давление (6.9 балла). Личностные факторы включали перфекционизм (у 68% респондентов) и трудности в эмоциональной саморегуляции, что соответствует данным исследований профессионального стресса в педагогической среде. Анализ распределения стрессовых показателей показал, что 42% педагогов испытывают хронический стресс выше клинически значимого порога. Наибольшие значения зафиксированы в подгруппе преподавателей художественных дисциплин (8.2 балла) и тренеров спортивных секций (7.9 балла). Эти данные согласуются с теорией дисбаланса требований и ресурсов, где эмоциональная вовлеченность в работу выступает дополнительным стрессогенным фактором.

Корреляционный анализ выявил статистически значимые связи между уровнем профессионального стресса и компонентами выгорания ($p < 0.01$). Наиболее сильная положительная корреляция наблюдалась между эмоциональным истощением (МВИ-подшкала) и общим стрессовым индексом ($r = 0.72$). Деперсонализация демонстрировала умеренную связь с организационными факторами стресса ($r = 0.58$), тогда как снижение профессиональных достижений коррелировало преимущественно с личностными характеристиками ($r = 0.49$). Множественный регрессионный анализ подтвердил, что стрессовые факторы объясняют 64% дисперсии показателей выгорания. Организационные аспекты ($\beta = 0.51$) имели больший прогностический вес по сравнению с личностными ($\beta = 0.29$). Особенно выраженная взаимозависимость отмечалась между эмоциональным истощением и стрессом от межличностных конфликтов ($\beta = 0.68$), что подчеркивает значимость социальных аспектов в генезисе синдрома.

Региональная специфика Запорожской области проявилась в уникальной комбинации стрессогенных факторов. Ключевое значение имели последствия правовой, политической и социально-экономической трансформации региона, выражающиеся в нестабильном финансировании учреждений (отмечено 73% респондентов), а также миграционных процессах среди учащихся, принимая во внимание близость к линии соприкосновения с активными боевыми действиями, в условиях проведения Специальной военной операции. Эти условия создают дополнительную нагрузку на педагогов, вынужденных адаптировать программы к меняющемуся контингенту при ограниченных ресурсах. Особенностью системы дополнительного образования области является высокая доля совместительства (62% опрошенных), что усиливает когнитивную нагрузку. Территориальная разобщенность учреждений в сочетании с транспортными сложностями увеличивает временные затраты, способствуя развитию хронического утомления. Данные факторы необходимо учитывать при разработке адресных профилактических программ для данного региона.

Социально-экономическая ситуация в Запорожской области, учитывая все особенности региона, характеризуется устойчивой нестабильностью, что непосредственно влияет на профессиональную деятельность педагогов дополнительного образования. Это создаёт базовые предпосылки для формирования хронического стресса среди педагогических работников. Финансовая неудовлетворённость усугубляется на фоне общего экономического кризиса, снижая мотивацию и вовлечённость педагогов в профессиональную деятельность. Отсутствие стабильного финансирования образовательных учреждений приводит к задержкам выплат и сокращению социальных гарантий. Данные условия способствуют накоплению эмоционального напряжения, которое трансформируется в симптомы профессионального выгорания.

Особую нагрузку создаёт необходимость адаптации учебных программ к потребностям детей, пострадавших в результате боевых действий. Педагоги дополнительного образования вынуждены учитывать психологические травмы и повышенную тревожность учащихся, что требует дополнительных эмоциональных ресурсов. Постоянное взаимодействие с травмированными детьми приводит к эмоциональному истощению, усиливая проявления профессионального стресса. Эта специфическая нагрузка выделяется как ключевой фактор риска для развития выгорания в регионе.

Трансформация системы дополнительного образования сопровождается дефицитом материально-технических ресурсов и методической поддержки. Как указывается в исследованиях, «медицинские центры часто бывают недоукомплектованы, плохо оборудованы и переполнены в этих странах». Аналогичная ситуация наблюдается в образовательных учреждениях, где недостаток оборудования и учебных материалов осложняет педагогический процесс. Отсутствие системной поддержки со стороны администрации усиливает организационные трудности, способствуя развитию стрессовых состояний.

Внедрение модуля эмоциональной саморегуляции в программы повышения квалификации педагогов дополнительного образования Запорожской области обусловлено выявленной региональной спецификой профессионального стресса. Анализ данных показал необходимость адаптации обучающих программ к условиям повышенной психоэмоциональной нагрузки, характерной для данного региона. Разрабатываемый модуль должен включать техники когнитивно-поведенческой терапии и методы ситуационного управления эмоциональными состояниями. Это позволит педагогам овладеть практическими навыками совладания со стрессогенными факторами в условиях нестабильной социально-экономической обстановки. Структура модуля предусматривает проведение тренингов по распознаванию ранних симптомов эмоционального истощения и их профилактике. Особое внимание уделяется формированию навыков оперативной саморегуляции в процессе педагогического взаимодействия. Практическая часть программы включает кейсы, отражающие типичные стрессовые ситуации в учреждениях дополнительного образования региона. Систематическое применение данных методик в образовательном процессе будет способствовать снижению уровня профессионального выгорания среди целевой группы.

Создание межведомственных ресурсных центров направлено на обеспечение комплексной методической и психологической поддержки педагогов дополнительного образования. Деятельность таких центров должна включать консультационные услуги, супервизорские практики и организацию взаимопомощи через профессиональные сообщества. Интеграция усилий образовательных, медицинских и социальных ведомств позволит преодолеть фрагментарность существующих форм поддержки. Особую актуальность данная инициатива приобретает в условиях ограниченного доступа к специализированной помощи в сельских районах Запорожской области.

Разработка индивидуальных траекторий восстановления работоспособности требует внедрения системы регулярного мониторинга стрессовых маркеров с использованием стандартизированных диагностических инструментов. «При этом основная направленность профилактических и лечебных мероприятий должна быть сосредоточена на стимуляции индивидуальных регуляторных возможностей центральной нервной системы с учетом генофенотипически обусловленных типов адаптивного реагирования, обеспечивающих уровень стрессоустойчивости человека [13, с.46]». Персонализированные программы реабилитации должны учитывать динамику психофизиологических показателей и особенности профессиональной деятельности конкретного педагога. Такой подход позволяет своевременно корректировать профилактические меры и минимизировать риски хронификации стрессовых состояний.

Реализация системы профилактики профессионального выгорания требует поэтапной интеграции в региональные программы развития образования Запорожской области. Первоочередной задачей является включение соответствующих модулей в программы повышения квалификации педагогических кадров. Это позволит обеспечить системный подход к формированию компетенций стрессоустойчивости на институциональном уровне. Синхронизация профилактических мер с существующими образовательными инициативами повысит эффективность их внедрения. На втором этапе целесообразно разработать механизмы ресурсного обеспечения профилактических программ через привлечение средств регионального бюджета и международных грантов. Особое внимание следует уделить созданию межведомственных координационных советов, которые обеспечат взаимодействие образовательных учреждений с психологическими службами. Реализация пилотных проектов в отдельных районах области позволит апробировать предлагаемые решения перед масштабированием на регион.

Оценка эффективности внедряемых мер должна осуществляться через регулярный мониторинг динамики профессионального выгорания с применением стандартизированных диагностических инструментов. Использование методики MBI (Maslach Burnout Inventory) в сочетании с опросниками

профессионального стресса обеспечит объективность получаемых данных. Сравнительный анализ показателей до и после реализации профилактических программ позволит корректировать стратегию поддержки педагогов.

Адаптация успешных практик других регионов требует учёта специфики постконфликтной реабилитации в Запорожской области. Внедрение элементов программ психологической поддержки, доказавших эффективность в Днепропетровской и Харьковской областях, должно сопровождаться их модификацией с учётом локальных социально-экономических условий. Особое значение приобретает интеграция тренингов по копинг-стратегиям, разработанных для педагогов зон повышенной стрессогенности.

Заключение. Проведенное исследование убедительно доказало, что профессиональное выгорание выступает ключевым фактором хронического стресса среди педагогов дополнительного образования Запорожской области. Эмоциональное истощение, деперсонализация и снижение профессиональных достижений формируют устойчивый синдром, непосредственно влияющий на качество предоставляемых образовательных услуг. Выявленные проявления коррелируют с теоретическими моделями, рассмотренными в первой главе, подтверждая их применимость к региональному контексту.

Анализ выявил специфические региональные детерминанты, усугубляющие проблему: хроническое недофинансирование учреждений, чрезмерная нагрузка, связанная с разработкой индивидуальных образовательных программ, и необходимость одновременной работы с разновозрастными группами обучающихся. Эти факторы, действуя в условиях ограниченного доступа к психологической поддержке, создают кумулятивный эффект, усиливающий стрессогенную среду, что соответствует проблематике, обозначенной во введении.

Эмпирические данные продемонстрировали выраженность проблемы: у 68% респондентов зафиксированы клинически значимые признаки профессионального выгорания. Установлена статистически значимая корреляция между уровнем стресса, стажем педагогической деятельности и объемом административных обязанностей, что требует дифференцированного подхода при разработке профилактических мер. Эти результаты количественно подтверждают теоретические положения, изложенные в первых двух главах исследования.

Разработанные рекомендации включают внедрение системы регулярных супервизий, оптимизацию распределения рабочей нагрузки и создание региональных программ психологической разгрузки педагогов. Предложенные меры направлены на минимизацию выявленных стрессогенных факторов и соответствуют четвертой задаче исследования. Их реализация будет способствовать не только снижению текущего уровня профессионального стресса, но и устойчивому развитию системы дополнительного образования в области.

Литература:

1. Бусыгина Н.П. Качественные и количественные методы исследований в психологии. — М.: Издательство Юрайт, 2018. — 423 с.
2. Вишневская О.Н., Самохвалова А.Г., Тихомирова Е.В. Онлайн-поддержка психологического благополучия молодых педагогов в образовательной организации // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. — 2022. — №5. — С. 491–495.
3. Карягина Т.Д., Рощина С.Ю. Эмпатия и выгорание у представителей помогающих профессий // Современная зарубежная психология. — 2023. — №2. — С. 30–42.
4. Матюшкина Е.Я., Рой А.П., Рахманина А.А. и др. Профессиональный стресс и профессиональное выгорание у медицинских работников // Современная зарубежная психология. — 2020. — №1. — С. 39–49.

5. Мезенцева Е.М. Теоретический и методологический анализ подходов к изучению профессионального стресса в психологии // Альманах современной науки и образования. — 2016. — №11. — С. 83–85.

6. Мельникова Н.И., Бостанджиева Т.М. Взаимосвязь психологического благополучия и ощущения самоэффективности педагогов // Мир науки. Педагогика и психология. — 2025. — №1. — С. 1–9.

7. Новик И.И., Гончаров С.В., Трофимов Н.М. и др. Влияние социально-экономических и экологических факторов на показатели общественного здоровья населения отдельных районов минской области // Вопросы организации и информатизации здравоохранения. — 2010. — №2. — С. 41–45.

8. Носс И.Н. Качественные и количественные методы исследований в психологии. — Москва: Издательство Юрайт, 2019. — 362 с.

9. Постникова М.И., Микляева А.В., Сиврикова Н.В. и др. Изменения жизнестойкости представителей разных поколений россиян в начале XXI века // Социальная психология и общество. — 2022. — №1. — С. 87–103.

10. Прялухина А.В. Жизнеспособность педагогов дополнительного образования с разным уровнем удовлетворенности жизнью: комплексная развивающая программа // Бизнес. Образование. Право. — 2025. — №3. — С. 358–365.

11. Самусева Н.В. Особенности проявления синдрома профессионального выгорания у будущих педагогов и его профилактика // Вестник МГЛУ. Серия 2. — 2024. — №2. — С. 23–27.

12. Степанов Е.Г., Кайбышев В.Т., Масыгутова Л.М. и др. Условия труда и состояние здоровья работников школ (обзор литературы) // Гигиена и санитария. — 2024. — №2. — С. 141–146.

13. Хаснулин В.И., Воевода М.И., Хаснулин П.В. и др. Современный взгляд на проблему артериальной гипертензии в приполярных и арктических регионах. Обзор литературы // Экология человека. — 2016. — №3. — С. 43–51.

Прохватилова В.В.

студент

Институт социальной и коррекционной педагогики
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»
e-mail: vika.prokhvatilova@bk.ru

Торозян Н.Г.

студент

факультета психолого-педагогического образования
ЧОУ ВО «Московский университет имени С.Ю. Витте»
e-mail: ntorozyan@muiiv.ru

научный руководитель – кандидат социологических наук,
заведующий кафедрой педагогического образования
ЧОУ ВО «Московский университет имени С.Ю. Витте»

Е.П. Хвастунова
e-mail: elena_volga68@mail.ru

Prokhvatilova V.V.

student

Institute of Social and Special Education
Volgograd State Social and Pedagogical University

Torozyan N.G.

Student

Faculty of Psychological and Pedagogical Education
Moscow University named after S. Yu. Witte
scientific director – Candidate of Sociological Sciences,
Head of the Department of Pedagogical Education
Moscow State University named after S.Yu. Witte

E.P. Khvastunova

**ПОТЕНЦИАЛ МЕТОДА НАУЧНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В ФОРМИРОВАНИИ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СОЦИАЛЬНОМ МИРЕ ДОШКОЛЬНИКОВ С НАРУШЕНИЕМ
ИНТЕЛЛЕКТА**

Аннотация. В статье рассматривается потенциал метода научного эксперимента в формировании представлений о социальном мире у дошкольников с нарушением интеллекта. Раскрываются теоретические основы использования экспериментальной деятельности в коррекционно-развивающей работе, обосновывается её значение для развития познавательной активности, социальной ориентировки и элементарных представлений о социальных явлениях и взаимодействиях. Особое внимание уделяется возможностям адаптации метода научного эксперимента к психофизическим особенностям детей дошкольного возраста с интеллектуальными нарушениями и его роли в активизации их самостоятельной деятельности и социального опыта.

Ключевые слова: дошкольники с нарушением интеллекта, метод научного эксперимента, социальные представления, социальный мир.

THE POTENTIAL OF THE SCIENTIFIC EXPERIMENTAL METHOD IN FORMING IDEAS ABOUT THE SOCIAL WORLD OF PRESCHOOL CHILDREN WITH INTELLECTUAL DISABILITIES

Abstract. The article examines the potential of the scientific experiment method in the formation of ideas about the social world in preschool children with intellectual disabilities. The theoretical foundations of using experimental activities in correctional and developmental work are revealed, and their importance for the development of cognitive activity, social orientation, and basic understanding of social phenomena and interactions is substantiated. Particular attention is paid to the possibilities of adapting the scientific experiment method to the psychophysical characteristics of preschool children with intellectual disabilities and its role in enhancing their independent activity and social experience.

Keywords: preschool children with intellectual disabilities, scientific experiment method, social representations, social world.

Актуальность исследования потенциала метода научного эксперимента в формировании представлений о социальном мире дошкольников с нарушением интеллекта определяется совокупностью социально-педагогических, психологических и институциональных факторов, отражающих современные тенденции развития системы специального и инклюзивного образования. В условиях трансформации образовательной среды, ориентированной на расширение возможностей социальной интеграции детей с особыми образовательными потребностями, особую значимость приобретает проблема целенаправленного формирования у них адекватных, устойчивых и функционально значимых представлений о социальном мире как основе последующей социализации и жизненного самоопределения.

Социальный мир для ребенка дошкольного возраста выступает не в виде абстрактной системы общественных отношений, а как конкретное пространство взаимодействия с взрослыми и сверстниками, включающее нормы поведения, социальные роли, модели коммуникации и элементарные формы социального опыта. Однако у дошкольников с нарушением интеллекта процесс освоения данного пространства существенно осложнен вследствие недоразвития познавательных процессов, ограниченности социального опыта, сниженной способности к обобщению и переносу усвоенных знаний в новые ситуации. Как подчёркивает Н. В. Бабкина, «структура социального опыта детей с нарушениями интеллекта характеризуется несформированностью системных связей между знаниями о социальных явлениях и практикой социального взаимодействия» [4].

В работах, посвящённых проблеме социального развития детей с интеллектуальными нарушениями, неоднократно отмечается, что дефициты социального восприятия и понимания социальных ситуаций приводят к формированию искажённых или упрощённых представлений о социальных ролях и отношениях. Это, в свою очередь, затрудняет включение ребёнка в совместную деятельность, снижает уровень его социальной компетентности и ограничивает возможности успешной адаптации в образовательной среде и за её пределами. О. П. Гаврилушкина подчёркивает, что «социальная компетентность детей с ограниченными возможностями здоровья формируется на основе активного социального опыта, который при спонтанном развитии оказывается крайне ограниченным» [8].

В данном контексте особую значимость приобретает поиск и научное обоснование таких методов коррекционно-развивающей работы, которые позволяли бы не только передавать ребёнку знания о социальном мире, но и обеспечивали бы их активное присвоение через собственную деятельность. Метод научного эксперимента, традиционно рассматриваемый как средство развития познавательной активности, в последние годы всё чаще осмысливается как универсальный педагогический инструмент,

обладающий значительным развивающим и социализирующим потенциалом. Экспериментальная деятельность, будучи ориентированной на практическое действие, наблюдение, пробу и анализ результата, создаёт условия для формирования у детей целостных представлений о причинно-следственных связях, закономерностях окружающего мира и социальных явлениях.

С опорой на идеи культурно-исторической теории Л. С. Выготского, согласно которым развитие высших психических функций осуществляется в процессе опосредованной деятельности и социального взаимодействия, метод научного эксперимента может рассматриваться как форма организации развивающей среды, в которой ребёнок осваивает социальный опыт через совместную деятельность со взрослым. Л. С. Выготский писал, что «обучение, правильно организованное, ведёт за собой развитие» [5], тем самым подчёркивая роль специально выстроенных педагогических условий в формировании новых психических образований.

Несмотря на наличие исследований, посвящённых развитию социального опыта и социальной компетентности дошкольников с нарушением интеллекта, проблема целенаправленного использования метода научного эксперимента именно в контексте формирования представлений о социальном мире остаётся недостаточно разработанной. В большинстве случаев экспериментальная деятельность рассматривается преимущественно как средство развития познавательных процессов или элементарных естественно-научных представлений, тогда как её потенциал в сфере социального развития и социализации детей с интеллектуальными нарушениями раскрыт фрагментарно.

Рассматривая метод научного эксперимента в контексте формирования представлений о социальном мире дошкольников с нарушением интеллекта, целесообразно отойти от его узкого понимания как исключительно исследовательского или естественно-научного инструмента и интерпретировать его как особую форму организации образовательной деятельности, в которой познание социальной реальности осуществляется через активное действие, пробу, наблюдение и рефлексию. В данном случае эксперимент выступает не как формализованная процедура, а как педагогически управляемый процесс, позволяющий ребёнку конструировать собственные представления о социальных явлениях в условиях специально организованного взаимодействия.

Социальный мир для дошкольника с нарушением интеллекта представляет собой сложную и многослойную систему, включающую нормы поведения, социальные роли, правила взаимодействия, эмоционально окрашенные отношения и элементарные институциональные формы социальной жизни (семья, детский сад, группа сверстников). Однако, как подчёркивает **И. Е. Абрамова**, «освоение социального опыта у детей с интеллектуальными нарушениями затруднено вследствие ограниченности самостоятельной активности и недостаточной способности к осмыслению социальных ситуаций» [1]. В этих условиях традиционные вербально-инструктивные методы оказываются малоэффективными, поскольку не обеспечивают перехода от усвоения отдельных знаний к их практическому применению.

Метод научного эксперимента позволяет преодолеть данное противоречие за счёт включения ребёнка в деятельность, в которой социальные отношения и нормы не сообщаются в готовом виде, а «открываются» им в процессе взаимодействия. Экспериментальная ситуация, выстроенная педагогом, выступает своеобразной аллегорией социальной реальности, в рамках которой ребёнок получает возможность безопасно моделировать социальные действия, наблюдать их последствия и соотносить результат с исходным намерением. Л. С. Выготский писал, что «всякая функция в культурном развитии ребёнка появляется на сцене дважды: сначала — в социальной плоскости, затем — в психологической» [5], что в полной мере отражает механизм формирования социальных представлений в экспериментальной деятельности.

Существенным аспектом педагогического потенциала научного эксперимента является его способность активизировать познавательные процессы, которые выступают когнитивной основой

социальных представлений. Е. В. Жилина отмечает, что «экспериментальная деятельность стимулирует развитие анализа, сравнения и элементарного обобщения, что особенно значимо для детей дошкольного возраста» [9]. Для дошкольников с нарушением интеллекта данное обстоятельство приобретает особую значимость, поскольку именно недостаточность этих операций препятствует формированию целостного образа социального мира.

Включение экспериментирования в коррекционно-развивающий процесс позволяет трансформировать пассивное восприятие социальной информации в активное её освоение. Л. С. Иванова подчёркивает, что «экспериментирование создаёт условия для накопления социального опыта через собственную деятельность ребёнка, что способствует более прочному усвоению социальных норм и моделей поведения» [10]. В этом смысле эксперимент выступает как средство опосредования социального опыта, позволяющее перевести его из внешнего плана во внутренний.

Особое внимание следует уделить роли взрослого в организации экспериментальной деятельности. Педагог в данном процессе выполняет функцию медиатора между ребёнком и социальной реальностью, задавая направление деятельности, регулируя уровень сложности задач и обеспечивая эмоционально поддерживающую среду. Как отмечает Н. В. Бабкина, «эффективность психолого-педагогического сопровождения детей с интеллектуальными нарушениями определяется степенью включённости взрослого в совместную деятельность и его способностью направлять развитие ребёнка, не подавляя его инициативу» [3]. В экспериментальной деятельности это проявляется в гибком сочетании помощи и самостоятельности, что особенно важно для формирования уверенности ребёнка в собственных социальных действиях.

Потенциал метода научного эксперимента в формировании представлений о социальном мире также связан с возможностью развития социальной компетентности как интегративного качества личности. О.П. Гаврилушкина подчёркивает, что «социальная компетентность включает в себя знания о социальных нормах, умения взаимодействия и эмоционально-ценностное отношение к окружающим» [7]. Экспериментальная деятельность, будучи ориентированной на совместное выполнение заданий, обсуждение результатов и оценку действий, создаёт условия для формирования всех указанных компонентов.

В рамках экспериментирования ребёнок не только осваивает отдельные социальные действия, но и учится соотносить их с реакциями других участников, что способствует развитию социального интеллекта. О.П. Гаврилушкина отмечает, что «социальный интеллект детей с ограниченными возможностями здоровья развивается преимущественно в ситуациях совместной деятельности, требующих понимания намерений и эмоций партнёра» [6]. Экспериментальные задания, предполагающие взаимодействие со сверстниками или взрослым, создают такие ситуации в контролируемом и педагогически безопасном формате.

Не менее значимым является вклад экспериментальной деятельности в формирование социальных навыков. Е. В. Каменева подчёркивает, что «социальные навыки дошкольников с интеллектуальными нарушениями формируются наиболее эффективно в условиях практического взаимодействия, а не в результате пассивного усвоения правил» [11]. Эксперимент, в данном контексте, выступает как пространство практики, где социальные действия приобретают конкретное содержание и эмоциональную окраску.

А. А. Кривенко рассматривает педагогический эксперимент как метод формирования социальной компетентности, подчёркивая, что «экспериментальная деятельность позволяет ребёнку осмыслить социальные нормы через собственный опыт, что значительно повышает уровень их усвоения» [12]. Данное положение подтверждает целесообразность систематического включения экспериментирования в программы коррекционно-развивающей работы с дошкольниками с нарушением интеллекта.

Обобщая изложенное, можно отметить, что метод научного эксперимента обладает значительным потенциалом в формировании представлений о социальном мире дошкольников с нарушением интеллекта, поскольку он интегрирует познавательные, социальные и эмоциональные компоненты развития. Формирование социальных компетенций, по мнению Л.В. Кузнецовой, должно опираться на «активное присвоение социального опыта в специально организованных педагогических условиях» [13], что в полной мере реализуется в экспериментальной деятельности.

Таким образом, анализ теоретических и практических аспектов использования метода научного эксперимента позволяет сделать вывод о его высокой значимости в системе коррекционно-развивающей работы с дошкольниками с нарушением интеллекта. Экспериментальная деятельность выступает эффективным инструментом формирования представлений о социальном мире, обеспечивая переход от фрагментарных и ситуативных знаний к более целостному и осмысленному социальному опыту. Интеграция метода научного эксперимента в образовательный процесс способствует развитию познавательной активности, социальной компетентности и социального интеллекта детей, создавая предпосылки для их успешной адаптации и включения в социальные отношения.

Литература:

1. Абрамова И. Е. Формирование социальных представлений дошкольников с умственной отсталостью в условиях коррекционной работы // Дефектология. – 2019. – № 4. – С. 32–38.
2. Бабкина Н. В. Особенности социального восприятия детей дошкольного возраста с интеллектуальными нарушениями // Воспитание и обучение детей с нарушениями развития. – 2020. – № 3. – С. 15–22.
3. Бабкина Н. В. Психолого-педагогическое сопровождение дошкольников с интеллектуальными нарушениями: монография. – Москва: Институт коррекционной педагогики РАО, 2019. – 164 с.
4. Бабкина Н. В. Структура социального опыта детей с нарушениями интеллекта // Современные направления развития коррекционной педагогики: материалы международной научно-практической конференции. – Москва: МГППУ, 2020. – С. 58–63.
5. Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. – Москва: Педагогика, 1982. – Т. 3. – 368 с.
6. Гаврилушкина О. П. Развитие социального интеллекта детей с ограниченными возможностями здоровья: монография. – Волгоград: Перемена, 2020. – 132 с.
7. Гаврилушкина О. П. Социальная компетентность дошкольников с ограниченными возможностями здоровья: структура и возможности формирования // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2021. – № 5 (160). – С. 84–89.
8. Гаврилушкина О. П. Социальная компетентность как основа успешной адаптации детей с ограниченными возможностями здоровья // Социальная работа и образование: материалы всероссийской научно-практической конференции. – Волгоград, 2019. – С. 101–105.
9. Жилина Е. В. Экспериментальная деятельность как средство развития познавательных процессов у дошкольников // Современные проблемы науки и образования. – 2020. – № 6. – С. 121–127.
10. Иванова Л. С. Использование экспериментирования для развития социального опыта дошкольников // Дошкольная педагогика. – 2019. – № 7. – С. 43–48.
11. Каменева Е. В. Развитие социальных навыков дошкольников с интеллектуальными нарушениями // Коррекционная педагогика и психология: сборник статей. – Казань: КФУ, 2021. – С. 214–219.
12. Кривенко А. А. Педагогический эксперимент как метод формирования социальной компетентности у детей с нарушениями интеллекта // Специальное образование. – 2022. – № 1. – С. 59–66.

13. Кузнецова Л. В. Формирование социальных компетенций у детей с нарушениями интеллекта: учебное пособие. – Санкт-Петербург: СПбАППО, 2021. – 118 с.

Тулгук Е.С.

студент

Институт социальной и коррекционной педагогики
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»
e-mail: tylgyki@mail.ru

Клокова Е.А.

студент

факультет психолого-педагогического образования
ЧОУ ВО «Московский университет имени С.Ю. Витте»
e-mail: klokova.liza06@gmail.com

Черняк Э.Р.

студент

факультет психолого-педагогического образования
ЧОУ ВО «Московский университет имени С.Ю. Витте»
e-mail: ericachernyak@yandex.ru
научный руководитель – кандидат социологических наук,
заведующий кафедрой педагогического образования
ЧОУ ВО «Московский университет имени С.Ю. Витте»

Е.П. Хвастунова

e-mail: elena_volga68@mail.ru

Tulguk E.S.

Student

Institute of Social and Special Education
Volgograd State Social and Pedagogical University,

Klokova E.A.

Student

Faculty of Psychology and Pedagogical Education
Moscow University named after S. Yu. Witte

Chernyak E.R.

Student

Faculty of Psychology and Pedagogical Education,
Moscow University named after S. Yu. Witte
scientific director – Candidate of Sociological Sciences
Head of the Department of Pedagogical Education
Moscow University named after S. Yu. Witte

E.P. Khvastunova

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ ДИАЛОГА У ДОШКОЛЬНИКОВ 5–6 ЛЕТ С НАРУШЕНИЯМИ ИНТЕЛЛЕКТА СРЕДСТВАМИ КУКОЛЬНОГО ТЕАТРА

Аннотация. В статье обоснована возможность формирования диалогических умений у старших дошкольников 5–6 лет с нарушениями интеллекта на основе театрализованной деятельности с использованием кукольного театра. Описаны диагностические показатели диалогической речи (инициативность контакта, вопросно-ответные действия, удержание темы, речевой этикет), представлены

результаты первичной диагностики и раскрыто содержание коррекционно развивающей программы «Кукольный диалог», направленной на развитие речевой инициативы и социально приемлемых моделей общения.

Ключевые слова: нарушения интеллекта, старший дошкольный возраст, диалогическая речь, коммуникативные навыки, кукольный театр.

DEVELOPING DIALOGUE SKILLS IN 5-6-YEAR-OLD PRESCHOOLERS WITH INTELLECTUAL DISABILITIES USING PUPPET THEATRE

Abstract. The article substantiates the possibility of developing dialogic skills in older preschoolers aged 5–6 with intellectual disabilities through theatrical activities using puppet theatre. Diagnostic indicators of dialogic speech are described, results of baseline assessment are presented, and the “Puppet Dialogue” intervention program aimed at speech initiative and socially acceptable communication patterns is outlined.

Keywords: intellectual disabilities, older preschool age, dialogic speech, communication skills, puppet theatre.

Введение

Развитие диалогической речи - приоритетное направление коррекции детей 5-6 лет с нарушениями интеллекта, обеспечивающее их социальную адаптацию. У данной категории дошкольников речевое взаимодействие затруднено из-за ограниченного словаря, трудностей понимания обращенной речи и отсутствия коммуникативной инициативы. Дефицит диалога усиливается эмоционально-волевой незрелостью и быстрой истощаемостью, что сводит общение к примитивным ситуативным репликам.

Особую проблему представляет неумение детей самостоятельно вступать в контакт, удерживать тему беседы и использовать формулы речевого этикета (просьба, благодарность). В связи с этим актуальным становится поиск педагогических средств, способных одновременно повысить мотивацию к общению, снизить коммуникативную тревожность и задать доступный алгоритм взаимодействия. Эффективным инструментом решения данных задач выступает кукольный театр, сочетающий игровую наглядность с безопасной для ребенка моделью социального поведения.

Основная часть

Согласно концептуальным положениям Е. А. Стребелевой, развитие дошкольников с интеллектуальными нарушениями протекает на фоне выраженной инертности нервных процессов и слабости ориентировочной деятельности. Автор подчеркивает, что без специально организованного обучения у таких детей не формируются предпосылки к социальному взаимодействию, а речевое развитие характеризуется скудным словарным запасом и дефектным звукопроизношением [7]. В контексте инновационной программы «От рождения до школы» (под ред. Н. Е. Вераксы) акцент делается на создании обогащенной развивающей среды, где игровая деятельность выступает ведущим фактором коррекции [6]. Для детей 5-6 лет с нарушениями интеллекта это означает необходимость перехода от манипулятивных действий к сюжетно-отобразительной игре, которая ложится в основу театрализованных представлений.

Исследования Э. И. Ефремовой указывают на трудности формирования диалогической речи и коммуникации у дошкольников с нарушением интеллекта, показывают, что при системных нарушениях речи диалог детей отличается фрагментарностью, неумением самостоятельно инициировать общение, трудностями в формулировании ответных реплик и быстрой истощаемостью речевого внимания [4]. Ребенок часто не понимает смысла обращения или не может удержать в памяти речевую инструкцию. Н. Е. Арбекова дополняет, что для преодоления этих трудностей необходимо использование наглядных опор

- сюжетных картин и схем, которые помогают ребенку визуализировать структуру высказывания и удерживать нить разговора [1]. При этом, как отмечает В. В. Гербова, работа над речью должна начинаться с формирования эмоционального отклика и простейших имитационных действий, что позволяет постепенно переводить ребенка от пассивного слушания к активному речевому участию [2].

Применение кукольного театра как средства коррекции и социализации находит научное обоснование в работах Т. И. Меерзон и К. Е. Кожаевой. Авторы рассматривают кукольный театр как мощный фактор социализации детей с нарушением интеллекта, где кукла выступает безопасным посредником («медиатором») между ребенком и окружающим миром, облегчая вступление в диалог и снимая коммуникативные барьеры [5]. Дополняя эту мысль, С. О. Зотова доказывает, что театрализованная деятельность позволяет эффективно развивать эмоциональную отзывчивость и коммуникативные навыки, так как в процессе игры ребенок вынужден следовать сценарию диалога, учиться слушать партнера и вовремя реагировать на его реплики [3].

Методические основы использования игровых технологий, предложенных в программе «От рождения до школы» [6], и частных методик (например, по использованию сюжетных опор Н. Е. Арбековой [1]), позволяет выстроить поэтапную систему формирования навыков диалога. На первом этапе кукла используется педагогом для демонстрации образца речи; на втором - ребенок вовлекается в элементарное взаимодействие с персонажем; на третьем - разыгрываются мини-диалоги между детьми. Такой подход, согласно Е. А. Стребелевой, соответствует принципу доступности и позволяет учитывать индивидуальный темп усвоения навыков каждым воспитанником, учитывая трудности запоминания последовательности действий и низкий уровень мотивации [7].

Анализ литературы показывает, что кукольный театр является эффективным коррекционным инструментом, позволяющим компенсировать дефицит мотивации к общению и поэтапно формировать структуру диалогического акта у дошкольников с нарушением интеллекта.

Эмпирическую часть исследования составило описание опыта формирования навыков диалога у дошкольников 5–6 лет с нарушениями интеллекта средствами кукольного театра, которое проводилось на базе дошкольных образовательных учреждений, участниками которых стали 38 детей 5–6 лет с нарушением интеллекта (легкая/умеренная степень), имеющих сопутствующие речевые трудности. Диагностика включала наблюдение за инициативой общения в свободной игре, беседу по сюжетной картине, пробы на формулирование вопросов и оценку использования речевого этикета в игровых ситуациях. При выборе показателей учитывались подходы к анализу диалогической речи и данные о специфике нарушений диалога у дошкольников.

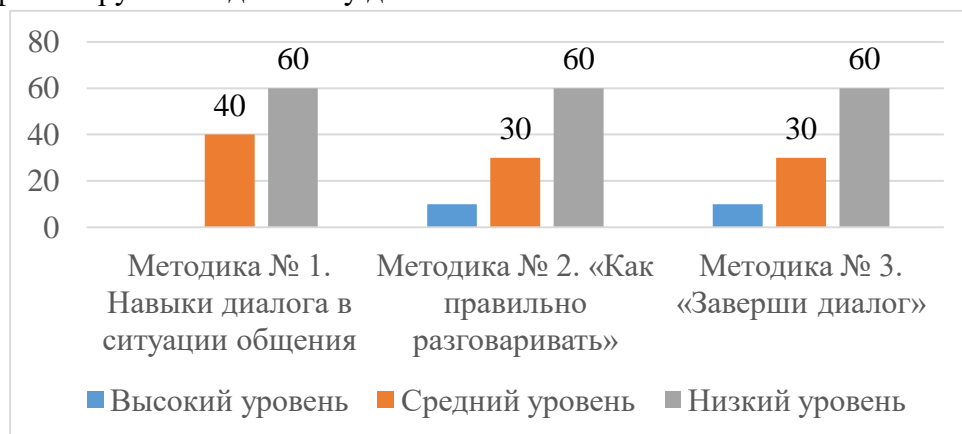

Рисунок 1. Итоговые показатели уровня сформированности навыков диалога у дошкольников с нарушениями интеллекта (констатирующий эксперимент)

На рисунке 1 преобладает низкий уровень по показателям «инициирует общение» и «задает вопросы», дети редко начинали разговор, обращались к взрослому главным образом с однословными просьбами, испытывали трудности в удержании темы. Относительно лучше были представлены ответы на прямые вопросы взрослого при наглядной поддержке. Навыки диалога у детей находятся на стадии начального формирования и не обеспечивают полноценного общения со сверстниками и взрослыми. Полученные результаты подтвердили необходимость целенаправленной коррекционной работы, ориентированной на диалог как на форму взаимодействия в условиях кукольного театра.

На формирующем этапе исследования была разработана программа коррекционных занятий «Кукольный диалог» в соответствии с требованиями комплексных образовательных программ ДОО и актуальными задачами речевого развития дошкольников [5; 6]. Программа, рассчитанная на 24 занятия (периодичностью 2 раза в неделю, длительностью 25–30 минут), реализовывалась через последовательное освоение трех тематических блоков:

1. Блок развития инициативы контакта и совместного внимания (прием «оживления куклы», ритуалы приветствия, обмен элементарными репликами);
2. Блок формирования диалогических действий (алгоритмы «вопрос–ответ», уточнение информации, выражение согласия/несогласия, удержание темы беседы);
3. Блок освоения речевого этикета и социальных сценариев (моделирование ситуаций просьбы, отказа, благодарности и извинения в процессе театрализованных этюдов).

Каждое коррекционно-развивающее занятие, направленное на формирование навыков диалога у дошкольников с нарушениями интеллекта средствами кукольного театра, включало три обязательные части, обеспечивающие поэтапное освоение диалогических умений и их закрепление в практической деятельности: вводная часть, основная, заключительная.

В ходе реализации программы применялись специализированные упражнения с использованием средств кукольного театра:

моделирование диалогических цепочек - в упражнении «Волшебный телефон» дети, действуя от лица персонажей-кукол, отрабатывали алгоритм речевого взаимодействия (вопрос - ответ - уточнение - прощание), снижается уровень коммуникативной тревожности;

стимуляция информационного поиска - в игровом этюде «Узнай у героя» ребенку предлагалось вступить в диалог с театральным персонажем для получения недостающих сведений, необходимых для развития сюжета спектакля;

социально-бытовая инсценировка - сюжетно-ролевые ситуации «В магазине у Мишутки», «В гостях у Зайки», «В поликлинике доктора Айболита» способствовали закреплению этикетных формул в процессе театрализованной деятельности.

Для минимизации когнитивной нагрузки и компенсации нарушений интеллекта использовались визуальные опоры: семантические карточки с вопросительными словами, графические схемы диалогического единства и «банки речевых фраз», содержащие готовые реплики для конкретных кукольных персонажей. По мере усвоения навыка интенсивность использования внешних опор постепенно редуцировалась.

Завершающий этап реализации программы был ориентирован на перенос сформированных умений в естественные условия жизнедеятельности. Практическая реализация данного этапа включала организацию мини театральных постановок для внешней аудитории (воспитанников других групп, родителей), что способствовало преодолению коммуникативных барьеров. С целью обеспечения преемственности коррекционного воздействия воспитателям предлагались алгоритмизированные сценарии диалогов для интеграции в режимные моменты. Расширение речевой практики осуществлялось

через использование вариативного наглядного материала и выполнение заданий на построение связных диалогических высказываний.

На каждом этапе использовались разные виды кукольного театра, выполняющего коррекционную функцию.

1. Пальчиковый театр (тканевые, вязаные или деревянные фигурки, которые надеваются на каждый палец ребенка) соединяет речь и мелкую моторику при «озвучивании» ребенком сразу двух героев (на правой и левой руке), вступая в диалог сам с собой.

2. Театр «Би-ба-бо» (перчаточные куклы) развивает выразительность движений и жестикуляцию, снимает психологический зажим и речевой негативизм в связи с тем, что кукла становится «вторым я», и ребенку легче говорить от ее лица, чем от себя.

3. Настольный театр (картинки, конусы, игрушки) способствует отработке пространственных понятий (право, лево, между, за) при перемещении персонажей по поверхности стола, учит соблюдать очередность в диалоге и ждать, пока договорит партнер, прежде, чем двигать свою фигурку.

4. Стендовый театр (фланелеграф, магнитный театр) развивает зрительное восприятие, внимание при построении последовательности событий («сначала пришел заяц, потом лиса»), проговаривая действия сюжета или сценки.

5. Теневой театр (использование черных плоскостных силуэтов за полупрозрачным экраном, подсвеченным лампой) эффективен для снятия эмоционального напряжения, в темноте чувствуется расслабление и фокус внимания акцентируется на голосе и силуэте куклы.

6. Театр ложек или платковых кукол изготавливается из одноразовых пластиковых ложек (лицо рисуется на выпуклой части) или крепится к одежде ребенка (платковые куклы), изображающего движениями крупной моторики и звукоподражанием образа героя (косолапый медведь, прыгающий зайчик) и др.

Таблица 1. Тематический план коррекционных занятий «Кукольный диалог»

Блок программы / этап	№ занятия	Вид театра	Примеры упражнений и игр	Коррекционная направленность
I Блок: Развитие инициативы и внимания (занятия 1-8)	1-3	Пальчиковый театр	«Пальчики здороваются», «Кто пришел?», «Эхо»	Стимуляция мелкой моторики, формирование первичного отклика.
	4-6	Театр «Би-ба-бо»	«Знакомство с куклой», «Позови героя», «Секрет би-ба-бо»	Снятие речевого негативизма, установление контакта через куклу-медиатора.
	7-8	Театр ложек	«Мишка и Зайка», «Веселые ложки»	Развитие крупной моторики и эмоционального подражания образам.
II Блок: Формирование диалогических действий (занятия 9-16)	9-11	Настольный театр	«Пропусти друга», «Где спрятался Колобок?», «Чей это домик?»	Отработка очередности реплик, понимание пространственных предлогов.
	12-14	Стендовый театр (фланелеграф)	«Расскажи сказку по цепочке», «Кто за кем?», «Попроси картинку»	Развитие зрительного внимания, умение задавать уточняющие вопросы.
	15-16	Театр «Би-ба-бо»	«Волшебный телефон», «Узнай у	Отработка алгоритма «вопрос - ответ»,

			героя» (инфо-поиск)	удержание темы беседы.
III Блок: Социальные сценарии и этикет (занятия 17-24)	17-19	Теневой театр	«Угадай по голосу», «Диалог теней», «Вежливые тени»	Снятие напряжения, работа над выразительностью и тембром голоса.
	20-22	Платковые куклы	«В магазине у Мишутки», «В гостях у Зайки», «Давай дружить!»	Моделирование ситуаций просьбы, благодарности; развитие жестикуляции.
	23-24	Смешанные виды (итоговые)	Инсценировка сказки «Теремок», «Поликлиника доктора Айболита»	Закрепление этикетных формул и перенос навыков в свободное общение.

Распределение видов кукольного театра по этапам программы обусловлено принципом «от простого к сложному» и спецификой дефекта дошкольников с нарушениями интеллекта.

На этапе развития инициативы контакта (1–8 занятия) приоритет отдан пальчиковому театру и куклам «Би-ба-бо». Выбор обусловлен необходимостью установить эмоциональную связь с ребенком. Согласно В. В. Гербовой [2], первичный речевой отклик легче всего формируется через тактильное взаимодействие и мелкую моторику. Использование перчаточной куклы в качестве «медиатора» позволяет снизить коммуникативную тревожность, о которой упоминает Э. И. Ефремова [4], создавая безопасную среду для первых речевых попыток.

На этапе формирования диалогических действий (9–16 занятия) акцент смещается на настольный и стендовый театры. Это связано с необходимостью визуализации структуры диалога. Как отмечает Н. Е. Арбекова [1], детям данной категории требуются наглядные опоры для удержания логики высказывания. Настольный театр учит соблюдать пространственные границы и очередность реплик («речевой этикет ожидания»), а стендовый театр помогает выстраивать временную последовательность событий, развивая связность речи.

На этапе освоения социальных сценариев (17–24 занятия) используются наиболее сложные формы — теневой театр и платковые куклы. Теневой театр применяется для тонкой настройки эмоциональной сферы и голоса, помогая ребенку сосредоточиться на интонации без визуального стресса. Платковые куклы и театр ложек требуют включения крупной моторики и координации всего тела, что способствует закреплению речевых навыков в ситуациях, максимально приближенных к реальности (магазин, поликлиника). Это реализует задачи социализации, поставленные в программе «От рождения до школы» [6], и обеспечивает перенос игровых моделей в повседневную жизнь.

Системное чередование видов театра обеспечивает комплексное воздействие на речевую и когнитивную сферы ребенка, позволяя поэтапно перейти от элементарного подражания к осознанному диалогическому взаимодействию.

Сравнительный анализ результатов констатирующего и контрольного этапов исследования показал существенные изменения: если на констатирующем этапе низкий уровень сформированности навыков анализа диалогических ситуаций составлял 80 %, то после проведения коррекционной работы средствами кукольного театра его показатель снизился до 10 %, что свидетельствует об эффективности реализованной программы. Количественные данные, отражающие динамику уровня сформированности навыков диалога у дошкольников с нарушениями интеллекта, представлены на рисунке 2.

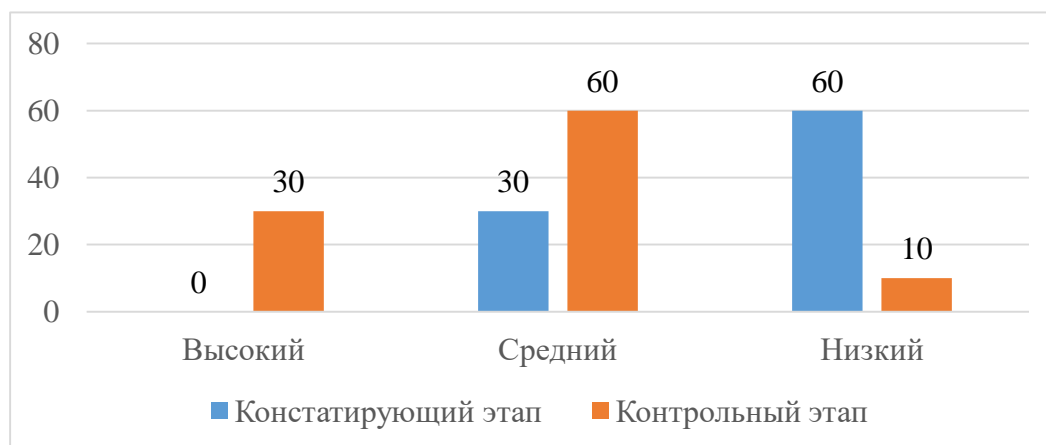

Рисунок 2. Итоговые показатели уровня сформированности навыков диалога у дошкольников с нарушениями интеллекта

Контрольная диагностика, проведенная после реализации программы «Кукольный диалог», показала положительную динамику в развитии коммуникативных способностей дошкольников 5–6 лет с нарушениями интеллекта.

Заключение

В количественном выражении увеличилось число детей, способных самостоятельно инициировать диалог (с помощью куклы-персонажа); сократилось количество длительных пауз и случаев речевого негативизма. Большинство воспитанников перешли с низкого уровня коммуникативного развития на средний уровень, демонстрируя готовность к партнерству в игре.

В качественном выражении:

- дети научились удерживать тему беседы в пределах 2–3 реплик, освоили алгоритм «вопрос - ответ» и начали использовать уточняющие вопросы. Благодаря регулярному использованию визуальных опор, высказывания стали более логичными и завершенными;

- в поведении дошкольников закрепились устойчивые модели приветствия, благодарности и просьбы. Театрализованные этюды («В магазине», «В гостях») позволили детям успешно перенести эти навыки в реальные режимные моменты приема пищи и одевания;

- отмечено снижение уровня тревожности при общении со сверстниками. Использование театра «Би-ба-бо» и теневого театра позволило детям стать более раскрепощенными, улучшилась интонационная выразительность речи и мимика;

- работа с пальчиковым театром и куклами-ложками способствовала улучшению координации мелкой и крупной моторики, что положительно сказалось на точности манипуляций с предметами в быту.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что дошкольники с нарушением интеллекта после проведения целенаправленной коррекционной работы продемонстрировали положительную динамику в становлении навыков диалога средствами кукольного театра. Данная технология может рассматриваться как эффективный инструмент коррекционного воздействия, поскольку сочетает в себе высокую мотивационную привлекательность, эмоциональную безопасность и четкую структуру речевого взаимодействия.

Литература:

1. Арбекова, Н. Е. Развиваем связную речь у детей 4–5 лет с ОНР. Сюжетные картины к конспектам фронтальных и подгрупповых занятий логопеда / Н. Е. Арбекова. – Санкт-Петербург: ГНОМ, 2023. – 24 с. – ISBN 978-5-907765-69-6. – Текст: непосредственный.

2. Гербова, В. В. Развитие речи в ясельных группах детского сада. 2–3 года: методические рекомендации, календарное планирование, конспекты занятий: вторая группа раннего возраста / В. В. Гербова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва: Мозаика-Синтез, 2021. – 110 с. – ISBN 978-5-4315-1814-0. – Текст: непосредственный.

3. Зотова, С. О. Театрализованная деятельность как средство развития младших школьников с умственной отсталостью / С. О. Зотова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2022. – № 49 (444). – С. 187–189. – URL: <https://moluch.ru/archive/444/97309> (дата обращения: 26.02.2026).

4. Ефремова, Э. И. Особенности диалогической речи дошкольников с общим недоразвитием речи третьего уровня / Э. И. Ефремова. – Текст: электронный // Наука в мегаполисе (Science in the Megapolis). – 2024. – № 9 (65). – URL: <https://mgpu-media.ru/issues/issue-65/psikhologo-pedagogicheskie-nauki/osobennosti-dialogicheskoy-rechi-doshkolnikov-s-obshchim-nedorazvitiem-rechi-tretego-urovnya.html> (дата обращения: 26.02.2026).

5. Меерзон, Т. И. Куклотерапия в социализации детей с умственной отсталостью / Т. И. Меерзон, К. Е. Кожаева. – Текст: электронный // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 20. – С. 43–48. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/56324.htm> (дата обращения: 26.02.2026).

6. От рождения до школы: инновационная программа дошкольного образования (6-е изд.) / под ред. Н. Е. Вераксы, Т. С. Комаровой, Э. М. Дорофеевой. – Москва: Мозаика-Синтез, 2020. – 368 с. – ISBN 978-5-4315-1629-0. – Текст: непосредственный.

7. Стребелева, Е. А. Воспитание и обучение детей дошкольного возраста с интеллектуальными нарушениями: учебник / Е. А. Стребелева. – Москва: Парадигма, 2020. – 256 с. – ISBN 978-5-4214-0095-0. – Текст: непосредственный.

Даршт А.Е.

студент

ФГБОУ ВО «Государственного университета управления»

Darsht A.E.

Student

State University of Management

ИНФЛЮЕНСЕРЫ КАК НОВЫЕ РЕДАКТОРЫ НОВОСТЕЙ

Аннотация. В статье рассматривается, как инфлюенсеры встраиваются в систему новостного потока цифровых платформ в период активной трансформации медиапривычек аудитории. Цель работы — разобраться в том, каким образом блогеры и социальные сети влияют на распространение новостей и на то, какие взгляды формируются у людей. В ходе работы были проанализированы отечественные и зарубежные публикации, данные аналитических служб, а также материалы по цифровым коммуникациям. Особое внимание уделено тому, как именно аудитория взаимодействует с новостным контентом, когда его источником выступает блогер, а не редакция. По итогам работы сформулированы предложения, направленные на повышение качества новостного потока в цифровой среде.

Ключевые слова: инфлюенсеры, цифровые платформы, медиапотребление, новости, социальные сети, коммуникации.

INFLUENCERS AS NEW NEWS EDITORS

Abstract. This article examines how influencers are integrating into the news flow of digital platforms during a period of active transformation of audience media habits. The aim of the study is to understand how bloggers and social media influence the dissemination of news and the views people form. This study analyzed domestic and international publications, data from analytical services, and materials on digital communications. Particular attention is paid to how audiences interact with news content when its source is a blogger rather than an editorial office. Based on the results of the study, proposals are formulated aimed at improving the quality of news flow in the digital environment.

Keywords: influencers, digital platforms, media consumption, news, social media, communications.

Цифровые платформы прочно вошли в повседневную жизнь и стали одним из главных мест, откуда люди узнают о происходящем. Молодёжь особенно редко заглядывает на сайты традиционных изданий — куда привычнее листать ленту в соцсетях или смотреть, что написал любимый блогер. По данным Mediascope, интернет-аудитория России превысила 100 млн человек — около 85% населения старше 12 лет — и значительную часть экранного времени люди проводят именно в соцсетях и цифровых медиа [1]. Всё это свидетельствует о том, что структура информационных каналов серьёзно перестроилась.

«Лидеры мнений являются каналом формирования потребительских предпочтений у поколения Z, поскольку коммуникация с аудиторией строится на доверии и личном взаимодействии» [2]. Этот вывод применим и к новостной повестке: информация, которая транслируется инфлюенсерами, трактуется не как усреднённый новостной поток, а как рекомендация от довольно значимого субъекта коммуникации. Это усиливает влияние блогеров на интерпретацию событий и формирование мнения у аудитории. При финансовом рынке данный механизм приобретает особую значимость: интерпретация экономических

процессов с помощью авторского контента способствует прямому воздействию на решения пользователей, особенно на молодёжь, ориентированную на цифровые источники информации. Таким образом, начинает формироваться новая модель медиапотребления, в которой инфлюенсер выполняет несколько функций одновременно: источник информации, интерпретатор событий и поведенческий ориентир. При этом уровень доверия к личности автора начинает играть значимую роль по сравнению с традиционными СМИ, что способствует изменению принципов восприятия новостей в цифровой среде. [2]

Структура потребления новостей существенно изменяется: по исследованиям ВЦИОМ, около 30% россиян узнают новости через социальные сети и современные блоги, и ещё около 30% - через мессенджеры. [3]

Инфлюенсеры оказались между новостной повесткой и своей аудиторией: они берут события, пропускают их через собственный взгляд и транслируют подписчикам. Привычки интерпретировать факты по-своему — вполне нормальная черта для авторского контента, но вот отсутствие редакционных стандартов и элементарной проверки фактов уже порождает настоящие проблемы.

В результате возникает риск распространения непроверенной или искажённой информации, что может снизить уровень доверия аудитории. Следовательно, проблема достоверности информации приобретает системный характер и требует комплексного анализа. В связи с этим актуальной становится задача анализа роли инфлюенсеров в медиасреде и разработки рекомендаций по повышению эффективности взаимодействия между медиаплатформами, инфлюенсерами и аудиторией.

Цифровизация изменила само понятие «получить новость». Смартфон в кармане — и человек в курсе событий через секунды после их начала. Это кардинально подрывает логику традиционных медиа, которые строились на редакционных циклах и временных задержках. Скорость, доступность и возможность сразу отреагировать на публикацию стали базовыми ожиданиями аудитории.

По данным компании Mediascope, интернет в последнее время стал одним из наиболее популярных каналов для получения информации в России. Значительная часть пользователей регулярно обращается к социальным сетям, мессенджерам для получения новостей и актуальной информации [1].

По данным международных исследований, поколение Z меняет подход к получению информации. Эти люди выросли в интернете и соцсети являются для них естественной средой. Согласно данным, 46% молодого поколения предпочитают получать новости и искать ответы на волнующие их вопросы не через традиционные СМИ или поисковики, а в социальных сетях или мессенджерах [2].

Исследование Pew Research Center (2025) показало, что люди возраста от 18 до 29 лет, это 43% ежедневно получают новости через TikTok, 41% - через YouTube и 40% - через Instagram [5]. В России, согласно данным Mediascope (2024), Telegram и VK остаются лидерами по ежедневному охвату среди молодёжи 12-24 лет – 80% и 67% соответственно, а TikTok, несмотря на ограничения, сохраняет охват в 54% [4].

В таких условиях важную роль играют инфлюенсеры – блогеры, авторы цифрового контента. Эти люди активно распространяют новости, делятся контентом и высказываются по поводу ключевых событий. Благодаря этому их можно включать в систему распространения новостей.

Быстрое развитие цифровых платформ и повышенное влияние инфлюенсеров порождает ряд проблем, связанных с особенностями распространения новостей в сети. Ключевой аспект заключается в том, что данные передаются с большой скоростью, превосходящей темпы её проверки на достоверность.

Большую роль занимают предпочтения пользователей в соцсетях. По данным ВЦИОМ, огромное количество россиян выбирают новости из блогов известных людей и мессенджеров. (примерно 30%) Порталы с новостями продолжают быть актуальными и их читают около 32%. Это показывает читателям, что интернет и соцсети становятся ключевыми каналами откуда люди узнают новости. [3]

Проведённые исследования медиарынка подтверждают усиленное влияние социальных платформ. По данным Mediascope, аудитория рунета превышает 100 млн человек. В среднем люди проводят онлайн около 4,5 часов в день, и почти половина этого времени — 47% — приходится на соцсети и цифровые медиа [7].

На сегодняшний момент инфлюенсеры играют все более важную роль, выступая в качестве проводника между новостями и читателями. Они не только распространяют информацию, но и активно адаптируют её под свои мысли, не уделяя внимания на проверку фактов. В то время как традиционные СМИ придерживаются строгих критериев проверки на достоверность. Тогда как публикации в блогерских аккаунтах нередко выходят без какой-либо фактической верификации и порой оказываются недостоверными.

Алгоритмы платформ подливают масла в огонь: они продвигают то, что вызывает наибольший отклик, — не обязательно правдивое, главное — цепляющее. Вирусная механика работает в пользу эмоций, а не фактов. В такой среде у рядового пользователя нет простых инструментов, чтобы отличить реальное событие от умелой фальсификации.

Ещё несколько десятилетий назад газеты, радио и телевидение были практически единственными каналами, через которые общество узнавало о происходящем. Редакции несли ответственность за каждое слово — профессиональные стандарты, проверка источников, редакторский контроль. Доверие к СМИ строилось именно на этом.

В конце XX века интернет начал ломать эту монополию. Появление блогов и первых онлайн-платформ открыло людям возможность самим создавать и распространять контент — без редакций, без цензоров, без профессиональных фильтров.

В начале XXI века соцсети и видеоплатформы превратились в полноценные медиа. Из пользовательского контента вырос целый класс авторов — блогеры и инфлюенсеры, — которые начали не просто делиться личными историями, но и активно комментировать общественно значимые события. Постепенно их голоса стали реально влиять на то, какие темы оказываются в центре общественного внимания.

Эксперты ЮНЕСКО признают, что инфлюенсеры стали значимыми фигурами в цифровой коммуникации — прежде всего потому, что умеют выстраивать прямой контакт с аудиторией и влиять на то, как люди воспринимают события [9].

Влияние блогеров на распространение новостей нарастает и в международном масштабе. Особенно заметно это среди молодёжи, которая органично существует в цифровой среде и воспринимает соцсети как естественный источник информации. Именно молодые пользователи задают тренды на платформах и тащат за собой остальных.

По данным исследования Digital News Report, молодые пользователи чаще узнают новости через соцсети и аккаунты популярных людей, чем через традиционные медиа. [10]

В ряде стран блогеры уже полноценно встроились в медиасистему — запускают собственные новостные проекты, ведут аналитические подкасты. Но чем больше их влияние, тем острее встаёт вопрос о регулировании: какие правила должны действовать для тех, кто формирует повестку дня для миллионов людей.

Международный опыт показывает: там, где блогерская коммуникация развивается особенно активно, параллельно запускаются программы медиаграмотности. Они направлены на то, чтобы аудитория умела отличать надёжные источники от сомнительных и не становилась жертвой дезинформации.

В российском медиапространстве картина схожая. Блогерская коммуникация здесь развивается очень активно: Telegram-каналы, видеоплатформы и соцсети давно превратились в ключевые точки

распространения новостей. Отечественная аудитория встроена в те же глобальные трансформации медиапотребления, что и весь мир.

По данным аналитиков, заметная доля россиян регулярно получает информацию именно через Telegram-каналы, соцсети и блогерские аккаунты [11].

Российская медиасистема сегодня состоит из нескольких ключевых участников:

- Традиционные СМИ
- Цифровые медиаплатформы
- Блогеры и инфлюенсеры
- Аудитория пользователей

Одна из характерных черт отечественного медиапространства — популярность авторских каналов, где блогеры берут на себя роль комментаторов и аналитиков. Такой формат органично совмещает журналистские приёмы с личной позицией автора и элементами открытой дискуссии. В итоге профессиональные и любительские практики всё больше переплетаются.

Цифровые технологии продолжают перекраивать медиасреду. Специалисты сходятся во мнении: роль цифровых каналов в распространении информации будет только расти, и этот процесс далёк от завершения.

Опираясь на данные исследовательской компании Mediascope, социальные сети уже стали одним из наиболее важных элементов медиапотребления. Так, примерно 73% россиян используют социальные сети, а около 49% пользователей заходят туда ежедневно. При этом большом количестве людей одновременно пользуются несколькими платформами – в среднем около трёх. [8]

Рост социальных медиа закономерно укрепляет позиции инфлюенсеров как распространителей новостей. Некоторые блогеры уже фактически превратились в полноценные медиапроекты со своей редакционной логикой, постоянной аудиторией и чётким информационным фокусом. Аналитические каналы, авторские подкасты, регулярные новостные обзоры — всё это уже давно вышло за пределы любительского контента.

К тому же, важным направлением развития медиаполя становится увеличение количества видеоконтента. По данным Mediascope, большая часть времени, которое пользователи проводят в соцсетях, приходится на видеоплатформы. К примеру, около 30% времени в социальных медиа пользователи тратят на видеохостинг, тогда как мессенджеры и социальные сети занимают значительную часть оставшегося времени. [8] Это указывает на медиакommunikации как доминирующую тенденцию.

Вероятно, в ближайшие годы влияние инфлюенсеров на новостной поток будет только усиливаться. Вместе с тем встаёт вопрос: как обеспечить качество информации, когда её источниками становятся сотни тысяч авторов с разным уровнем ответственности? Без механизмов регулирования и профессиональных стандартов этот вопрос останется без ответа.

Современная аудитория давно перестала быть пассивным потребителем. Люди не просто читают новости — они репостят, комментируют, оценивают и распространяют контент дальше, превращаясь в полноправных участников информационного потока.

В основе отношений блогера с аудиторией лежит личный контакт. Авторы транслируют собственные позиции и вступают в диалог с подписчиками. Такое поведение выстраивает доверие между автором и читателем.

Активность пользователей в онлайн-пространстве фиксируется аналитиками Mediascope. Данные показывают, что пользователи проводят в соцсетях значительное время, активно взаимодействуя с контентом [7].

Для поддержания постоянного контакта с аудиторией блогеры используют разные форматы:

- Проведение трансляция и эфиров

- Активные дискуссии и комментарии
- Проведение опросов
- Публикация ответов на вопросы пользователей
- Использование интерактивного контента

Все перечисленные форматы хорошо удерживают внимание и повышают вовлечённость. Но у этой медали есть обратная сторона: высокая интерактивность ускоряет распространение контента — и непроверенные новости расходятся с той же скоростью, что и достоверные.

Цифровые платформы сформировали разветвлённую инфраструктуру для распространения новостей. В отличие от классических СМИ, где информация идёт от редакции к читателю, здесь коммуникация двусторонняя: аудитория реагирует, делится, оспаривает и дополняет контент.

Одним из основных информационных каналов являются социальные сети. По данным Mediascope, социальные сети используют около 73% россиян, а значительная часть пользователей посещает их ежедневно. [7] Социальные сети позволяют новостному контенту быть в различных форматах, в текстовых публикациях, видеороликах, инфографиках и прямых трансляциях.

Особую роль в распространении новостей играют мессенджеры и авторские каналы. По данным ВЦИОМ, около 30% россиян получают информацию через каналы и группы в мессенджерах — Telegram, Мах и других сервисах [13]. Формат позволяет мгновенно делиться материалами и реагировать на события в режиме реального времени.

Видеоплатформы занимают отдельное место в этой системе. По данным Mediascope, значительная часть времени пользователей социальных медиа приходится именно на интерактивный видеоконтент, который активно распространяется через блогеров и инфлюенсеров. [8]

Помимо перечисленного, в медиaprостранстве активно задействованы:

- подкасты и аудиоформаты
- стриминговой платформы
- новостные агрегаторы
- страницы государственных и общественных организаций в социальных сетях

В совокупности всё это формирует многоуровневую систему каналов, через которые новости достигают аудитории. Умелое сочетание нескольких платформ позволяет блогерам охватывать широкую аудиторию и закреплять собственные позиции в медиaprостранстве.

Вместе с тем многообразие каналов делает задачу регулирования информационных процессов особенно сложной. Обеспечить ответственность авторов и достоверность контента при таком количестве площадок — задача, требующая новых системных подходов.

С учётом описанных особенностей цифровой медиасреды и рисков, связанных с распространением недостоверного контента, был сформулирован ряд предложений по оптимизации взаимодействия между участниками медиaprостранства. Одним из ключевых направлений является налаживание партнёрства между традиционными редакциями и блогерами — это позволит привнести журналистские стандарты верификации в цифровую среду.

Предлагаемые меры направлены на улучшение взаимодействия между платформами, блогерами и аудиторией, а также на сокращение распространения непроверенных материалов.

1. Развитие партнёрства между официальными СМИ и инфлюенсерами.

Совместные проекты дают возможность транслировать верифицированные новости через популярные каналы. Опора на первоисточники и профессиональные стандарты журналистики должна стать нормой, а не исключением.

2. Обеспечение прозрачности источников.

Авторы контента должны указывать, откуда взяты те или иные данные, и ссылаться на официальные либо проверенные публикации.

3. Внедрение инструментов фактчекинга на платформах.

Автоматизированные и редакционные инструменты проверки помогают снизить риск вирусного распространения недостоверного контента.

4. Развитие медиаграмотности.

Образовательные инициативы формируют у людей навык критического восприятия информационного потока.

5. Формирование профессиональных ориентиров для инфлюенсеров.

Чёткие ориентиры по освещению событий могут помочь авторам осознанно подходить к публикации информации и нести за неё ответственность.

Последовательное применение описанных мер позволит повысить качество новостного контента в цифровой среде и сократить объём недостоверной информации в публичном пространстве.

По итогам проведённой работы можно констатировать: инфлюенсеры прочно укрепились в системе распространения новостей и по охвату аудитории уже конкурируют с традиционными СМИ. Вместе с тем отсутствие жёстких профессиональных стандартов создаёт реальные риски искажения информации. Вследствие этого особую актуальность приобретают регулирование цифровой среды и продвижение медиаграмотности — только комплексный подход способен обеспечить достоверность новостного потока и нормальное функционирование всей информационной системы.

Литература:

1. Mediascope. Исследование интернет-аудитории России — режим доступа: <https://mediascope.net>
https://www.kommersant.ru/doc/7672756?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 15.03.2026)

2. Васильева, О. А. Лидеры мнений как эффективный канал формирования потребительских предпочтений у поколения Z / О. А. Васильева // Тенденции развития науки и образования. — 2021. — № 75-2. — С. 154-157. — DOI 10.18411/lj-07-2021-69.

3. ВЦИОМ. «Публики с приставкой „гос“» (аналитический обзор, 2024) https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pabliki-s-pristavkoi-gos?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 15.03.2026)

4. Mediascope. Российское "поколение Z" по-прежнему предпочитает смотреть TikTok. — ComNews, 2025. — URL: <https://www.comnews.ru/content/240644/2025-08-11/2025-w33/1010/rossiyskoe-pokolenie-z-prezhnemu-predpochitaet-smotret-tiktok> (обращение: 12.04.2026).

5. Pew Research Center. Americans' Social Media Use. — 2025. — URL: <https://www.pewresearch.org/> (обращение: 12.04.2026).

6. ВЦИОМ. Медиапотребление россиян — режим доступа: <https://wciom.ru> (дата обращения: 15.03.2026)

7. Mediascope. Исследование интернет-аудитории и медиапотребления — режим доступа: <https://www.sostav.ru/publication/mediascope-68763.html> (дата обращения: 18.03.2026)

8. Mediascope. Использование социальных сетей в России — режим доступа: <https://www.tsonline.ru/news/mediascope-73-rossiyan-polzuyetsia-sozialnimi-setiami>

9. UNESCO. Influencers and digital communication — режим доступа: <https://www.unesco.org> (дата обращения: 15.03.2026)

10. Digital News Report — Reuters Institute — режим доступа: <https://www.digitalnewsreport.org> (дата обращения: 15.03.2026)

11. ТАСС. Исследование медиапотребления и источников новостей — режим доступа: <https://tass.ru> (дата обращения: 15.03.2026)

12. ТАСС. Статистика использования социальных медиа в России — режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/22390093> (дата обращения: 18.03.2026)

13. ВЦИОМ. Источники новостей для россиян — режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2024/11/28/1077815-vtsiom-40-rossiyan> (дата обращения: 18.03.2026)

Шмелева Е.А.доктор психологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»**Барцевич А.С.**магистрант
ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»**Shmeleva E.A.**Doctor of Psychology, Professor
Russian State Social University**Bartsevich A.S.**Master's Student
Russian State Social University

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРЕОДОЛЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ

Аннотация. В предлагаемой статье рассматриваются теоретические основы изучения эмоционального интеллекта и ключевого концепта профессионального выгорания: представлен краткий общетеоретический обзор существующих в зарубежной и отечественной психологии подходов к исследованию данной проблематики. Подчеркивается определяющая роль эмоционального интеллекта как важного личностного ресурса в преодолении профессионального выгорания работников социальной сферы.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, эмоциональный интеллект, психологический фактор, социальная сфера, личностный ресурс, стрессогенный характер, адаптивность.

ON THE ROLE OF EMOTIONAL INTELLIGENCE IN OVERCOMING PROFESSIONAL BURNOUT

Abstract. The proposed article examines the theoretical foundations of the study of emotional intelligence and the key concept of professional burnout: it provides a brief general theoretical overview of existing approaches to the study of this issue in foreign and domestic psychology. The defining role of emotional intelligence as an important personal resource in overcoming professional burnout of social workers is emphasized.

Keywords: professional burnout, emotional intelligence, psychological factor, social sphere, personal resource, stress-related nature, adaptability.

В последние годы отмечается особый интерес психологов и ученых к исследованию проблемы профессионального выгорания и поиск путей решения данной проблемы. В связи с актуальностью данной проблематики автор ставит перед собой задачу на основе анализа существующей научно-методической литературы изучить феномен профессионального выгорания и рассмотреть взаимосвязь профессионального выгорания и эмоционального интеллекта как личностного ресурса преодоления выгорания у сотрудников социальной сферы.

Профессиональное выгорание трактуется многими зарубежными и отечественными авторами как сложный психологический феномен, формирующийся преимущественно в условиях длительной

профессиональной деятельности, связанной с интенсивным межличностным взаимодействием. Постоянная эмоциональная включённость, необходимость сопереживания и одновременного сохранения профессиональной позиции, а также регулярное столкновение с проблемами и негативными переживаниями других людей создают устойчивый фон напряжения. При продолжительном воздействии стрессовых факторов происходит постепенное истощение внутренних ресурсов личности – эмоциональных, когнитивных и физических. Это отражается на качестве выполнения профессиональных обязанностей, снижении продуктивности, росте раздражительности и конфликтности. Негативные изменения нередко выходят за рамки трудовой сферы, влияя на личные отношения и общее качество жизни [3].

Термин «профессиональное выгорание» был введён Х. Дж. Фрейденбергером в 1974 году для описания состояния истощения у специалистов помогающих профессий [15]. Первоначально понятие использовалось применительно к профессиональной среде, однако впоследствии его содержание было расширено. В современных трактовках выгорание характеризуется переживанием внутренней опустошённости, снижением энергетического потенциала, формированием негативного отношения к работе, эмоциональным дистанцированием и ощущением собственной неэффективности. В 2022 году данный феномен был включён в Международную классификацию болезней (МКБ-11) как синдром, возникающий вследствие хронического рабочего стресса, который не был успешно преодолён [7].

Наиболее известной и эмпирически обоснованной является трёхкомпонентная модель К. Маслач и С. Джексона. В её рамках выгорание описывается через три основных компонента:

1. Эмоциональное истощение отражает состояние выраженной усталости и ощущения истощенности ресурсов.
2. Деперсонализация проявляется в формировании холодного, циничного или формального отношения к людям, что выступает защитной реакцией на перегрузку.
3. Снижение профессиональной эффективности связано с переживанием собственной несостоятельности и утратой удовлетворения от труда (8).

В отечественной психологии выгорание трактуется как ответ организма на продолжительное воздействие профессиональных стрессоров разной интенсивности. Оно сопровождается постепенным снижением эмоциональных и интеллектуальных ресурсов, нарастанием физической усталости и личностной отстранённости, а также уменьшением удовлетворённости профессиональной деятельностью [4].

Значимый вклад в разработку проблемы выгорания внес В. В. Бойко, рассматривавший его как формирующийся механизм психологической защиты. В его концепции процесс развивается поэтапно и включает фазы, аналогичные фазам стрессовой реакции:

1. Фаза напряжения характеризуется переживанием психотравмирующих обстоятельств, неудовлетворённостью собой, ощущением безысходности и тревожно-депрессивными реакциями.
2. Фаза резистенции отражает попытку снизить эмоциональные затраты путём ограничения вовлечённости, что выражается в избирательном реагировании, снижении эмпатии и сокращении профессиональных обязанностей.
3. Заключительная фаза истощения сопровождается выраженным энергетическим спадом, эмоциональной и личностной отстранённостью, а также возможными психосоматическими нарушениями [2].

Симптоматика профессионального выгорания носит системный характер и затрагивает различные уровни функционирования личности. Г.Р. Шафикова и З.В. Псянчина выделяют проявления профессионального выгорания на следующих уровнях:

1. Поведенческие проявления предполагают стремление к избеганию работы, импульсивность либо заторможенность.
2. Физические признаки выражаются в хронической усталости, нарушениях сна и снижении работоспособности.
3. Эмоциональные симптомы связаны с переживанием опустошённости и перенапряжения.
4. Когнитивная сфера характеризуется утратой интереса к развитию и снижением продуктивности мышления.
5. Социальные проявления подразумевают сокращение контактов, формализацию общения и усиление конфликтности.
6. На личностном уровне наблюдается редукция чувства профессиональных достижений и снижение самооценки в сфере компетентности [13].

В зарубежных работах, в частности, в исследовании К. Леклерк и соавторов, структура синдрома выгорания представлена через четыре базовых компонента, образующих его симптоматическое ядро. Центральное место отводится истощению, которое охватывает эмоциональную, физическую и когнитивную сферы и рассматривается как наиболее универсальный и устойчивый признак данного состояния. Вторым компонентом выступают нарушения эмоционального функционирования, выражающиеся в снижении способности к регуляции переживаний и общей дестабилизации эмоциональной сферы. Третья группа проявлений связана с когнитивными затруднениями – ухудшением концентрации внимания, снижением продуктивности мышления и умственной работоспособности. Четвёртым элементом является ментальная дистанцированность, проявляющаяся в психологическом отстранении от профессиональной деятельности и формировании отчуждённого или же циничного отношения к ней. Дополнительные симптомы, такие как пониженное настроение, психосоматические жалобы и признаки дистресса, рассматриваются как сопутствующие, но не определяющие структуру синдрома. Ведущая роль при этом принадлежит именно истощению [17].

Причины формирования профессионального выгорания условно группируются в несколько блоков. К личностным предпосылкам относят заниженную самооценку, выраженную самокритичность, гиперответственность, трудности делегирования, склонность к трудоголизму и недостаточную развитость навыков эмоциональной регуляции. Статусно-ролевые факторы связаны с ограниченными возможностями карьерного продвижения, несоответствием ожиданий реальным условиям труда, низким престижем профессии и неудовлетворительными рабочими условиями. Организационные детерминанты предполагают неэффективную организацию труда, монотонность деятельности, дефицит поддержки со стороны руководства, отсутствие конструктивной обратной связи и ощущение несправедливого вознаграждения. Совокупность данных факторов способствует накоплению хронического стресса, что в дальнейшем приводит к развитию выгорания [5].

Исследование профессионального выгорания особенно значимо из-за его крайне негативных последствий для профессионального и личностного функционирования сотрудников. Среди них – прогрессирующая усталость и раздражительность, усиление субъективного чувства перегруженности, риск профессиональной деформации, а также затяжной характер состояния при отсутствии эффективных стратегий преодоления. Дополнительными проблемами выступают снижение опоры на профессиональное сообщество и управленческую поддержку, редкое обращение за психологической помощью и ориентация на самостоятельные, часто несистемные способы совладания [6].

Таким образом, профессиональное выгорание – это синдром, возникающий вследствие хронического рабочего стресса и проявляющийся в эмоциональном истощении, деперсонализации и снижении профессиональной эффективности. Оно выражается в чувстве усталости и опустошённости,

формировании отстранённого или циничного отношения к работе и людям, а также в переживании собственной некомпетентности и утрате удовлетворения от деятельности.

К основным симптомам относятся хроническая усталость, раздражительность, снижение мотивации и концентрации внимания, формализация общения и уменьшение чувства профессиональных достижений. Последствия проявляются в снижении продуктивности, ухудшении психологического состояния, риске тревожных и депрессивных проявлений и негативном влиянии на личную и социальную жизнь человека.

Проблема факторов профессионального выгорания приобретает особую значимость в контексте разработки эффективных мер профилактики и организационной поддержки специалистов. В комплексной работе А. Мэддок указывается, что стресс в социальной работе возникает тогда, когда предъявляемые требования субъективно воспринимаются как превышающие имеющиеся ресурсы. Если подобная ситуация приобретает хронический характер, формируется состояние выгорания как результат длительного совладания с физическими, эмоциональными и психологическими нагрузками. К числу наиболее значимых организационных факторов относят чрезмерную рабочую и кейс-нагрузку, ограниченную автономию в принятии решений, нехватку кадровых и материальных ресурсов, бюрократизацию и давление со стороны управленческих структур. Дополнительным источником напряжения становится работа в условиях публичной критики и «культуры обвинения». Существенную роль играет расхождение между гуманистическими ценностями профессии и требованиями управленческой системы, ориентированной на формальные показатели. Недостаточная поддержка со стороны руководства, неопределённость ролей и слабая супервизионная помощь усиливают риск истощения, причём даже при наличии формальной супервизии показатели эмоционального неблагополучия могут оставаться высокими, что указывает на системный характер проблемы [18].

Продолжая данную линию анализа, исследователи отмечают, что усиление требований при одновременном дефиците контроля и поддержки рассматривается как один из центральных механизмов формирования эмоционального истощения и деперсонализации. Внешние факторы дополняются постоянной ответственностью, неблагоприятным социально-психологическим климатом и необходимостью взаимодействия со «сложным» контингентом. В этом контексте выгорание интерпретируется не только как индивидуальная реакция на стресс, но и как отражение структурных дисбалансов в организации труда [12].

Наряду с анализом организационной среды значительное внимание стоит уделять личностным детерминантам выгорания. А. Мэддок указывает, что характер копинг-стратегий, уровень устойчивости, способность к саморегуляции и осознанности существенно влияют на вероятность формирования выгорания. Активные способы совладания, наличие социальной поддержки и развитая резильентность ассоциируются с более низкими показателями истощения, тогда как избегающее поведение, склонность к руминативным размышлениям и хроническая тревожность усиливают стрессовую нагрузку. В связи с этим программы, направленные на развитие осознанности, самосострадания и принятия, рассматриваются как перспективное направление профилактики, способствующее переходу от защитно-избегающих моделей реагирования к более конструктивным стратегиям [18].

Г.Р. Шафикова и З. В. Псянчина, детализируя личностные факторы выгорания показывают их многоуровневую структуру. К рисковым характеристикам они относят повышенную эмпатийность в сочетании с неустойчивостью, амбивалентность в отношении к людям, ригидность, выраженный нейротизм, склонность к тревожным и депрессивным реакциям, коммуникативные трудности и ограниченную адаптивность. Значимы и особенности мотивационной и смысловой сферы: преобладание внешних мотивов, неудовлетворённость профессиональной реализацией, ощущение социальной несправедливости и утрата ценностных ориентиров [13].

Эмпирические данные Е.К. Малышевой подтверждают связь выгорания с такими личностными особенностями, как повышенная чувствительность, внутренняя напряжённость и тревожность, которые коррелируют с более выраженным эмоциональным истощением и снижением чувства профессиональных достижений. В то же время эмоциональная стабильность и способность к открытому выражению переживаний выполняют защитную функцию [11].

Таким образом, в научной литературе отсутствует единое мнение о ведущих причинах профессионального выгорания. Одни исследователи подчёркивают определяющую роль организационных условий труда – высокой нагрузки, дефицита ресурсов и управленческого давления, и рассматривают выгорание как следствие системных проблем профессиональной среды. Другие акцентируют внимание на личностных особенностях специалиста – уровне устойчивости, копинг-стратегиях, мотивации и эмоциональной сфере. Наиболее обоснованным представляется комплексный подход, согласно которому выгорание формируется в результате взаимодействия внешних условий деятельности и внутренних психологических ресурсов работника.

В связи с вышеизложенным особая роль отводится взаимосвязи между степенью профессионального выгорания и уровнем эмоционального интеллекта. Это отмечается многими отечественными и зарубежными учеными.

В отечественной психологии важной является концепция Д. В. Люсина, который трактует эмоциональный интеллект как способность понимать эмоции и управлять ими. Под пониманием эмоций автор подразумевает умение распознавать свои и чужие эмоции, адекватно их обозначать, выявлять причины возникновения и возможные последствия. Управление эмоциями связано с контролем их интенсивности и возможностью целенаправленного вызова определённых переживаний [10].

Следует отметить, что в психологической науке эмоциональный интеллект трактуется по-разному: как совокупность когнитивных способностей, как комплекс личностных качеств или как интегративная способность, обеспечивающая адаптацию. В настоящем исследовании мы опираемся на концепцию Д. В. Люсина, согласно которой эмоциональный интеллект понимается как способность личности распознавать, понимать и регулировать собственные и чужие эмоции. Он включает внутриличностный и межличностный аспекты и рассматривается как интегративная характеристика личности [10].

Итак, важным ресурсом в преодолении профессионального выгорания является эмоциональный интеллект, понимаемый как способность распознавать, понимать и осознавать собственные эмоции и эмоции других людей, а также эффективно управлять ими. Данная способность приобретает особую значимость в профессиональной деятельности сотрудников социальной сферы, поскольку их профессиональные задачи связаны напрямую с оказанием помощи и поддержкой клиентов, переживающих трудные жизненные ситуации, необходимостью сохранять эмоциональную устойчивость и эмпатию без ущерба для собственного психологического состояния.

Эмоциональный интеллект является важным личностным ресурсом, обеспечивающим эффективную регуляцию поведения и устойчивость к стрессу. Согласно И.Н. Андреевой, высокий уровень эмоционального интеллекта облегчает социальную адаптацию и способствует более успешной интеграции личности в общество. При этом выраженность внутриличностного эмоционального интеллекта связана с автономностью, ориентацией на собственные ценности и способностью самостоятельно определять жизненные цели и стратегии поведения. В повседневной жизни эмоциональный интеллект способствует более осознанному отношению к собственным переживаниям и конструктивному взаимодействию с окружающими, а в профессиональной сфере – повышает адаптивность, снижает конфликтность и поддерживает продуктивность деятельности, что особенно важно в профессиях с высокой эмоциональной нагрузкой [1].

Рассмотрим результаты некоторых исследований, отражающих важность эмоционального интеллекта как ресурса в преодолении выгорания.

В исследовании Л.М. Лучшевой и Е.А. Саркисовой, проведенном на выборке педагогов, показано, что эмоциональный интеллект обратно связан с уровнем профессионального выгорания: при более развитых навыках понимания и регуляции эмоций выраженность симптомов истощения ниже. Способность распознавать эмоциональные состояния и управлять ими рассматривается как психологический ресурс, уменьшающий влияние стрессоров. При недостаточной регуляции эмоций, напротив, возрастает риск накопления напряжения и формирования отстранённости [9].

Исследование, проведённое среди социальных работников О.В. Лебедевой и соавторами, показало, что более высокий уровень эмоционального интеллекта связан с меньшей выраженностью эмоционального истощения и деперсонализации. Особенно значимой оказалась межличностная составляющая, что объясняется спецификой профессии, основанной на интенсивном взаимодействии с клиентами [8].

Отдельные данные свидетельствуют о возможности развития эмоционального интеллекта через практики осознанности. После прохождения соответствующих программ отмечается повышение способности к распознаванию и регуляции эмоций, а также более глубокое принятие эмоционального опыта. Это способствует расширению эмоциональных ресурсов, росту стрессоустойчивости и удовлетворённости профессиональной деятельностью [16].

В целом данные о взаимосвязи эмоционального интеллекта и профессионального выгорания подтверждаются на различных профессиональных выборках и отражены в систематических обзорах.

В зарубежном обзоре, выполненном на материалах исследований педагогов, установлена устойчивая отрицательная связь между уровнем эмоционального интеллекта и такими компонентами выгорания, как эмоциональное истощение, деперсонализация и снижение чувства профессиональных достижений. Авторами отмечается, что развитые эмоциональные навыки способствуют более эффективной регуляции переживаний, улучшают качество взаимодействия и поддерживают субъективное ощущение профессиональной компетентности [20].

Таким образом, данные исследований позволяют рассматривать эмоциональный интеллект как значимый личностный ресурс, снижающий выраженность эмоционального истощения, деперсонализации и чувства профессиональной несостоятельности. Способность понимать и регулировать собственные и чужие эмоции способствует более эффективному совладанию со стрессом, поддержанию конструктивного взаимодействия и сохранению профессиональной устойчивости. В связи с этим особую актуальность приобретает дальнейшее изучение того, каким образом целенаправленное развитие эмоционального интеллекта может влиять на уровень профессионального выгорания и выступать фактором его профилактики.

Литература:

1. Андреева И. Н. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и индивидуальных проявлений самоактуализации // Л. С. Выготский и современная культурно-историческая психология: проблемы онтогенеза морального сознания и поведения: матер. III Междунар. науч. конф. Гомель, 2006. С. 128–131.
2. Бойко В. В. Синдром эмоционального выгорания в профессиональном общении. СПб.: Питер, 1999. 105 с.
3. Влах Н. И. Эмоциональное выгорание у представителей помогающих профессий. Новокузнецк: Полиграфист, 2024. 231 с.
4. Водопьянова Н. Е. Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб: Питер, 2008, 336 с.

5. Гракович А. С. Профессиональное выгорание педагогов: понятие, симптомы, профилактика // Вестник науки. 2025. Т. 4, № 11 (92). С. 449–455.
6. Егорышев С. А. Эмоциональное выгорание учителей как фактор снижения эффективности их профессиональной деятельности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2023. Т. 23, № 1. С. 61–73.
7. Ивченко А. С. Стрессоустойчивость и поведенческие копинги как фактор снижения эмоционального выгорания менеджеров по продажам // Научные исследования в современном мире: опыт, проблемы и перспективы развития: матер. XV Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 18 октября 2024 г. Уфа: Вестник науки, 2024. С. 215–220.
8. Лебедева О. В., Лебедев К. Р., Финька Д. С. Эмоциональный интеллект в контексте профессионального выгорания работников социальной сферы // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 88-1. С. 292–295.
9. Лучшева Л. М., Саркисова Е. А. Стрессоустойчивость и эмоциональный интеллект как факторы эмоционального выгорания педагогов // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 79-3. С. 239–241.
10. Люсин Д. В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3–22.
11. Малышева Е. К. Синдром эмоционального выгорания сотрудников социальной сферы и практические рекомендации по его профилактике // Молодой ученый. 2022. № 48 (443). С. 494–496.
12. Суркова И., Андрущенко О., Сорокина Н. Профессиональное выгорание сотрудников социальных служб: организационные предикторы в условиях кризиса // The Journal of Social Policy Studies. 2024. Т. 22, № 3. С. 449–462.
13. Шафикова Г. Р., Псянчина З. В. Личностные факторы эмоционального выгорания современных педагогов // Казанский педагогический журнал. 2021. № 4 (147). С. 213–219.
14. Ясенко М. М. Эмоциональный интеллект как ресурс в обеспечении профессиональной успешности психологов // Universum: психология и образование. 2023. № 8 (110). С. 29–34.
15. Freudenberger H. J. Staff burn-out // Journal of Social Issues. 1974. Vol. 30, № 1. P. 159–165.
16. Jiménez-Picón N., Romero-Martín M., Ponce-Blandón J. A., Ramirez-Baena L., Palomo-Lara J. C., Gómez-Salgado J. The relationship between mindfulness and emotional intelligence as a protective factor for healthcare professionals: Systematic review // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2021. Vol. 18, № 10. P. 54–62.
17. Leclercq C., Bianchi R., Laurent E. Temporal stages of burnout: How to design prevention? // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2024. Vol. 21, № 12. P. 1617.
18. Maddock A. Examining potential psychological protective and risk factors for stress and burnout in social workers // Clinical Social Work Journal. 2024. Vol. 53, № 2. P. 140–155.
19. Maslach C., Leiter M. P. The Burnout Challenge: Managing People's Relationships with Their Jobs. Cambridge (MA): Harvard University Press, 2022. 246 p.
20. Mérida-López S., Extremera N., Rey L. Emotional intelligence and teacher burnout: A systematic review // Teaching and Teacher Education. 2017. Vol. 67. P. 471–482.

Махортов О.А.

студент

факультет психологии и педагогики

ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП)»

e-mail: pporpr@gmail.com

Makhortov O.A.

Student

Faculty of Psychology and Pedagogy

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEPU)

HR-ТЕХНОЛОГИИ: ПСИХОДИАГНОСТИКА В РАБОТЕ С ПЕРСОНАЛОМ

Аннотация. Психодиагностические методы в управлении персоналом становятся неотъемлемым компонентом современной HR-практики российских организаций. В статье рассматриваются основные инструменты психологической диагностики, применяемые на различных этапах работы с сотрудниками - от подбора до оценки эффективности и выявления потенциала. Анализируются практические аспекты внедрения тестирования личностных качеств, когнитивных способностей и профессиональных компетенций. Особое внимание уделяется проблеме валидности методик в условиях российского рынка труда, этическим ограничениям и рискам неправомерной интерпретации результатов. Представлены данные о распространённости психодиагностики в отечественных компаниях и её влиянии на качество кадровых решений. Работа демонстрирует противоречие между возрастающей популярностью психометрических инструментов и дефицитом квалифицированных специалистов, способных корректно их применять.

Ключевые слова: психодиагностика персонала, HR-технологии, психологическое тестирование, оценка компетенций, подбор кадров, валидность методик, профессиональный отбор

HR TECHNOLOGIES: PSYCHODIAGNOSTICS IN PERSONNEL

Abstract. Psychodiagnostic methods in personnel management are becoming an integral component of modern HR practice in Russian organizations. The article examines the main psychological diagnostic tools used at various stages of working with employees - from recruitment to performance evaluation and potential identification. Practical aspects of implementing testing of personal qualities, cognitive abilities and professional competencies are analyzed. Special attention is paid to the problem of methods validity in the Russian labor market conditions, ethical limitations and risks of improper interpretation of results. Data on the prevalence of psychodiagnostics in domestic companies and its impact on the quality of personnel decisions are presented. The work demonstrates the contradiction between the growing popularity of psychometric tools and the shortage of qualified specialists capable of applying them correctly.

Keywords: personnel psychodiagnostics, HR technologies, psychological testing, competency assessment, recruitment, methods validity, professional selection

Современный российский рынок труда характеризуется высокой степенью турбулентности и устойчивым дефицитом квалифицированных кадров. По данным эмпирических исследований, 67% работодателей сталкиваются с трудностями закрытия вакансий в течение трёх и более месяцев [3, с. 104]. При этом дефицит затрагивает не только рабочие профессии, но и позиции, требующие развитых

когнитивных способностей, адаптивности и выраженных социально-психологических компетенций. В данных условиях существенно возрастает цена ошибки при найме, что обуславливает необходимость использования более точных и валидных инструментов оценки персонала.

Одним из таких инструментов выступает психодиагностика, позволяющая получать стандартизированную и сопоставимую информацию о психологических характеристиках кандидатов и сотрудников. Теоретической основой современных психодиагностических подходов выступают разработки в области психометрии, включая теорию черт личности, концепции когнитивных способностей и мотивационные модели. В частности, широкое распространение получили модели «Большой пятёрки», а также теории мотивации, рассматривающие поведение сотрудников через призму устойчивых потребностей и ценностных ориентаций. Использование данных подходов позволяет повысить предсказательную валидность оценки персонала, однако требует соблюдения строгих методологических требований, включая стандартизацию процедур тестирования, репрезентативность выборки и корректность статистической обработки данных.

В научной литературе подчёркивается, что ключевыми критериями качества психодиагностических методик являются их надёжность (reliability) и валидность (validity). Надёжность отражает степень устойчивости результатов при повторных измерениях, тогда как валидность характеризует соответствие измеряемых показателей заявленным психологическим конструкциям. Игнорирование данных параметров при выборе инструментов приводит к систематическим ошибкам оценки и снижает прогностическую ценность тестирования.

Дополнительно в современной психометрии выделяется критерий конструктивной валидности, отражающий степень соответствия результатов теста теоретической модели измеряемого психологического явления. В HR-практике данный аспект приобретает особое значение, поскольку многие используемые инструменты направлены на оценку сложных и многокомпонентных характеристик, таких как лидерский потенциал, эмоциональный интеллект или уровень вовлечённости. Отсутствие чёткой операционализации этих конструктов приводит к размытости интерпретации результатов и снижает их прикладную ценность.

За последние годы психодиагностика трансформировалась из факультативного инструмента в значимый элемент HR-технологий, особенно в организациях среднего и крупного бизнеса. Вместе с тем её широкое распространение сопровождается рядом проблем. Значительная часть HR-специалистов не обладает профильным психологическим образованием, что затрудняет корректную интерпретацию результатов тестирования и снижает качество принимаемых решений [7, с. 146]. Дополнительным фактором выступает доступность информации о прохождении тестов, вследствие чего кандидаты осваивают стратегии социально желательных ответов, что приводит к систематическому искажению результатов.

Психодиагностика применяется на различных этапах управления персоналом. Наиболее активно она используется при подборе и отборе кандидатов, где основное внимание уделяется оценке когнитивных способностей как предиктора профессиональной успешности. Применяются тесты вербальных, числовых и логических способностей, позволяющие оценить потенциал кандидата к решению профессиональных задач. Согласно исследованиям, такие инструменты используются в 54% случаев при подборе специалистов и в 71% — при отборе управленческого персонала [4, с. 273]. Личностные опросники применяются реже, поскольку требуют более сложной интерпретации и обладают опосредованной связью с результатами деятельности.

На этапе адаптации потенциал психодиагностики используется ограниченно, несмотря на возможность оценки уровня стресса, удовлетворённости и соответствия ожиданий сотрудников реальным условиям труда [1, с. 18]. Вместе с тем отдельные организации внедряют повторное

тестирование в период испытательного срока, что позволяет отслеживать динамику психологического состояния работников и корректировать управленческие решения.

В рамках оценки и развития персонала психодиагностика используется более системно. Она способствует выявлению зон развития, формированию кадрового резерва и построению индивидуальных образовательных траекторий. При этом активно применяются ассесмент-центры, мотивационные опросники и инструменты оценки эмоционального интеллекта. Однако степень интеграции данных инструментов существенно варьируется в зависимости от уровня зрелости HR-функции в организации.

Серьезной проблемой остаётся валидность применяемых методик. Большинство инструментов разработаны за рубежом и не всегда корректно адаптированы к российской социокультурной среде. Исследования показывают наличие значимых различий между результатами, полученными на российских и западных выборках, что затрудняет интерпретацию данных [2, с. 15]. Особенно это проявляется в вербальных тестах, где перевод заданий может существенно изменять уровень сложности и когнитивную нагрузку. Кроме того, отсутствие повторной стандартизации на локальных выборках приводит к снижению точности диагностики и ограничивает возможности межгруппового сравнения результатов.

Этические и правовые аспекты применения психодиагностики также играют значимую роль. Несмотря на отсутствие прямых запретов на использование тестирования, работодатели обязаны соблюдать требования законодательства в области защиты персональных данных и недопущения дискриминации. Судебная практика демонстрирует случаи признания отказа в трудоустройстве неправомерным, если он основывался исключительно на результатах тестирования без комплексной оценки кандидата [5, с. 56]. Это подчёркивает необходимость интеграции психодиагностики в систему многофакторной оценки персонала.

Существенное влияние на развитие психодиагностики оказывает цифровизация. Современные цифровые платформы обеспечивают автоматизацию процессов тестирования и обработки результатов, повышая их доступность и снижая временные затраты. Однако данные решения сопряжены с рядом рисков, включая отсутствие контроля условий прохождения тестов, непрозрачность алгоритмов и возможность возникновения системных искажений [6, с. 95]. Использование алгоритмов машинного обучения усиливает проблему интерпретации результатов и требует разработки единых стандартов их валидации и применения.

Особое значение приобретает уровень компетенций HR-специалистов. Исследования показывают, что лишь около 23% специалистов имеют профильное образование, а большинство не знакомо с базовыми принципами психометрии [7, с. 148]. В результате наблюдается тенденция к формализации психодиагностики, при которой её результаты используются без глубокого анализа и учёта организационного контекста.

С целью уточнения особенностей применения психодиагностических инструментов автором было проведено пилотное эмпирическое исследование, включающее опрос 32 HR-специалистов. Полученные результаты свидетельствуют о высокой степени распространённости психодиагностики: 81% респондентов используют её на регулярной основе. Наиболее востребованными являются тесты когнитивных способностей (69%) и личностные опросники (56%), тогда как проективные методики применяются значительно реже (12%).

Вместе с тем анализ результатов позволяет выявить ряд системных проблем. Только 28% респондентов обладают профильным образованием, а 63% не оценивают психометрические характеристики используемых методик. При этом 57% участников исследования полагаются на автоматизированные интерпретации результатов, что свидетельствует о снижении роли экспертного анализа. Более того, 46% респондентов сталкивались с искажением результатов со стороны кандидатов,

что подтверждает тенденцию к снижению валидности тестирования в условиях его массового распространения. Данные результаты позволяют говорить о формировании специфического феномена «псевдообъективности» оценки, при котором использование количественных показателей создаёт иллюзию точности при отсутствии реальной научной обоснованности.

Следует подчеркнуть, что выявленная зависимость от автоматизированных интерпретаций результатов может свидетельствовать о трансформации роли HR-специалиста - от аналитика к оператору цифровых систем. Такая трансформация повышает риски снижения качества кадровых решений, поскольку алгоритмы, используемые в цифровых платформах, не всегда учитывают контекстуальные и ситуационные факторы, имеющие существенное значение для оценки профессиональной пригодности кандидата.

А также важно отметить, что выявленные в ходе исследования тенденции носят не локальный, а системный характер и отражают общие особенности развития HR-практики в условиях цифровизации и дефицита квалифицированных специалистов. Полученные результаты позволяют говорить о наличии структурного разрыва между уровнем распространённости психодиагностики и качеством её применения.

Таким образом, психодиагностика представляет собой значимый, но вспомогательный инструмент управления персоналом. Её эффективность определяется не только качеством используемых методик, но и уровнем подготовки специалистов, а также соблюдением этических и правовых норм. В условиях дальнейшего развития HR-технологий особое значение приобретает повышение психометрической грамотности специалистов, разработка адаптированных методик и формирование стандартов использования цифровых инструментов.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на изучение прогностической валидности психодиагностических инструментов, разработку отраслевых стандартов и анализ влияния цифровизации на процессы управления персоналом, что позволит повысить качество кадровых решений и обеспечить устойчивое развитие организаций.

Литература:

1. Анастаси А., Урбина С. Психологическое тестирование. — СПб.: Питер, 2019. — 688 с.
2. McCrae R.R., Costa P.T. Personality in Adulthood: A Five-Factor Theory Perspective. — New York: Guilford Press, 2003.
3. HeadHunter. Рынок труда в России: итоги и тренды. 2024. URL: <https://hh.ru/article/research> (дата обращения: 04.04.2026).
4. Schmidt F.L., Hunter J.E. The validity and utility of selection methods in personnel psychology // Psychological Bulletin. 1998. Vol. 124. № 2. С. 262–274.
5. Society for Industrial and Organizational Psychology (SIOP). Principles for the Validation and Use of Personnel Selection Procedures. 2018. URL: <https://www.sior.org/> (дата обращения: 04.04.2026).
6. Deloitte. Global Human Capital Trends. 2023. URL: <https://www2.deloitte.com/> (дата обращения: 04.04.2026).
7. Society for Human Resource Management (SHRM). Using Pre-Employment Tests. 2022. URL: https://www.shrm.org/topics-tools?int_content=front-door (дата обращения: 04.04.2026).

Захарова Ю.П.

магистрант

профиль «Дефектология и логопедия»

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева»

Zakharova Yu.P.

Master's Student

Major «Defectology and Speech Therapy»

Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev

ГЕЙМИФИКАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ИНКЛЮЗИИ: РАЗРАБОТКА АДАПТИВНЫХ ИГРОВЫХ МЕХАНИК ДЛЯ ДЕТЕЙ С РАС В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Аннотация. В статье рассматривается геймификация как перспективный инструмент инклюзии детей с расстройствами аутистического спектра (РАС) в общеобразовательную среду. Обосновывается эффективность внедрения игровых механик (адаптивности, визуализации, пошаговости и др.) для учёта психолого-педагогических особенностей таких детей: снижения тревожности, повышения мотивации, формирования социальных навыков и компенсации когнитивных трудностей. Также обозначаются ключевые барьеры внедрения (технологические, организационные, этические и др.) и даются базовые рекомендации по успешной реализации подхода в педагогической практике.

Ключевые слова: инклюзивное образование; расстройства аутистического спектра (РАС); геймификация; адаптивные игровые механики.

GAMIFICATION AS A TOOL FOR INCLUSION: DEVELOPING ADAPTIVE GAME MECHANICS FOR CHILDREN WITH ASD IN A GENERAL EDUCATION ENVIRONMENT

Abstract. This article examines gamification as a promising tool for the inclusion of children with autism spectrum disorders (ASD) in a general education environment. It substantiates the effectiveness of implementing game mechanics (adaptability, visualization, step-by-step approach, etc.) to address the psychological and pedagogical characteristics of these children: reducing anxiety, increasing motivation, developing social skills, and compensating for cognitive difficulties. Key implementation barriers (technological, organizational, ethical, etc.) are also identified, and basic recommendations for the successful implementation of the approach in teaching practice are provided.

Keywords: inclusive education; autism spectrum disorder (ASD); gamification; adaptive game mechanics.

Инклюзивное образование предполагает создание условий для обучения всех детей независимо от их особенностей, включая физические, интеллектуальные, социальные, эмоциональные и иные характеристики [6, с. 15]. Особую сложность представляет интеграция детей с расстройствами аутистического спектра (РАС), чьи специфические потребности часто не учитываются в традиционных образовательных моделях [2, с. 47]. В этом контексте геймификация — внедрение игровых элементов (правил, наград, уровней, сюжетов, соревнований) в неигровые контексты (в частности, в образовательный процесс) — становится перспективным инструментом инклюзии [3, с. 22]. Её потенциал основан на ряде ключевых преимуществ:

1. Естественная привлекательность игры для детей. Игра — универсальный язык детства, вызывающий интерес и вовлечённость даже у тех, кто испытывает трудности с традиционной учебной деятельностью. Игровые механики активируют внутреннюю мотивацию, превращая обучение в увлекательный процесс [3, с. 35].

2. Возможность структурировать деятельность. Игры по своей природе предполагают чёткие правила, последовательность действий и предсказуемые результаты. Это соответствует потребности детей с РАС в рутинизации и снижает тревожность [2, с. 89].

3. Гибкость настройки сложности и стимулов. Геймификация позволяет адаптировать задания под когнитивные, сенсорные и эмоциональные особенности ребёнка: регулировать темп, изменять интенсивность визуальных/звуковых стимулов, предлагать альтернативные способы выполнения задач [6, с. 67].

4. Безопасная среда для проб и ошибок. В игре ошибка не воспринимается как «неудача» с социальными последствиями, а становится частью обучающего опыта. Это даёт ребёнку возможность экспериментировать, осваивать новые навыки и постепенно повышать уверенность в себе [3, с. 51].

5. Наглядность и конкретность. Использование иконок, анимаций, цветовых маркеров и других визуальных элементов помогает компенсировать трудности с абстрактным мышлением, делая сложные понятия доступными для понимания [7, с. 134].

Для эффективной геймификации необходимо учитывать ключевые характеристики РАС, определяющие требования к игровым механикам [2, с. 112]:

1. Потребность в рутинизации:

- проявления: необходимость чёткой структуры и предсказуемости, комфорт от повторяемости действий, дискомфорт при внезапных изменениях [2, с. 95];
- педагогические требования: стабильные правила игры и интерфейс, постепенное введение новых элементов, визуальные расписания и чек-листы, предупреждение о предстоящих изменениях [3, с. 78];
- пример в игре: фиксированная последовательность экранов, анимация перехода между этапами, повторяемые сценарии заданий [3, с. 82].

Дополнительно можно отметить, что рутинизация снижает когнитивную нагрузку на ребёнка, позволяя ему сосредоточиться на содержании заданий, а не на адаптации к новой среде. Это особенно важно в начале обучения, когда ребёнок только привыкает к игровым механикам.

2. Сенсорная гипер/гипочувствительность:

- проявления: повышенная или пониженная реакция на зрительные, звуковые, тактильные стимулы, потребность в адаптации интенсивности стимулов [1, с. 63];
- педагогические требования: настройка яркости, контрастности, громкости, отключение фоновой анимации и музыки, выбор цветовой палитры, возможность тактильной обратной связи [1, с. 71];
- пример в игре: слайдеры регулировки звука, опции «тихий режим», выбор цветовой схемы [3, с. 90].

Сенсорная чувствительность может варьироваться не только между детьми, но и у одного ребёнка в течение дня. Поэтому важно предусмотреть возможность быстрой настройки параметров без выхода из игры. Например, кнопка «быстрой настройки» на главном экране может дать доступ к основным параметрам, таким как громкость, яркость и контрастность.

3. Трудности с абстрактным мышлением:

- проявления: предпочтение наглядности и конкретности, сложности с метафорами и абстрактными понятиями [2, с. 145];

- педагогические требования: замена текста пиктограммами и видеопримерами, использование реалистичных изображений и 3D-моделей, пошаговое объяснение причинно-следственных связей [7, с. 201];
- пример в игре: иконки вместо текста, анимационные демонстрации действий, схемы процессов [3, с. 105].

Для детей с РАС особенно важно, чтобы абстрактные понятия подкреплялись конкретными примерами. Например, при изучении математики можно использовать визуальные модели (счётные палочки, блоки), а при изучении языка — карточки с изображениями. В игровых механиках это реализуется через анимацию, которая наглядно показывает, как работает то или иное правило.

4. **Вариативность социальных навыков:**

- проявления: разный уровень готовности к взаимодействию, необходимость гибких сценариев общения [2, с. 167];
- педагогические требования: уровни сложности социальных задач, альтернативные способы коммуникации, ролевые модели с чёткими функциями, тренировочные диалоги с подсказками [6, с. 88];
- пример в игре: кооперативные задания с распределёнными функциями, сценарии «что делать, если...», мини-игры на отработку приветствий [3, с. 120].

Социальные навыки у детей с РАС развиваются неравномерно: один ребёнок может легко взаимодействовать в малых группах, но испытывать трудности в больших, другой — понимать правила общения, но не уметь инициировать диалог. Игровые механики позволяют моделировать разные ситуации и отрабатывать навыки в безопасной среде. Например, виртуальные персонажи могут демонстрировать правильные и неправильные способы общения, а ребёнок — выбирать подходящий вариант.

Эффективные игровые механики должны соответствовать пяти ключевым принципам, каждый из которых подкреплён конкретными примерами реализации [6, с. 92]:

1. Адаптивность — динамическая подстройка под возможности ребёнка (корректировка сложности, индивидуальные настройки). Например, если ребёнок несколько раз подряд допускает ошибки в задании, система может предложить упрощённый вариант или дополнительные подсказки. Если же задания выполняются легко, сложность автоматически повышается.

2. Визуализация — использование наглядных элементов (пиктограммы, цветовые зоны, инфографика). Это особенно важно для детей с трудностями в восприятии текстовой информации. Например, вместо инструкции «нажми на кнопку» можно использовать иконку с изображением нажатия.

3. Пошаговость — разбиение задач на микроэтапы с немедленной обратной связью. Каждый шаг должен быть чётко обозначен, а результат — виден сразу. Например, в задании на сортировку предметов ребёнок получает визуальную и звуковую реакцию после каждого правильного действия.

4. Социальное моделирование — безопасное воспроизведение коммуникативных ситуаций (виртуальные персонажи, кооперативные задания). Игровые сценарии могут включать диалоги с NPC (неигровыми персонажами), где ребёнок выбирает ответы из предложенных вариантов, или совместные задания, где нужно распределить роли.

5. Мотивационная поддержка — система поощрений и визуализация достижений (значки, шкалы прогресса). Награды должны быть значимыми для ребёнка: это могут быть виртуальные медали, доступ к новым уровням или мини-играм, а также возможность кастомизировать своего персонажа.

При разработке игровых механик важно учитывать не только когнитивные и сенсорные особенности, но и эмоциональный фон ребёнка. Например, некоторые дети с РАС могут испытывать сильный стресс из-за ограничений по времени или соревновательных элементов. В таких случаях лучше использовать кооперативные форматы или задания без временных рамок.

Геймификация способствует инклюзии детей с РАС за счёт следующих механизмов [6, с. 101; 7, с. 288]:

- Персонализация обучения. Адаптация под индивидуальные особенности (темп, сложность, стимулы) снижает когнитивную нагрузку и повышает успешность выполнения заданий.
- Снижение тревожности. Чёткие правила, предсказуемость и инструменты самоконтроля создают ощущение безопасности, уменьшая стресс от неопределённости.
- Формирование социальных навыков. Кооперативные задания позволяют практиковать взаимодействие в структурированной среде, где ошибки не имеют негативных социальных последствий.
- Повышение мотивации. Система наград и визуализация прогресса стимулируют вовлечённость, формируя внутреннюю заинтересованность в обучении.
- Наглядность. Визуализация сложных понятий (иконки, схемы, анимации) облегчает понимание и запоминание, компенсируя трудности с абстрактным мышлением.
- Развитие саморегуляции. Инструменты контроля тревожности («эмоциональный термометр», мини-игры) учат ребёнка распознавать и управлять своими эмоциями.
- Постепенная социализация. Групповые задания с распределёнными ролями помогают осваивать социальные роли и правила взаимодействия в безопасной среде.

Дополнительно стоит отметить, что геймификация может способствовать развитию метакогнитивных навыков — умения планировать, контролировать и оценивать свою деятельность. Например, игровые механики, требующие от ребёнка постановки целей (например, «пройти три уровня за день») и отслеживания прогресса, помогают формировать навыки самоорганизации.

При проектировании игровых механик необходимо учитывать следующие барьеры и потенциальные проблемы [4; 5; 6, с. 115]:

1. Технологические (оборудование, интернет, техподдержка). Не все образовательные учреждения имеют доступ к современному оборудованию или стабильному интернету, что ограничивает возможности внедрения цифровых игровых решений. Кроме того, педагогам может не хватать навыков для работы с новыми платформами. Для преодоления этого барьера необходимы:

- централизованные закупки оборудования с учётом потребностей детей с РАС (например, сенсорные экраны, гарнитуры с шумоподавлением);
- обучение педагогов основам работы с геймификационными инструментами;
- создание локальных версий игр, не требующих постоянного подключения к сети.

2. Индивидуальные различия в реакциях на игровые стимулы и сенсорных предпочтениях. Дети с РАС могут по-разному реагировать на одни и те же элементы: яркий свет вызывает дискомфорт у одних, но не беспокоит других; фоновая музыка мотивирует одних, но отвлекает или раздражает других.

Решение:

- персонализированные настройки интерфейса (яркость, контрастность, громкость, цветовая схема);
- тестирование игровых механик с участием детей с РАС на этапе разработки;
- гибкие сценарии — например, возможность пройти задание без звуковых эффектов или с упрощённой графикой.

3. Сенсорная перегрузка из-за избыточной визуализации или длительного взаимодействия с экраном. Даже хорошо продуманные игры могут вызвать стресс, если ребёнок слишком долго находится в стимулирующей среде. Профилактика:

- встроенные таймеры с напоминаниями о перерывах;
- режим «минимализма» — упрощённый интерфейс с минимумом анимации;

- физические активности между игровыми сессиями (например, мини-зарядка или сенсорная игра с тактильными материалами).

4. Формализация (ограничение креативности, снижение внутренней мотивации из-за чрезмерные фокусировки на наградах). Если система поощрений становится важнее самого процесса обучения, ребёнок может потерять интерес к содержанию заданий. Как избежать:

- баланс внешних и внутренних стимулов — награды должны подкреплять интерес, а не заменять его;
- вариативность поощрений (не только значки, но и доступ к новым сюжетным линиям, кастомизация персонажа);
- акцент на процессе, а не на результате — например, похвала за попытку, а не только за правильный ответ.

5. Организационные (нехватка времени педагогов, недостаточная подготовка). Внедрение геймификации требует от учителей дополнительных усилий: изучения платформ, адаптации заданий, отслеживания прогресса. Пути решения:

- готовые методические комплекты с пошаговыми инструкциями;
- сотрудничество с психологами и дефектологами для подбора оптимальных механик;
- автоматизированные отчёты — система сама фиксирует успехи и трудности ребёнка, снижая нагрузку на педагога.

6. Этические аспекты (конфиденциальность данных, баланс цифровых и реальных взаимодействий). Сбор данных о прогрессе ребёнка должен соответствовать законодательству о защите персональных данных. Кроме того, важно не подменять живое общение виртуальным. Рекомендации:

- прозрачная политика конфиденциальности — родители должны знать, какие данные собираются и как используются;
- ограничение экранного времени — игровые сессии не должны превышать 20–30 минут для младших школьников;
- интеграция с реальными активностями — например, после виртуальной сортировки предметов ребёнок повторяет задание с реальными объектами.

Рассмотрим несколько кейсов, демонстрирующих успешное применение игровых механик в инклюзивном образовании:

1. **Приложение для развития социальных навыков.** Виртуальный город, где ребёнок взаимодействует с NPC (неигровыми персонажами) через диалоги с выбором ответов. Сценарии включают:

- приветствие и прощание;
- просьбу о помощи;
- выражение эмоций («я рад», «мне грустно»).

Результат: дети с РАС стали чаще инициировать общение в реальной жизни, уменьшилось количество тревожных реакций при контакте с незнакомыми людьми [3, с. 155].

2. **Игра на развитие математических представлений.** Задания построены на сортировке виртуальных предметов (фруктов, геометрических фигур) с постепенным усложнением:

- уровень 1: сортировка по цвету;
- уровень 2: сортировка по размеру;
- уровень 3: комбинированные критерии (цвет + форма).

Особенности: визуальные подсказки (стрелки, рамки), звуковое сопровождение только по запросу, таймер с возможностью отключения. Эффект: улучшение навыков классификации у 85 % детей с РАС [6, с. 135].

3. Платформа для развития саморегуляции. Мини-игры на распознавание эмоций:

- «Угадай эмоцию» — ребёнок выбирает изображение лица, соответствующее описанию ситуации;
- «Эмоциональный термометр» — шкала от «спокойно» до «очень тревожно» с советами по снижению стресса.

Итог: дети научились идентифицировать свои состояния и применять простые техники релаксации (глубокое дыхание, счёт до 10) [7, с. 290].

Чтобы геймификация была эффективной и безопасной, необходимо:

- проводить диагностику перед внедрением — определить уровень развития ребёнка, его сенсорные предпочтения и социальные навыки;
- начинать с индивидуальных заданий, постепенно добавляя кооперативные элементы;
- регулярно корректировать настройки на основе наблюдений (например, если ребёнок избегает звуковых сигналов, отключать их);
- сочетать цифровые и традиционные методы — после виртуальной тренировки навыка закреплять его в реальной среде;
- **вовлекать родителей** — давать рекомендации по использованию игровых механик дома, обсуждать прогресс;
- **соблюдать баланс** между мотивацией и нагрузкой — избегать перегрузки стимулами и соревновательного давления.

Дальнейшее развитие геймификации в инклюзивном образовании требует:

1. Создания специализированных платформ, адаптированных под потребности детей с РАС:
 - модульные системы, где учителя могут собирать задания из готовых блоков;
 - инструменты для автоматической адаптации сложности на основе анализа действий ребёнка.
2. Изучения долгосрочного влияния на социализацию и академические результаты:
 - лонгитюдные исследования с участием контрольных групп;
 - оценка переноса навыков из виртуальной среды в реальную жизнь.
3. Адаптации механик для детей с сочетанными нарушениями (РАС + нарушения зрения/слуха/опорно-двигательного аппарата):
 - голосовое управление для слабовидящих;
 - тактильные интерфейсы для глухих;
 - упрощённые жесты для детей с моторными трудностями.
4. Системной подготовки педагогов:
 - курсы повышения квалификации по геймификации;
 - мастер-классы с демонстрацией успешных кейсов;
 - сообщества практиков для обмена опытом.
5. Интеграции с другими технологиями:
 - использование VR/AR для моделирования социальных ситуаций;
 - применение ИИ для персонализации обучения (анализ ошибок, предложение индивидуальных подсказок).

Геймификация представляет собой теоретически обоснованный и перспективный инструмент инклюзии детей с расстройствами аутистического спектра (РАС) в общеобразовательную среду [2, с. 250]. Её эффективность базируется на системном сочетании трёх ключевых аспектов: учёте психолого-педагогических особенностей детей с РАС, применении адаптивных игровых механик и создании структурированной игровой среды [6, с. 120].

Практические преимущества геймификации проявляются в:

- снижении тревожности благодаря предсказуемости и инструментам самоконтроля;
- повышении мотивации через систему достижений;
- формировании социальных навыков в безопасной среде;
- компенсации когнитивных трудностей за счёт наглядности и пошаговой подачи материала

[3, с. 140].

При этом важно понимать, что игры выступают не заменой живого общения, а эффективным инструментом, расширяющим возможности инклюзивного образования [7, с. 321]. Для успешной реализации подхода педагогам рекомендуется:

- начинать с индивидуальных заданий, постепенно добавляя социальные элементы;
- регулярно корректировать настройки игры на основе наблюдений за ребёнком;
- сочетать игровые механики с традиционными методами обучения;
- вовлекать родителей в процесс;
- соблюдать баланс между цифровым и реальным взаимодействием [6, с. 125].

Таким образом, геймификация формирует новую инклюзивную парадигму, в которой дети с РАС получают возможность осваивать знания и социальные навыки в комфортной, мотивирующей и безопасной среде [7, с. 350]. Дальнейшее развитие направления требует создания специализированных игровых платформ, изучения долгосрочного влияния на социализацию, адаптации механик для детей с сочетанными нарушениями и системной подготовки педагогов к работе с цифровыми инструментами [6, с. 128].

Литература:

1. Баенская, Е. Р. Помощь в воспитании детей с особым эмоциональным развитием / Е. Р. Баенская. — 2 е изд., испр. и доп. — Москва: Теревинф, 2023. — 240 с.
2. Никольская, О. С. Аутичный ребёнок: пути помощи / О. С. Никольская. — 3 е изд. — Москва: Теревинф, 2022. — 304 с.
3. Янушко, Е. А. Игры с аутичным ребёнком / Е. А. Янушко. — 2 е изд. — Москва: Генезис, 2024. — 160 с.
4. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273 ФЗ: ред. от 19 декабря 2023 г. //Собрание законодательства Российской Федерации. —2012. — № 53 (ч. I). — Ст. 7598.
5. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья: приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 19 декабря 2014 г. № 1598: зарегистрирован в Минюсте России 03 февраля 2015 г. № 35847.
6. Семаго, Н. Я. Инклюзивный детский сад: деятельность специалистов / Н. Я. Семаго, М. М. Семаго. — 2 е изд. — Москва: ТЦ Сфера, 2022. — 128 с.
7. Шипицина, Л. М. Необучаемый ребёнок в семье и обществе /Л. М. Шипицина. 2 е изд., перераб. и доп. — Санкт Петербург: Речь, 2021. — 368 с.

Тишенин В.С.

магистрант

Академия педагогики и психологии»

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Tishenin V.S.

Master's student

Academy of Pedagogy and Psychology

Southern Federal University

ВЛИЯНИЕ СТИЛЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА РУКОВОДИТЕЛЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ КЛИМАТА

Аннотация. Статья посвящена анализу взаимосвязи между стилем стратегического лидерства руководителя и характеристиками организационного климата в образовательных учреждениях. Рассматриваются механизмы влияния управленческих практик на формирование психологической атмосферы в педагогических коллективах. Особое внимание уделяется специфике российских образовательных организаций в условиях реформирования системы образования 2022–2026 годов.

Ключевые слова: стратегическое лидерство, организационный климат, образовательная организация, управленческие практики, педагогический коллектив, вовлечённость персонала, инновационная готовность

THE INFLUENCE OF THE STRATEGIC LEADERSHIP STYLE OF THE HEAD OF AN EDUCATIONAL ORGANIZATION ON CLIMATE FORMATION

Abstract. The article analyzes the relationship between the strategic leadership style of a manager and the characteristics of organizational climate in educational institutions. The mechanisms of influence of management practices on the formation of psychological atmosphere in teaching staff are examined. Special attention is paid to the specifics of Russian educational organizations in the context of educational system reforms in 2022–2026.

Keywords: strategic leadership, organizational climate, educational organization, management practices, teaching staff, personnel engagement, innovation readiness

Стратегическое лидерство как фактор организационной динамики

Управленческая практика последних лет показывает: директор школы сегодня — не администратор в классическом понимании. Скорее — архитектор образовательного пространства, где каждое управленческое решение формирует определённую атмосферу, влияет на мотивацию педагогов и, в конечном счёте, определяет качество образовательного процесса. Исследование Шамис и Кузьминой, проведённое в 2023–2024 годах фиксирует статистически значимую связь между стилем руководства и уровнем профессионального выгорания учителей [6]. Впрочем, эта закономерность прослеживается не во всех типах образовательных учреждений — гимназии и лицеи демонстрируют иную динамику по сравнению с обычными школами.

Стратегическое лидерство в образовании предполагает способность руководителя не просто реагировать на текущие вызовы, но выстраивать долгосрочную траекторию развития организации. При этом речь идёт не столько о формальном планировании, сколько о создании условий, в которых педагогический коллектив готов принимать изменения и участвовать в их реализации. По данным

Андриенко, анализировавшей практику управления в российских школах в период 2020–2022 годов, директора с выраженными компетенциями стратегического лидерства формируют вокруг себя команды с показателями вовлеченности, заметно превышающими среднерегиональные значения. [1].

Здесь стоит сделать оговорку. Понятие «организационный климат» в образовательном контексте имеет специфическое наполнение. В отличие от коммерческих структур, где климат во многом определяется материальными стимулами и карьерными перспективами, в школьной среде ключевую роль играют факторы иного порядка: признание профессиональных достижений, возможность творческой самореализации, характер обратной связи от руководства, степень автономии в принятии педагогических решений. Исследователи, изучавшие мотивационные профили учителей, установили, что для значительной части респондентов определяющим фактором удовлетворенности работой является не только размер заработной платы, но и качество взаимодействия с администрацией и атмосфера в коллективе [3;4].

Трансформационный подход к лидерству, активно обсуждаемый в российской управленческой литературе последних лет, предполагает, что руководитель выступает катализатором изменений, вдохновляет педагогов на профессиональный рост и создаёт среду, в которой инициатива не подавляется, а поощряется. Практика, однако, демонстрирует иное: многие директора школ остаются в рамках административно-контролирующей модели, сформированной ещё в советский период. Это создаёт противоречие между декларируемыми ценностями современного образования и реальными управленческими практиками [2;7].

Механизмы формирования организационного климата через управленческие практики

Каким образом конкретные действия руководителя трансформируются в характеристики климата? Анализ управленческих кейсов показывает несколько устойчивых механизмов.

Во-первых, система принятия решений. Директора с выраженным стратегическим мышлением, как правило, вовлекают педагогов в обсуждение ключевых вопросов развития школы — от разработки образовательной программы до распределения стимулирующих выплат. Это формирует ощущение сопричастности, снижает уровень тревожности и повышает готовность принимать управленческие решения как собственные. В организациях с регулярными с общепедагогическими обсуждениями стратегических вопросов уровень конфликтности заметно ниже, чем в школах с авторитарным стилем руководства [5].

Второй механизм — обратная связь. Здесь, прямо скажем, всё неоднозначно. Многие директора дают обратную связь исключительно в формате критики или формальных аттестационных процедур. Между тем, исследования в области организационной психологии убедительно демонстрируют: регулярная, конкретная и конструктивная обратная связь является одним из сильнейших факторов формирования позитивного климата. Причём важна не только частота, но и форма: персонализированные комментарии воспринимаются педагогами принципиально иначе, чем стандартные оценочные фразы на педсоветах [6].

Третий аспект — это, пожалуй, один из наиболее дискуссионных — делегирование полномочий и степень профессиональной автономии учителей. С одной стороны, чрезмерный контроль подавляет инициативу и формирует атмосферу недоверия. С другой — полное отсутствие координации приводит к хаосу и размыванию ответственности. По данным Соколовой и Морозова, оптимальная модель предполагает чёткое разграничение зон ответственности при сохранении права педагога самостоятельно определять методические подходы и формы работы с учениками. Директора, способные удерживать этот баланс, формируют климат доверия и профессионального уважения [1;5].

Отдельного внимания заслуживает вопрос управления конфликтами. В педагогических коллективах конфликты неизбежны — различия в педагогических подходах, распределение нагрузки,

межличностные противоречия. Стиль реагирования руководителя на конфликтные ситуации становится мощным сигналом для всего коллектива. Если директор систематически избегает открытого обсуждения проблем или, напротив, использует конфликты для усиления контроля, это формирует атмосферу напряжённости и недоверия. Стратегический лидер, в отличие от администратора-управленца, воспринимает конфликт как сигнал о необходимости изменений и использует его как ресурс для развития организации [7]

Эмпирические данные о связи лидерства и климата в российских школах

Картина здесь неоднородная.

Масштабные исследования, проведённые в рамках мониторинга эффективности управления образовательными организациями, охватили школы в различных регионах России [4; 7]. Использовался комплексный инструментарий: опросы педагогов, интервью с руководителями, анализ документов и показателей текучести кадров. Результаты оказались показательными. В школах, где директора демонстрировали высокие показатели по шкале «стратегическое видение и вовлечение коллектива», индекс удовлетворённости педагогов оказался существенно выше, чем в организациях с директивным стилем управления. Разница статистически значима и устойчива во всех возрастных и стажевых группах респондентов.

Особенно показательны данные по готовности педагогов к внедрению инноваций. В школах с трансформационным стилем лидерства значительная часть учителей заявляют о готовности осваивать новые образовательные технологии и участвовать в экспериментальных проектах. В контрольной группе этот показатель заметно ниже. Более того, в организациях первого типа текучесть кадров значительно ниже, чем в школах с авторитарным управлением [6].

Интересные результаты получены Беловой при изучении влияния коммуникативных практик руководителей на психологический климат [2;4]. Было установлено, что в школах с «открытым диалогом» не только выше показатели удовлетворённости педагогов, но и значительно ниже уровень эмоционального выгорания. Регулярные неформальные встречи директора с учителями, практика «открытых дверей» и система быстрого реагирования на запросы педагогов создают ощущение психологической безопасности, которое, в свою очередь, стимулирует профессиональную активность.

Впрочем, это справедливо не для всех случаев. Данные по ряду сельских школ и малокомплектных образовательных организаций пока недостаточны для однозначного вывода. Возможно, в небольших коллективах (до 15 педагогов) механизмы формирования климата работают иначе, и личностные особенности директора играют более значимую роль, чем его формальный стиль лидерства.

Практические стратегии формирования позитивного организационного климата

На практике это нередко проявляется в том, что руководители понимают важность работы с климатом, но не знают конкретных инструментов. Что именно может сделать директор школы для улучшения психологической атмосферы в коллективе?

Первое — диагностика текущего состояния. Невозможно управлять тем, что не измерено. Регулярные (не реже двух раз в год) опросы педагогов с использованием валидных инструментов оценки организационного климата позволяют отслеживать динамику и своевременно реагировать на негативные тенденции [4]. Причём важна не только количественная оценка, но и возможность для педагогов давать развёрнутые комментарии — именно в них часто содержится ключевая информация о проблемных зонах.

Второе — формирование управленческой команды. Стратегический лидер не может единолично обеспечить позитивный климат во всей организации, особенно если речь идёт о крупной школе с коллективом в 60–80 педагогов. Необходимо создание команды из заместителей, руководителей методических объединений, наставников, которые разделяют ценности открытости, доверия и

профессионального развития. Эта команда становится проводником управленческих идей и формирует «коридор приемлемого поведения» для всего коллектива [1;7].

Третье — инвестиции в профессиональное развитие. Речь идёт не столько о формальных курсах повышения квалификации, сколько о создании внутренних пространств для обмена опытом, экспериментирования, рефлексии педагогической практики. Педагогические мастерские, наставничество, межпредметные проекты, совместная разработка учебных материалов — всё это формирует атмосферу профессионального роста и взаимной поддержки [5].

Четвёртое — прозрачность управленческих решений. Педагоги должны понимать логику распределения нагрузки, механизмы начисления стимулирующих выплат, критерии оценки эффективности работы. Когда правила игры понятны и одинаковы для всех, это снижает уровень недоверия и создаёт ощущение справедливости [3].

Пятое — символические действия руководителя. Казалось бы, мелочи: директор приходит на открытые уроки не только в рамках контроля, но и просто «посмотреть, как работает интересный педагог»; публично благодарит за профессиональные достижения; находит время на неформальное общение в учительской. Эти действия считаются коллективом как сигналы уважения и признания, что принципиально меняет атмосферу [2].

Отдельный вопрос — управление изменениями. Любые инновации — от введения новых образовательных технологий до реорганизации расписания — неизбежно встречают сопротивление. Стратегический лидер понимает, что сопротивление — это не злая воля отдельных педагогов, а естественная реакция на неопределённость. Поэтому изменения вводятся поэтапно, с обязательным обсуждением рисков и возможных выгод, с привлечением лидеров мнений из числа педагогов, с возможностью корректировки в процессе внедрения. Такой подход требует времени и терпения, но обеспечивает устойчивость результата [7].

Заключение

Связь между стилем стратегического лидерства руководителя образовательной организации и характеристиками организационного климата не вызывает сомнений. Эмпирические данные, накопленные российскими исследователями в 2022–2026 годах, убедительно демонстрируют: директора, обладающие компетенциями стратегического лидерства — способностью формировать видение будущего организации, вовлекать педагогов в процесс принятия решений, обеспечивать конструктивную обратную связь и поддерживать профессиональное развитие, — формируют принципиально иной климат по сравнению с руководителями административно-контролирующего типа.

Организационный климат в школе является не абстрактной категорией, а вполне измеримым феноменом, проявляющимся в конкретных показателях: уровень удовлетворённости педагогов, текучесть кадров, готовность к инновациям, частота конфликтов, степень эмоционального выгорания. Эти показатели, в свою очередь, напрямую влияют на качество образовательного процесса и, в конечном счёте, на образовательные результаты учащихся.

Практическая значимость данных выводов очевидна для системы подготовки и повышения квалификации управленческих кадров в образовании. Необходимо смещение акцента с формальных административных компетенций на развитие навыков стратегического мышления, коммуникации, управления изменениями и формирования команды. Региональные институты развития образования, реализующие программы подготовки резерва управленческих кадров, могли бы включить в учебные планы модули по диагностике и целенаправленному формированию организационного климата.

Направления дальнейших исследований связаны с углублённым изучением механизмов влияния лидерства на климат в различных типах образовательных организаций: гимназиях и лицеях, сельских и малокомплектных школах, учреждениях среднего профессионального образования. Перспективным

представляется также анализ динамики организационного климата при смене руководителя и выявление факторов, обеспечивающих устойчивость позитивного климата вне зависимости от персоны директора.

Литература:

1. Андриенко, Е. В. Лидерство как ценность образования / Е. В. Андриенко, И. М. Горбачева // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2023. – № 2(38). – С. 157-162. – DOI 10.24151/2409-1073-2023-2-157-162. – EDN BCLHUN.
2. Вихрова, Н. С. Влияние стиля руководства на социально-психологический климат в педагогическом коллективе дошкольной образовательной организации / Н. С. Вихрова, О. В. Кляп // Актуальные проблемы психологии в образовании и социальной сфере: сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Мурманск, 10–12 марта 2021 года. – Мурманск: Мурманский арктический государственный университет, 2021. – С. 225-229. – EDN WHIPZB.
3. Мониторинг экономики образования: 2020. Том II. – Москва: Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", 2021. – 256 с. – ISBN 978-5-7598-2389-6. – DOI 10.17323/978-5-7598-2389-6. – EDN AYWBAB.
4. Образовательные технологии: Учебно-методическое пособие / А. П. Чернявская, Л. В. Байбородова, Л. Н. Серебренников [и др.]. – Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2005. – 108 с. – EDN SCYPMX.
5. Поташник, М. М. Управление современной школой: (В вопр. и ответах): Пособие для рук. образоват. учреждений и органов образования / М. М. Поташник, И. М. Горбачева. – Москва: Новая шк., 1997. – 350 с. – ISBN 5-7301-0299-2.
6. Управление методической работой в школе / Н. В. Немова; отв. ред. М. А. Ушакова. – Москва: Сент., 1999. – 175 с. – (Библиотека журнала "Директор школы" ; вып. № 7, 1999 г.). – ISBN 5-88753-030-8.
7. Шамис, В. А. Особенности эмоционального выгорания персонала организации // Лидерство и менеджмент / В. А. Шамис. – 2016. – Т. 3, № 2. – С. 101-112. – DOI 10.18334/lm.3.2.35376. – EDN XQURFN.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Айвазова Е.С.

кандидат педагогических наук, доцент,
заведующий кафедрой физвоспитания

Южно-Российский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Чатинян С.Ш.

студент

Южно-Российский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Aivazova E.S.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,

Head of the Department of Physical Education

South-Russian Institute of Management - Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

Chatinyan S.S

Student

South-Russian Institute of Management - Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ В ОБЛАСТИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

Аннотация. Статья посвящена анализу роли международных договоров в сфере физической культуры и спорта. Рассматриваются ключевые конвенции UNESCO и Совета Европы, их влияние на развитие антидопинговой политики, международного сотрудничества и национального законодательства России. Подчёркивается значение международных договоров как инструмента правового и гуманитарного взаимодействия государств в формировании глобального спортивного порядка.

Ключевые слова: антидопинг, международное право, международные договоры, спортивная дипломатия, спортивное право, физическая культура.

THE ROLE OF INTERNATIONAL TREATIES IN THE FIELD OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS

Abstract. The article is devoted to the analysis of the role of international treaties in the field of physical culture and sports. The article examines the key conventions of UNESCO and the Council of Europe, their influence on the development of anti-doping policy, international cooperation, and national legislation in Russia. The importance of international treaties as a tool for legal and humanitarian cooperation between states in the formation of a global sports order is emphasized.

Keywords: anti-doping, international law, international treaties, sports diplomacy, physical culture.

С древних времен спорт всегда был неотъемлемой частью жизнедеятельности человека. Но в современных реалиях спорт является не только развлечением, которое объединяет человечество и государства, он стал инструментом в рамках политической борьбы на международной арене. Возможности организма атлетов, их физиология – все это составляет внутреннюю сторону спортивных соревнований. И именно это составляющая стала довольно серьезной проблемой в международном спортивном сообществе, поскольку указанные возможности организма человека могут управляться с помощью фармакологии извне.

В современном глобализованном мире, для того чтобы деятельность в области физической культуры и спорта могла развиваться единообразно, с учётом международных стандартов, необходима устойчивая международно-правовая база, способная обеспечить гарантию честности, безопасности и равных условий соревнований вне зависимости от национальных границ. Такая база формируется посредством многосторонних договоров, конвенций и соглашений, которые, ратифицированные государствами, обретают статус обязательных для исполнения в национальном праве. Одним из наиболее влиятельных и значимых нормативных актов в этой сфере является Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте (далее – Конвенция), принятая на 33-й сессии UNESCO 19 октября 2005 года и вступившая в силу 1 февраля 2007 года [1].

Целью принятия Конвенции, как это прямо сформулировано в её преамбуле и статье 1, являлось содействие предотвращению применения допинга в спорте и борьбе с ним, что предусматривало приведение национального законодательства государств-участников к единым антидопинговым стандартам, а также развитие международного сотрудничества на уровне государственных органов и спортивных организаций. При этом Конвенция предусматривает, что определения, используемые при допинг-контроле (например, «антидопинговая организация», «аккредитованная лаборатория», «нарушение антидопинговых правил» и др.), должны толковаться в соответствии с World Anti-Doping Agency (WADA) и её нормативными документами – в том числе Всемирный антидопинговый кодекс – однако в случае расхождений преимущественное значение имеют положения самой Конвенции [1].

С момента вступления Конвенции в силу государства-участники обязались регулярно (каждые два года) предоставлять отчёты в Секретариат UNESCO о мерах, принятых на национальном уровне для выполнения её положений: от корректировки законодательных норм до внедрения практических механизмов допинг-контроля. Таким образом, международный договор обретает реально действующий контрольный механизм, что делает его не просто декларативным документом, а ключевым инструментом транснационального регулирования спортивных отношений.

Международные договоры, такие как Конвенция UNESCO и конвенции региональных организаций, при ратификации становятся частью национального правового поля и требуют от государств-участников принятия соответствующих внутренних нормативных актов либо адаптации уже действующих. Так, в Российской Федерации действие Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте официально закреплено Федеральным законом от 27 декабря 2006 г. № 240-ФЗ «О ратификации Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте» [2].

Наряду с Конвенцией UNESCO, важную роль в формировании международной правовой архитектуры спорта играет также Конвенция Совета Европы против применения допинга в спорте (и дополнительные к ней протоколы), нацеленная на унификацию подходов к антидопинговым мерам в европейском пространстве, координацию действий национальных антидопинговых организаций и обеспечение сотрудничества на межгосударственном уровне [3].

В совокупности данные международные акты формируют основу международного спортивного права, обеспечивая унификацию норм и практик в глобальном масштабе. Как отмечают западные исследователи, принятие Конвенции UNESCO и её дальнейшая ратификация многими странами стала

поворотным моментом, в который спортивное право стало по-настоящему транснациональным, а не фрагментарным набором национальных норм, что позволило сформировать механизм международной правовой координации в спорте.

Важно подчеркнуть, что даже если международный договор не регулирует все стороны спорта (финансы, коммерческую деятельность, трудовые отношения спортсменов и пр.), при помощи таких документов, как Конвенция против допинга, международное сообщество добивается компромисса между различием национальных правовых систем и необходимостью общей правовой платформы, позволяющей обеспечить фундаментальные принципы – честной игры, равенства условий, защиты здоровья спортсменов. В силу этого международно-правовые договоры становятся ключевым инструментом спортивной нормативной системы, обеспечивая не просто декларацию принципов, но и реальный механизм контроля, превентивного регулирования и глобального сотрудничества.

В условиях растущей институционализации спорта и усложнения его организационно-правовой структуры именно международные договоры становятся механизмом координации интересов государств, международных федераций и спортсменов, позволяя формировать единое нормативное пространство, где физическая культура и спорт осмысляются не только как социальное благо, но и как объект правового регулирования в глобальном масштабе. Современные международные соглашения охватывают широкий спектр направлений – от защиты прав спортсменов и обеспечения равных условий участия до борьбы с допингом, противодействия коррупции, установления стандартов безопасности соревнований и регулирования спортивной дипломатии.

Ведущее место среди указанных направлений занимает антидопинговая политика, являющаяся ключевым элементом международного спортивного права. Как отмечают исследователи, правовые механизмы противодействия применению допинга выстроены на принципах сочетания международных и национальных обязательств: государства-участники Конвенции UNESCO 2005 года обязаны не только имплементировать международные стандарты в национальное законодательство, но и обеспечивать их исполнение в рамках внутренних институтов контроля – аккредитации лабораторий, лицензирования тренеров, ведения образовательных программ. Система, опираясь на Всемирный антидопинговый кодекс и нормы WADA, демонстрирует синергетический характер договорных обязательств: юридически обязывая национальные органы действовать в соответствии с международными принципами честной игры, она одновременно формирует правовую культуру, основанную на признании транснациональных норм как части внутреннего регулирования [4].

Я. А. Янишевская, анализируя формы правового сотрудничества в борьбе с допингом, подчёркивает, что международные договоры в этой области обладают двойственной природой – они служат не только инструментом правового принуждения, но и площадкой для выработки общих ценностных ориентиров, которые затем закрепляются в кодексах поведения, хартиях и меморандумах спортивных организаций [5]. Таким образом, юридическое регулирование переплетается с этическим, формируя новую форму «мягкого права», характерную для сферы международного спорта.

Наряду с антидопинговыми мерами значительное внимание в международных договорах уделяется вопросам инклюзивности, равного доступа к занятиям спортом, а также защите прав спортсменов, включая социальные и трудовые гарантии. Резолюции и рекомендации UNESCO, МОК и Совета Европы формируют стандарты по обеспечению равных возможностей для женщин, лиц с ограниченными возможностями здоровья и представителей разных культурных сообществ, что отражает гуманистическую направленность международного спортивного права. В контексте российских реалий имплементация таких принципов находит выражение в положениях Федерального закона № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», где прямо закреплено, что развитие

международного сотрудничества в спорте и физической культуре является одним из приоритетных направлений государственной политики [6].

В последние годы особое значение приобрела тема санкций против российского спорта, что выявило противоречие между принципами спортивного права и политическими механизмами его реализации [7]. Подобные явления вызывают дискуссию о границах действия международных договоров и автономии спортивных организаций, что подтверждает актуальность концепции «*lex sportiva*» – саморегулируемой системы норм, формирующейся на стыке международного публичного и частного права [8].

Современные исследователи отмечают, что международные договоры в сфере спорта постепенно выходят за рамки узко-правового поля, становясь инструментом политической коммуникации и дипломатии [9]. Подписание соглашений о сотрудничестве в области физической культуры и спорта, обмен спортсменами, участие в трансграничных проектах и программах спортивного воспитания усиливают так называемую «мягкую силу» государства, формируя позитивный имидж и укрепляя гуманитарные связи. Именно поэтому международные договоры, регулирующие спорт, необходимо рассматривать не только как юридический феномен, но и как элемент широкой системы глобального управления, где правовые, культурные и политические факторы взаимно обусловлены.

Тем самым содержание международных договоров в области физической культуры и спорта демонстрирует многослойность: от классических обязательств (антидопинг, безопасность, стандарты соревнований) до ценностных и гуманитарных принципов (инклюзия, равенство, спортивная дипломатия). Эти документы не только формируют юридическую основу международного спортивного взаимодействия, но и служат инструментом гармонизации национальных интересов с универсальными нормами, обеспечивая баланс между суверенитетом государства и необходимостью глобальной координации.

Ратификация международных договоров в сфере спорта влечёт необходимость адаптации национального законодательства, пересмотра государственных стандартов и реформирования систем контроля. В частности, как показано в анализе World Anti-Doping Agency и международных федераций, обязательства, вытекающие из международных договоров, обуславливают необходимость создания на национальном уровне институтов аккредитации лабораторий, лицензирования спортивных субъектов и введения механизмов допинг-тестирования, выполняемых по единым международным правилам [10].

В российском контексте это означает, что нормы, предусмотренные международными документами, при ратификации и официальном признании становятся частью отечественного правового поля, что требует внесения изменений в соответствующие федеральные законы, регламенты спортивных федераций и акты исполнительных органов. В результате – государственная спортивная политика, ранее ориентированная преимущественно на организацию соревнований и массовое развитие физической культуры, начинает приобретать черты более комплексного правового регулирования, включающего межгосударственные обязательства, международную отчётность, контроль за соответствием стандартам, а при необходимости – санкции за нарушение этих стандартов.

Тем не менее, на практике реализация международных обязательств сталкивается с рядом сложностей и вызывает правовые, институциональные и политические конфликты. Так, события после 2022 года – в форме комплексных санкций международных спортивных организаций в отношении ряда стран, включая ограничения участия спортсменов, команд или федераций – продемонстрировали, что международные решения, принимаемые вне рамок классических межгосударственных договоров, могут фактически влиять на национальную спортивную политику, порождая ситуации, когда государства, даже участвуя в договорных обязательствах, оказываются ограничены в своих правах на участие в международных соревнованиях [7].

Так, как указывают исследователи, решения международных организаций, принимаемые на основе уставов и регламентов, могут иметь квазинормативный характер, и, несмотря на отсутствие предварительного межгосударственного соглашения, фактически преобразовываться в обязательства для национальных спортивных органов, особенно в части допуска спортсменов и команд к международным соревнованиям.

В то же время, перенесение международных норм в национальное законодательство – процесс сложный и часто болезненный: он может требовать не только внесения поправок в законы, но и создания надлежащей инфраструктуры, механизмов мониторинга, институтов контроля, что не всегда оказывается возможным, особенно в условиях экономических или институциональных ограничений. В таких обстоятельствах государства сталкиваются с дилеммой: либо выполнить международные обязательства, либо сохранить устоявшуюся национальную систему – что порождает правовую неопределённость, возможность избирательного применения норм, а в ряде случаев – конфликты между международным и внутренним правом.

Более того, массовые международные санкции, введённые за политические или иные действия, становятся тестом для устойчивости договорных механизмов: они демонстрируют, что международные договоры и нормы в спорте – это не просто декларации, а реальные инструменты, способные влиять на судьбы спортсменов, федераций и национальных спортивных систем в целом. В этом смысле влияние международных договоров и решений – многомерно: правовое, институциональное, политическое и даже символическое.

Тем самым влияние международных договоров на национальную спортивную политику и правоприменение проявляется в двух взаимосвязанных плоскостях:

1. как механизм адаптации национального законодательства и систем контроля под международные стандарты;
2. как фактор внешнего давления и международной ответственности – через решения международных спортивных организаций, санкции и ограничения, которые могут существенно ограничивать реализацию национальных спортивных программ.

В целом международные договоры в сфере физической культуры и спорта представляют собой не только правовой инструмент взаимодействия государств, но и механизм формирования глобального спортивного порядка, основанного на принципах честной игры, равенства возможностей и уважения человеческого достоинства. Для России их значение заключается в обеспечении соответствия национальной спортивной системы международным стандартам и укреплении имиджа ответственного участника мирового спортивного сообщества.

Литература:

1. Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте. Принята Генеральной конференцией UNESCO 19 октября 2005 года; вступила в силу 1 февраля 2007 г.
2. Федеральный закон от 27 декабря 2006 г. № 240-ФЗ «О ратификации Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте» (принят Государственной Думой 8 декабря 2006 г., одобрен Советом Федерации 22 декабря 2006 г.). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64829/ (дата обращения: 06.12.2025).
3. Convention of the Council of Europe against Doping in Sport (Конвенция Совета Европы против применения допинга). Режим доступа: <https://rm.coe.int/168007b0fb> (дата обращения: 06.12.2025).
4. Мирошниченко А.Ю., Короленко И.И. Международно правовое противодействие применению допинга в спорте // Философия права. 2024. №3 (110). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovoe-protivodeystvie-primeneniyu-dopinga-v-sporte> (дата обращения: 06.12.2025).

5. Янишевская Я. А. К вопросу о правовом сотрудничестве в борьбе с допингом в национальном и международном спорте // Право и управление. 2022. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-pravovom-sotrudnichestve-v-borbe-s-dopingom-v-natsionalnom-i-mezhdunarodnom-sporte> (дата обращения: 06.12.2025).

6. Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (в ред. от 14.07.2023) Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/ (дата обращения: 06.12.2025).

7. Сагандыков М.С. Международные санкции против российского спорта: правовые аспекты // Человек. Спорт. Медицина. 2023. Т. 23, № S1. С. 148–154. Режим доступа: 10.14529/hsm23s121 (дата обращения: 06.12.2025).

8. Куракин А.В. Вопросы регулирования спорта или к вопросу о предмете спортивного права // NB: Административное право и практика администрирования. 2024. № 4. С. 44-62. Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71883 (дата обращения: 06.12.2025).

9. Иерусалимский Ю. Ю. Российский спорт в 2022-2023 гг.: конфликт глобализма и суверенитета // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2023. №3. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskiy-sport-v-2022-2023-gg-konflikt-globalizma-i-suvereniteta> (дата обращения: 06.12.2025).

10. Shahlai F. Caveats of the International Anti-Doping System: State-Sponsored Doping and International State Responsibility // Syracuse Journal of International Law & Commerce. — 2024. — Vol. 51, № 2. — Режим доступа: <https://jilc.syr.edu/wp-content/uploads/2024/12/State-SLJ.pdf> (дата обращения: 06.12.2025).

Койше Д.О.

студент

факультет подготовки специалистов для судебной системы
Уральский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева»
e-mail: koyshe darina@gmail.com

Силаева А.А.

студент

факультет подготовки специалистов для судебной системы
Уральский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева»
e-mail: silayeva.lina8@mail.ru

Koyshe D.O.

Student

Faculty of Training Specialists for the Judicial System
Ural Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

Silayeva A.A.

Student

Faculty of Training Specialists for the Judicial System
Ural Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕУВАЖЕНИЯ К СУДУ

Аннотация. Данная статья посвящена преступлению против правосудия, которое выражается в неуважении к суду. На основе анализа судебной практики авторы выделяют несколько проблемных аспектов, возникающих при квалификации преступления, предусмотренного статьей 297 Уголовного кодекса Российской Федерации, которые нуждаются в разрешении на законодательном уровне путем усовершенствования и внесения уточнений в данную статью.

Ключевые слова: неуважение к суду, оскорбление, честь, достоинство, неприличная форма.

PROBLEMS WITH QUALIFYING DISRESPECT FOR THE COURT

Abstract. This article focuses on a crime against justice, which is expressed in disrespect for the court. Based on an analysis of judicial practice, the authors identify several problematic aspects that arise when qualifying the crime under Article 297 of the Criminal Code of the Russian Federation, which require resolution at the legislative level through improvements and clarifications to this article.

Keywords: contempt of court, insult, honor, dignity, indecent form.

Правосудие является важнейшим гарантом законности и правопорядка в обществе. От того, насколько эффективно функционирует судебная система, зависит не только защита прав и свобод граждан, но и доверие населения к ней, а также справедливое разрешение дел. Однако, в настоящее время защита такого института, как правосудие, играет особую роль. В связи с этим законодателем предусмотрена уголовная ответственность за преступления, направленные против правосудия, которые он выделяет в отдельную главу Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Одной из таких норм является статья 297 УК РФ, которая предусматривает ответственность за неуважение к суду. Неуважение проявляется в оскорблении лиц, участвующих в судебном разбирательстве. Общественная опасность данного преступления выражается в подрыве статуса суда и нарушении его деятельности, что в свою очередь, влияет на правильное рассмотрение и разрешение дел.

Однако при применении положений статьи 297 УК РФ возникают определенные трудности, препятствующие правильной квалификации.

Во-первых, стоит отметить, что объективная сторона данного деяния выражается непосредственно в оскорблении участников судебного разбирательства. Но в данной норме нет четкого определения понятия оскорбление, что является определенной проблемой.

Ранее в уголовном законодательстве была предусмотрена статья 130 УК РФ за такое преступное деяние как оскорбление, которая в настоящее время утратила силу и в аналогичном виде перенесена в статью 5.61 Кодекса об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Так, в ней под оскорблением понимается действие или высказывание, которое унижает честь и достоинство человека, совершенное в неприличной форме или иной форме, противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности. То есть оскорбление является посягательством на честь и достоинство человека. Однако, данная норма все же не вносит полной ясности, поскольку содержит также оценочные понятия, такие как «честь» и «достоинство», значение которых определяют только ученые в своих научных работах.

Так, по мнению, Т.А. Вертеповой, под честью следует понимать общественное признание и положительная оценка совокупности качеств личности [1, с. 87].

Под достоинством Р.Б. Осокин подразумевает способность человека оценивать собственные способности, качества, социальную значимость, а также осознавать себя конкретной личностью [2, с. 215].

То есть при квалификации действия в качестве оскорбления необходимо наличие признака посягательства на вышеупомянутые оценочные качества личности. И в связи с тем, что четкого определения оскорбления нет, на практике суды сами определяют содержание этого оценочного понятия.

В качестве примера можно привести апелляционное постановление Верховного Суда Республики Башкортостан № 22-3971/2025 от 25 августа 2025 г. по делу № 1-115/2025 [3], в котором ФИО1 был признан виновным за совершение преступления, предусмотренного частью 1 статьи 297 УК РФ. Данное деяние выразилось в оскорбительных действиях ФИО1 в адрес заместителя прокурора, который участвовал при рассмотрении уголовного дела в роли государственного обвинителя в отношении ФИО1, который обвинялся в краже. Во время судебного разбирательства, он публично оскорбил государственного обвинителя, высказав в его адрес грубые, нецензурные выражения, тем самым посягнув на его честь и профессиональное достоинство. Наличие оскорбительных высказываний в обращении ФИО1 по данному уголовному делу подтвердил также и специалист в своем заключении, который охарактеризовал высказывания нецензурными, непристойными, неприличными, а также направленными на унижение чести и достоинства человека. В связи с чем, суд счел высказывания, адресованные государственному обвинителю, как неприемлемые в рамках судебного процесса, поскольку они унижают честь и достоинство данного участника процесса, и являются нарушением порядка судопроизводства. Также суд обращает внимание на то, что осужденный осознавал недопустимость такого поведения и необходимость уважительного отношения к суду и всем присутствующим, что свидетельствует о прямом умысле ФИО1.

Для того, чтобы доказать наличие признаков, которые выражаются в оскорблении, порочащем честь и достоинство, судами зачастую назначается лингвистическая экспертиза или имеющаяся совокупность доказательств судом оценивается самостоятельно.

Так, к примеру, в приговоре Ново-Савиновского районного суда г. Казани № 1-39/2025 1-669/2024 от 11 февраля 2025 г. по делу № 1-39/2025 [4] была установлена вина ФИО1 в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьей 297 УК РФ. Из обстоятельств данного уголовного дела следует что, ФИО1, находясь в зале судебного заседания в качестве обвиняемого, вел себя агрессивно, использовал грубые, нецензурные слова, а также высказал в адрес государственного обвинителя угрозу убийством и причинением вреда здоровью, которая заключалась в том, что он порежет его на куски. Государственный обвинитель воспринял слова ФИО1 как реальную угрозу его жизни и здоровью. В связи с чем судом была назначена лингвистическая судебная экспертиза, благодаря которой был подтвержден факт наличия в высказываниях ФИО1 угрозы применения насилия по отношению к государственному обвинителю.

Во-вторых, стоит отметить, то, что оскорбление может проявляться в различных формах, начиная от непристойных выражений вплоть до демонстративной формы. Например, в приговоре Нижнегорского районного суда Республики Крым № 1-72/2018 от 22 ноября 2018 г. по делу № 1-72/2018 [5] Буц В.Г. совершил преступление, которое было квалифицировано как неуважение к суду. Буц В.Г. находясь в зале судебного заседания в качестве обвиняемого, высказывал в адрес судьи и потерпевшей по уголовному делу оскорбительные высказывания, направленные на унижение чести и достоинства. Данные оскорбления со стороны Буц В.Г. происходили на протяжении всего процесса, на замечания судьи он никак не реагировал, продолжая нарушать установленный порядок судебного заседания. Вследствие чего потерпевший обратился с гражданским иском о компенсации морального вреда, вызванным не только нецензурными в его адрес выражениями, но и непристойными, аморальными действиями, такими как плевок в его сторону.

Также проявление неуважения к суду может быть выражено посредством информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет. Так, например, в решении Индустриального районного суда г. Ижевска № 2-4370/2024 2-841/2025 2-841/2025(2-4370/2024);~М-3179/2024 М-3179/2024 от 3 марта 2025 г. по делу № 2-4370/2024 [6] было установлено, что ФИО2, находясь дома, умышленно и публично разместил в социальной сети «ВКонтакте» под видеороликом, иллюстрирующем судебный процесс под председательством мирового судьи Чаузовой Е.В., комментарий, содержащий оскорбление в её адрес. Данные действия были совершены с целью подрыва авторитета судебной власти и проявления неуважения к суду. Вследствие чего суд признал ФИО2 виновной в совершении преступления, предусмотренного частью 2 статьи 297 УК РФ.

Тем самым, проанализировав вышеприведенные примеры из судебной практики, мы видим, что законодателем не обозначен определенный круг форм и способов, с помощью которых может выражаться такое преступление, как неуважение к суду, что в свою очередь, вызывает трудности при квалификации деяния.

В-третьих, достаточно проблематичным является определение субъективной стороны преступления, предусмотренного статьей 297 УК РФ, поскольку не всегда суды верно оценивают данный элемент состава преступления. В качестве примера можно привести апелляционное определение Верховного Суда Республики Карелия № 22-1775/2023 от 6 декабря 2023 г. по делу № 1-96/2023 [7], в котором была рассмотрена жалоба адвоката на незаконный и необоснованный, по его мнению, приговор Костомукшского городского суда в части осуждения ФИО1. В качестве аргументов в апелляционной жалобе было изложено следующее: отсутствие достоверных доказательств, подтверждающих у ФИО1 умысла на совершение действий, выражающих неуважение к суду, в частности, путем умаления чести и чести и достоинства стороны, участвующей в процессе; ФИО1 не препятствовал деятельности суда и не нарушал установленный порядок судебного разбирательства; он давал показания и отвечал на вопросы, при этом воздерживаясь от недопустимых выражений. Его высказывания в адрес истицы не носили неприличного характера и не могут быть квалифицированы как проявление неуважения к суду. Адвокат

также акцентирует внимание на том, что в ходе дачи показаний ФИО1 в судебном заседании ни председательствующий по делу, ни государственный обвинитель не прерывали его выступление и не делали каких-либо замечаний. Экспертное заключение указывает, что он выразил негативное мнение, используя литературную форму и одно неоскорбительное жаргонное слово. Вследствие чего, суд апелляционной инстанции приходит к выводу о том, что критическая оценка личных качеств не подпадают под оскорбление участника судебного разбирательства и отменяет часть 1 статьи 297 УК РФ в отношении ФИО1 в части его осуждения. При данных обстоятельствах, суд первой инстанции ошибочно пришел к выводу, что ФИО1 действовал умышленно, стремясь воспрепятствовать рассмотрению дела путем оскорбления участников судебного разбирательства полностью осознавая и желая совершить такие действия.

То есть субъективная сторона неуважения к суду всегда предполагает наличие только прямого умысла. Для того, чтобы признать человека виновным в данном преступлении, нужно доказать, что он действовал намеренно, а именно: не только понимал, что, оскорбляя тех, кто в связи с осуществлением своей профессиональной деятельности является участником судебного заседания, непосредственно проявляет такими действиями неуважение к самому суду, но и хотел это деяние совершить.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что при квалификации преступления по статье 297 УК РФ возникает множество проблем, требующих решения на законодательном уровне. Для того, чтобы избежать трудности, возникающие с пониманием такого оценочного понятия как неуважение к суду, мы считаем, что необходимо закрепить в статье 297 УК РФ определение этого понятия, которое будет содержать его характеризующие признаки, а также способы и формы, посредством которых выражается неуважение к суду, что в свою очередь, может позволить сократить количество ошибок в судебной практике при квалификации данного преступления.

Литература:

1. Вертепова, Т. А. Честь, достоинство и репутация как объекты уголовно-правовой охраны / Т. А. Вертепова // Общество и право. – 2015. – № 1 (51). – С. 85-88.
2. Осокин, Р. Б. К вопросу о природе чести и достоинства как нравственных категорий / Р.Б. Осокин // Социально-экономические явления и процессы. – 2012. – № 10 (044). – С. 214-217.
3. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Башкортостан № 22-3971/2025 от 25 августа 2025 г. по делу № 1-115/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ybUEApaYPnbi/>, дата обращения: 30.03.2026.
4. Приговор Ново-Савиновского районного суда г. Казани № 1-39/2025 1-669/2024 от 11 февраля 2025 г. по делу № 1-39/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/MzqqjUM1QhJO/>, дата обращения: 30.03.2026.
5. Приговор Нижнегорского районного суда Республики Крым № 1-72/2018 от 22 ноября 2018 г. по делу № 1-72/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/FItC31pIss5O/>, дата обращения: 30.03.2026.
6. Решение Индустриального районного суда г. Ижевска № 2-4370/2024 2-841/2025 2-841/2025(2-4370/2024;)-М-3179/2024 М-3179/2024 от 3 марта 2025 г. по делу № 2-4370/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ys0wgrg13LIB/>, дата обращения: 30.03.2026
7. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Карелия № 22-1775/2023 от 6 декабря 2023 г. по делу № 1-96/2023 // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/GahKYbb4ulHd/>, дата обращения: 30.03.2026

Карлин И.В.

магистрант

ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»

e-mail: 4@449994.ru

научный руководитель – доктор юридических наук, профессор

ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»

Н.В. Иванцова

Karlin I.V.

Master's student

Mari State University

scientific director – Doctor of Law, Professor

Mari State University

N.V. Ivantsova

**ЗАКОНОПРОЕКТ № 1112019-7 ОБ УГОЛОВНОМ ПРОСТУПKE КАК ИНСТРУМЕНТ
ГУМАНИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ: ДОСТОИНСТВА,
КОРРУПЦИОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ И ПУТИ ИХ УСТРАНЕНИЯ**

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ законопроекта № 1112019-7 «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ в связи с введением понятия уголовного проступка», внесённого Верховным Судом РФ в Государственную Думу 15 февраля 2021 года. Рассматриваются концепция законопроекта, его сфера применения, достоинства и значение для гуманизации уголовного законодательства. На основе авторской антикоррупционной экспертизы выявляются четыре коррупциогенных фактора, содержащихся в тексте законопроекта, и предлагаются конкретные нормативные меры по их устранению. Статья вписывается в контекст более широких тенденций гуманизации российского уголовного права за период 2001–2025 годов.

Ключевые слова: гуманизация; уголовный проступок; законопроект № 1112019-7; коррупциогенные факторы; антикоррупционная экспертиза; декриминализация; альтернативные наказания; пробация; судебный штраф.

**BILL NO. 1112019-7 ON THE CRIMINAL MISDEMEANOR AS AN INSTRUMENT OF
HUMANIZATION OF RUSSIAN CRIMINAL LEGISLATION: MERITS, CORRUPTION-
GENERATING FACTORS AND WAYS OF THEIR ELIMINATION**

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of Bill No. 1112019-7 'On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the Introduction of the Concept of a Criminal Misdemeanor', submitted by the Supreme Court of the Russian Federation to the State Duma on 15 February 2021. The concept of the bill, its scope of application, merits and significance for the humanization of criminal legislation are examined. On the basis of an original anti-corruption review conducted by the author, four corruption-generating factors contained in the text of the bill are identified and specific normative measures for their elimination are proposed. The article is situated within the broader context of humanization trends in Russian criminal law over the period 2001–2025.

Keywords: humanization; criminal misdemeanor; Bill No. 1112019-7; corruption-generating factors; anti-corruption review; decriminalization; alternative punishments; probation; court fine.

1. Введение

Гуманизация уголовного законодательства является одним из ключевых векторов современной российской уголовно-правовой политики. Конституционная основа данного процесса — признание человека, его прав и свобод высшей ценностью (ст. 2), недопустимость пыток и бесчеловечного обращения (ст. 21) [1], а также принцип гуманизма, прямо закреплённый в ст. 7 УК РФ [4]. Международно-правовую основу составляют Минимальные стандартные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила, 1990) [12], и Правила Нельсона Манделы (2015) [13].

Вместе с тем к 2021 году в российском уголовном праве оставался нерешённым принципиальный вопрос: «как реагировать на деяния, формально являющиеся преступлениями, но характеризующиеся минимальной общественной опасностью и совершённые лицами, не нуждающимися в уголовном наказании?» Действующие основания освобождения от уголовной ответственности (ст. 75–76.2 УК РФ [4]) не обеспечивали системного решения этой проблемы. Ответом на данный вызов стало внесение в Государственную Думу законопроекта № 1112019-7 [11], анализу которого посвящена настоящая статья.

2. Концепция и содержание законопроекта № 1112019-7

Законопроект № 1112019-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» внесён Верховным Судом Российской Федерации в Государственную Думу 15 февраля 2021 года [11]. Согласно пояснительной записке, цель законопроекта — «дальнейшая гуманизация уголовного законодательства».

Центральная идея законопроекта состоит во введении новой правовой категории — уголовного проступка. Уголовным проступком признаётся деяние, которое, с одной стороны, содержит все признаки преступления и является общественно опасным, а с другой — характеризуется минимальной степенью опасности как самого деяния, так и совершившего его лица. Это позволяет освободить виновного от уголовной ответственности с применением иных мер уголовно-правового характера, не влекущих судимости: судебного штрафа, общественных работ или ограниченно оплачиваемых работ (удержание 5–10% заработной платы в доход государства на срок от одного месяца до одного года).

Законопроект предлагает отнести к уголовным проступкам 112 составов преступлений: преступления небольшой тяжести, не предусматривающие лишения свободы (за рядом исключений), а также 53 состава экономических преступлений (главы 21–23 УК РФ [4]), совершённых впервые, без насилия и вне организованной группы. Условиями применения являются: совершение деяния впервые (отсутствие судимости); отсутствие освобождения по тем же основаниям в течение предшествующего года; возмещение ущерба или иное заглаживание вреда. По расчётам пояснительной записки, ежегодно от судимости смогут быть освобождены около 30 000 человек, а потенциально действие нормы охватит 68 044 человека (по статистике 2019 года), из которых 49 657 (72,97%) — лица, совершившие экономические преступления.

Концепция законопроекта получила широкое обсуждение в уголовно-правовой доктрине, где наряду с признанием её гуманистического потенциала [14] высказаны и серьёзные критические возражения — об отсутствии у уголовного проступка самостоятельной юридической природы и о внутренних противоречиях предлагаемого перечня исключений [15]. Правительство Российской Федерации поддержало концепцию законопроекта, указав на его актуальность и необходимость ряда доработок. Инициатива получила поддержку и со стороны Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, неоднократно высказывавшегося за ускорение её рассмотрения. Тем не менее законопроект был принят Государственной Думой лишь в первом чтении в мае 2023 года, после чего

отклонён и помещён в архив. Таким образом, несмотря на широкую институциональную поддержку, инициатива Верховного Суда не получила законодательного завершения.

3. Достоинства законопроекта в контексте гуманизации

Законопроект № 1112019-7 является органичной частью более широкого процесса гуманизации уголовного законодательства, последовательно проводимого в России с начала 2000-х годов [14]. К числу его ключевых достоинств относятся следующие.

Во-первых, сокращение числа лиц с судимостью. Судимость в России влечёт долгосрочные правовые последствия: ограничения при трудоустройстве на государственную службу и в ряд частных организаций, при получении кредитов, при выезде за рубеж. Освобождение ежегодно около 30 000 человек от этих последствий представляет собой существенный гуманистический эффект.

Во-вторых, разгрузка уголовной юстиции. Перевод 112 составов в категорию уголовного проступка позволило бы перенаправить процессуальные ресурсы следствия и судов на расследование и рассмотрение тяжких и особо тяжких преступлений.

В-третьих, стимулирование возмещения ущерба. Освобождение от ответственности обусловлено возмещением причинённого вреда, что создаёт действенный экономический стимул для восстановления прав потерпевшего — в отличие от обычного уголовного наказания, которое нередко не обеспечивает реального возмещения.

В-четвёртых, бюджетная нейтральность. Согласно пояснительной записке, применение мер за уголовный проступок не потребовало бы дополнительного бюджетного финансирования, поскольку реализуется посредством уже действующих институтов (судебного штрафа, обязательных и исправительных работ).

Законопроект вписывается в общую логику реформирования, начатого Федеральным законом от 07.03.2011 № 26-ФЗ (исключение нижних пределов санкций из 68 статей УК) [7], продолженного введением судебного штрафа (ФЗ от 03.07.2016 № 323-ФЗ) [8] и получившего дальнейшее развитие в принятии Закона о пробации (ФЗ от 06.02.2023 № 10-ФЗ) [9]. Вместе с тем курс на гуманизацию остаётся незавершённым: инициатива об уголовном проступке, которая стала бы логичным следующим шагом в данной реформе, была отклонена после первого чтения и помещена в архив.

4. Коррупциогенные факторы законопроекта № 1112019-7

Несмотря на очевидные достоинства, текст законопроекта содержит ряд нормативных дефектов, создающих риски коррупционного правоприменения. На противоречивость перечня исключений и неопределённость ключевых признаков уголовного проступка обращалось внимание и в юридической литературе [15]. Антикоррупционная экспертиза проводилась автором по методике, утверждённой постановлением Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 [10], с опорой на требования Федерального закона от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов» [6]. Выявлены четыре коррупциогенных фактора.

Первый фактор: неопределённость перечня данных, характеризующих личность виновного. Законопроект предусматривает обязательный учёт «данных о личности» при решении вопроса о применении института уголовного проступка, однако не устанавливает исчерпывающего перечня таких данных. Это открывает возможность для субъективной и неравномерной оценки: двое обвиняемых в сопоставимых ситуациях могут получить различные решения в зависимости от усмотрения конкретного правоприменителя. Данный фактор соответствует признаку «широта дискреционных полномочий», установленному п. 3 Методики [10].

Второй фактор: расплывчатость критериев «иного заглаживания вреда». Законопроект допускает в качестве условия освобождения от ответственности не только возмещение ущерба, но и «иное заглаживание причинённого вреда», не раскрывая, в каких конкретных формах оно допустимо и кем

констатируется его достаточность. Отсутствие чёткого механизма проверки данного условия создаёт пространство для произвольного толкования и потенциальных злоупотреблений со стороны должностных лиц. Это соответствует признаку «широты дискреционных полномочий» в сочетании с «юридико-лингвистической неопределённостью» [10].

Третий фактор: отсутствие обязательного прокурорского контроля. В отличие от прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ [5]), где закон предусматривает участие прокурора, законопроект № 1112019-7 не закрепляет обязательного прокурорского утверждения постановлений о прекращении дела в связи с уголовным проступком. Это снижает уровень надзора за законностью и создаёт риск принятия незаконных решений на следственном уровне. Данный фактор квалифицируется как «отсутствие или неполнота административных процедур» [10].

Четвёртый фактор: неоднозначность исчисления годичного барьера повторного применения. Законопроект устанавливает запрет на применение уголовного проступка, если лицо «освобождалось от уголовной ответственности за уголовный проступок в течение одного года», но не указывает, с какого момента исчисляется этот год — с момента совершения предыдущего деяния, с момента вынесения постановления или с момента его вступления в законную силу. Данная неопределённость влечёт разночтения в правоприменительной практике и подпадает под признак «юридико-лингвистической неопределённости» по Методике [10].

5. Предложения по устранению выявленных коррупциогенных факторов

На основании проведённой экспертизы автор формулирует следующие предложения по доработке текста законопроекта № 1112019-7.

Применительно к первому фактору предлагается закрепить в тексте законопроекта исчерпывающий перечень данных, характеризующих личность виновного, подлежащих обязательному учёту: наличие или отсутствие административных взысканий за последние три года; сведения о занятости; отношение к содеянному, включая явку с повинной или содействие раскрытию преступления; наличие иждивенцев. Иные сведения могут учитываться лишь в пользу применения уголовного проступка, но не против него.

Применительно ко второму фактору предлагается конкретизировать допустимые формы «иного заглаживания вреда» со ссылкой на статьи 15 и 1064 Гражданского кодекса РФ [2; 3] о составе убытков и обязательствах из причинения вреда. Факт заглаживания должен удостоверяться либо нотариально, либо в судебном заседании с участием потерпевшего.

Применительно к третьему фактору предлагается предусмотреть обязательное согласие прокурора на прекращение уголовного дела по основаниям уголовного проступка по аналогии с механизмом, установленным ст. 25 УПК РФ [5] для прекращения в связи с примирением сторон, а также ввести обязательную ежегодную статистическую отчётность о числе прекращённых дел для мониторинга практики.

Применительно к четвёртому фактору предлагается закрепить, что годичный срок исчисляется со дня вступления в законную силу судебного постановления о прекращении уголовного дела по основаниям уголовного проступка, что соответствует общим принципам исчисления процессуальных сроков в российском праве.

Заключение

Законопроект № 1112019-7 о введении понятия уголовного проступка представлял собой важный, давно назревший шаг в гуманизации российского уголовного права. Его принятие в первом чтении в мае 2023 года свидетельствовало о признании законодателем актуальности данной инициативы. Вместе с тем последующее отклонение законопроекта обнажило нерешённость ряда нормативных проблем. Проведённая авторская антикоррупционная экспертиза выявила четыре коррупциогенных фактора,

которые, по всей видимости, стали одним из оснований для отклонения: неопределённость перечня данных о личности; расплывчатость критериев заглаживания вреда; отсутствие прокурорского контроля; неоднозначность исчисления годичного барьера повторного применения. Устранение этих дефектов посредством предложенных нормативных поправок является необходимым условием подготовки новой редакции законопроекта, обеспечивающим её соответствие принципу правовой определённости и стандартам антикоррупционного законодательства. Повторное внесение доработанного законопроекта позволило бы ежегодно освобождать от судимости около 30 000 человек, снизить нагрузку на уголовную юстицию и создать действенный механизм возмещения ущерба потерпевшим.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.: (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2020. – № 31. – Ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ: (ред. от 25.03.2026) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: федер. закон от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ: (ред. от 16.12.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: (ред. от 20.02.2026) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ: (ред. от 20.02.2026) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
6. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: федер. закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ: (ред. от 30.09.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2009. – № 29. – Ст. 3609.
7. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2011. – № 11. – Ст. 1495.
8. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: федер. закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2016. – № 27 (ч. II). – Ст. 4256.
9. О пробации в Российской Федерации: федер. закон от 6 февр. 2023 г. № 10-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2023. – № 6. – Ст. 887.
10. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: постановление Правительства Рос. Федерации от 26 февр. 2010 г. № 96: (ред. от 20.04.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2010. – № 10. – Ст. 1084.
11. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка: проект федер. закона № 1112019-7 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1112019-7>
12. Минимальные стандартные правила Организации Объединённых Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила): приняты резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН от 14 дек. 1990 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/tokyo_rules.shtml
13. Минимальные стандартные правила Организации Объединённых Наций в отношении обращения с заключёнными (Правила Нельсона Манделы): приняты резолюцией 70/175 Генеральной

Ассамблеи ООН от 17 дек. 2015 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/mandela_rules.shtml

14. Алференок Е. А. Гуманизация уголовного законодательства России: уголовный проступок / Е. А. Алференок, А. В. Маргитич // Вестник экономической безопасности. – 2021. – № 4. – С. 102–106.

15. Иванов Н. Г. Уголовный проступок в рамках Российского УК / Н. Г. Иванов // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – Т. 13, № 6. – С. 88–92.

Дорошенко П.В.

магистрант

ЧОУ ВО «Московский университет имени С.Ю. Витте»

Doroshenko P.V.

Master's Student

Moscow University named after S. Yu. Witte

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПРАВОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются современные подходы к правовому регулированию отношений в сфере государственной охраны объектов культурного наследия. Анализируются особенности правового режима таких объектов, принципы их государственной охраны, а также проблемы правоприменительной практики. Особое внимание уделено вопросам соотношения публичных и частных интересов, системности правового регулирования и совершенствования действующего законодательства.

Ключевые слова: объекты культурного наследия, государственная охрана, правовое регулирование, охранное обязательство, правоприменительная практика, публичный интерес

MODERN APPROACHES TO LEGAL REGULATION OF RELATIONS IN THE FIELD OF STATE PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE OBJECTS

Abstract. The article examines modern approaches to the legal regulation of relations in the field of state protection of cultural heritage objects. The features of the legal regime of such objects, the principles of their state protection, as well as problems of law enforcement practice are analyzed. Special attention is paid to the correlation of public and private interests, the system of legal regulation and improvement of current legislation.

Keywords: cultural heritage objects, state protection, legal regulation, protection obligation, law enforcement practice, public interest

Правовое регулирование в данной сфере носит комплексный характер и включает нормы различных отраслей права. Вместе с тем центральное место занимает Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [1], который определяет правовые основы сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия. Указанный нормативный акт закрепляет систему государственной охраны объектов культурного наследия, устанавливает полномочия органов государственной власти различных уровней, а также определяет правовой режим использования таких объектов. В частности, закон регулирует порядок включения объектов в единый государственный реестр, устанавливает требования к их содержанию и определяет меры ответственности за нарушение законодательства. Особое значение имеют положения закона, направленные на обеспечение сохранности объектов культурного наследия. В соответствии с ним государственная охрана реализуется через систему мер, включающую выявление объектов, их учет, установление охранных обязательств и осуществление государственного контроля.

Особенности правового регулирования в сфере охраны объектов культурного наследия во многом обусловлены двойственной природой таких объектов. С одной стороны, они выступают как элементы имущественного оборота, с другой – представляют собой общественную ценность, неразрывно

связанную с историей и культурой государства [2]. Это обстоятельство предопределяет наличие специальных ограничений, выходящих за рамки классических гражданско-правовых конструкций. В отличие от обычных объектов недвижимости, режим использования объектов культурного наследия предполагает приоритет сохранения их исторической аутентичности перед экономической выгодой.

На практике данное положение нередко становится источником правовых конфликтов. Собственники объектов сталкиваются с необходимостью соблюдать жесткие требования, связанные с проведением ремонтных, реставрационных и иных работ. При этом границы допустимого вмешательства не всегда определены достаточно четко. В ряде случаев это приводит к ситуациям, когда даже незначительные изменения рассматриваются как нарушение режима охраны. В подобных условиях возрастает значение правоприменительной практики, позволяющей конкретизировать содержание правовых норм.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о разграничении полномочий органов государственной власти в рассматриваемой сфере. Система охраны объектов культурного наследия в Российской Федерации построена по многоуровневому принципу, включающему федеральный, региональный и муниципальный уровни. Каждый из них наделен определенными полномочиями, связанными с выявлением, учетом, сохранением и использованием объектов [6]. Однако на практике взаимодействие между различными уровнями власти не всегда носит согласованный характер. Это выражается в дублировании функций, затягивании процедур согласования и возникновении административных барьеров.

В научной литературе неоднократно подчеркивается, что подобная ситуация требует повышения координации деятельности органов публичной власти. Отсутствие четкого распределения компетенции снижает эффективность государственного контроля и затрудняет реализацию охранных мероприятий. В этой связи представляется целесообразным развитие механизмов межведомственного взаимодействия и унификация административных процедур.

Существенным элементом правового регулирования является установление ответственности за нарушение законодательства об охране объектов культурного наследия. Действующие нормы предусматривают административную и гражданско-правовую ответственность, а в отдельных случаях – уголовную. Вместе с тем эффективность данных мер во многом зависит от их практического применения. Наличие формально закрепленных санкций не всегда гарантирует достижение охранных целей, если отсутствует должный уровень контроля и выявления нарушений [4].

Особую роль играет судебная практика, которая формирует подходы к оценке действий правообладателей и органов государственной власти. Анализ судебных решений показывает, что суды, как правило, занимают позицию, ориентированную на максимальную защиту объектов культурного наследия. Это проявляется в строгой оценке соблюдения охранных обязательств и в поддержке требований органов охраны при наличии угрозы сохранности объекта [6]. Вместе с тем в отдельных случаях суды учитывают необходимость соблюдения баланса интересов, особенно когда речь идет о значительных финансовых затратах, возлагаемых на собственника.

Проблема соразмерности обязанностей приобретает особую актуальность в условиях, когда значительная часть объектов культурного наследия находится в неудовлетворительном состоянии. Их восстановление требует значительных финансовых ресурсов, которые не всегда доступны правообладателям. В результате возникает ситуация, при которой формально установленные обязанности оказываются трудноисполнимыми. Это снижает эффективность правового регулирования и требует поиска новых подходов.

Одним из возможных направлений развития является расширение мер государственной поддержки. Речь может идти о предоставлении субсидий на проведение реставрационных работ,

налоговых преференциях, а также участии государства в финансировании сохранения наиболее значимых объектов. Подобные меры позволяют снизить нагрузку на собственников и создать условия для более эффективного исполнения охранных обязательств.

Наряду с этим следует учитывать, что современное правовое регулирование должно учитывать изменения, происходящие в городской среде. Активное развитие инфраструктуры, увеличение плотности застройки и рост инвестиционной активности требуют поиска компромиссных решений. В этой связи особое значение приобретает интеграция объектов культурного наследия в современное городское пространство без утраты их исторической ценности.

В последние годы в научных исследованиях все чаще поднимается вопрос о необходимости перехода от преимущественно запретительной модели регулирования к более гибкой системе, сочетающей ограничения и стимулирующие механизмы [5]. Такой подход позволяет не только предотвращать разрушение объектов, но и создавать условия для их эффективного использования. При грамотной правовой регламентации объекты культурного наследия могут становиться элементами экономического развития, туристической инфраструктуры и культурной политики.

Важным направлением совершенствования является развитие цифровых технологий в сфере охраны культурного наследия. Создание электронных реестров, внедрение систем мониторинга состояния объектов и использование информационных платформ для согласования работ позволяют повысить прозрачность и оперативность управленческих решений. Кроме того, цифровизация способствует снижению административных барьеров и упрощает взаимодействие между государством и правообладателями.

Отдельно следует отметить необходимость повышения качества нормативного регулирования. Несмотря на наличие значительного количества правовых актов, регулирующих данную сферу, сохраняется проблема их фрагментарности и недостаточной согласованности. Это приводит к сложностям в правоприменении и снижает предсказуемость правовых последствий. Устранение указанных недостатков возможно путем систематизации законодательства и разработки единых подходов к регулированию.

Современные подходы к правовому регулированию в сфере государственной охраны объектов культурного наследия формируются под влиянием как внутренних, так и внешних факторов. С одной стороны, это необходимость сохранения историко-культурного наследия, с другой – требования социально-экономического развития. Успешное решение данной задачи возможно только при условии комплексного подхода, учитывающего интересы всех участников правоотношений [3].

В заключение следует подчеркнуть, что развитие правового регулирования в данной сфере не может ограничиваться лишь усилением контрольных и запретительных мер. На первый план выходит задача выстраивания гибкой и сбалансированной системы, в которой интересы государства, направленные на сохранение культурного наследия, органично сочетаются с правами и законными интересами правообладателей. Подобное соотношение предполагает не только наличие формальных норм, но и их реальную применимость в конкретных жизненных ситуациях, что особенно важно в условиях разнообразия форм собственности и способов использования объектов культурной ценности.

Повышение эффективности законодательства требует его адаптации к современным условиям, включая цифровизацию, изменение экономических моделей и развитие частно-государственного партнерства. Существенное значение приобретает и единообразие правоприменительной практики, поскольку именно на этом уровне выявляются пробелы и противоречия правового регулирования. Практика должна не просто следовать нормам, но и формировать устойчивые подходы к их толкованию, обеспечивая предсказуемость и правовую определенность для всех участников соответствующих отношений.

Отдельного внимания заслуживает развитие механизмов государственной и негосударственной поддержки, включая финансовые, организационные и информационные инструменты. Их расширение позволяет не только стимулировать сохранение объектов культурного наследия, но и вовлекать в этот процесс более широкий круг субъектов, включая частных собственников и общественные организации. В результате формируется более устойчивая модель взаимодействия, основанная на заинтересованности, а не исключительно на обязанности. Речь в данном контексте идет о переходе от фрагментарного подхода к комплексной системе, в рамках которой охрана культурного наследия рассматривается как стратегическое направление общественного развития. Такая система должна обеспечивать не только физическую сохранность объектов, но и их интеграцию в современную социально-экономическую среду, что позволяет рассматривать культурное наследие не как обременение, а как значимый ресурс, способный оказывать влияние на развитие территорий, формирование идентичности и повышение качества жизни общества.

Литература:

1. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 15.10.2025) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru>
2. Асриянц, К. Г. Сохранение объектов культурного наследия Российской Федерации: проблемы и решения / К. Г. Асриянц, З. Л. Бакарова // Региональная и отраслевая экономика. – 2024. – № 5. – С. 111-116.
3. Барулина, Ю. Н. Сохранение объектов культурного наследия: перспективные подходы регулирования / Ю. Н. Барулина // Экономика строительства. – 2025. – № 6. – С. 541-544.
4. Бердюгина, Ю. М. К вопросу о правовом регулировании предмета охраны объекта культурного наследия / Ю. М. Бердюгина // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2024. – № 2. – С. 78-81.
5. Картухин, В. Ю. Вопросы системности правового регулирования объектов культурного наследия / В. Ю. Картухин // Российская юстиция. – 2023. – № 10. – С. 66-72.
6. Тихомирова, И. П. Актуальные проблемы государственной охраны объектов культурного наследия Российской Федерации / И. П. Тихомирова // Научные исследования 2023: сборник статей IX Международной научно-практической конференции. В 2 частях, Пенза, 10 декабря 2023 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2023. – С. 128-131.

Морозова В.Е.

магистрант

Восточно-Сибирский филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева» (г. Иркутск)

научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедры гражданского, административного и уголовного судопроизводства
Восточно-Сибирский филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева» (г. Иркутск)

В.В. Джура

Morozova V.E.

Master's Student

East Siberian Branch of the V. M. Lebedev Russian State University of Justice
scientific director – Candidate of Law, Associate Professor,
Head of the Department of Civil, Administrative, and Criminal Procedure
East Siberian Branch of the V. M. Lebedev Russian State University of Justice
V.V. Dzhura

К ВОПРОСУ О ТОЛКОВАНИИ ДОГОВОРА СУДОМ

Аннотация. В предложенной статье рассматриваются причины для возникновения необходимости в толковании договоров в судебном порядке; приведены действительные методы толкования, закреплённые законодательно и используемые на практике в судах.

Ключевые слова: неопределённость договорного условия, толкование договора, буквальное толкование, толкование по смыслу, воля сторон.

ON THE ISSUE OF THE INTERPRETATION OF THE CONTRACT BY THE COURT

Abstract. The proposed article examines the reasons for the need to interpret contracts in judicial proceedings; it presents the actual methods of interpretation established by law and used in practice in courts.

Keywords: uncertainty of a contractual term, interpretation of the contract, literal interpretation, interpretation according to meaning, will of the parties.

По своей правовой природе договоры являются результатом выраженной воле и надлежаще оформленной воли участников договора, единством воли и волеизъявления сторон договора, регулятором правовых последствий, средством удовлетворения материальных и духовных потребностей, законных интересов участников сделки, их целей, задач, желаний и устремлений, а также действиями, направленными на возникновение, трансформацию и прекращение гражданских прав и обязанностей.

Условием для возникновения необходимости в толковании является недостаточная ясность, неполнота или практическая неисполнимость содержания условий договора. На практике, данные условия, при невозможности сторон договориться друг с другом.

В современной действительности для появления вопросов при толковании договора объективной предпосылкой также выступает то, что при заключении договоров используется язык, в котором слова и словосочетания могут иметь несколько значений в силу синонимичности языка.

В практике судов стран общего права, в частности в английском и американском праве было сформировано понятие неопределенности договорного условия, которое охватывает случаи, требующие обращения суда к толкованию договора. Разновидностями неопределенности являются неопределенность очевидная и скрытая. Если непосредственно из текста договора невозможно однозначно понять его содержание - это является признаком очевидной неопределенности, в том случае, когда текст договора противоречит другим условиям или фактическим обстоятельствам это признак скрытой неопределенности. Таким образом, при попытках выполнения условий договора стороной договора, условие, при заключении договора представляющееся сторонам однозначным, может иметь скрытую неопределенность. Причиной возникновения неопределенности является не только объективные характеристики языка, но и неверное уяснение смысла волеизъявления сторон.

Толкование договоров, представляемых в судебных процессах сторонами, является основной из функций суда для правильного и своевременного рассмотрения дел. На практике и в доктрине, несмотря на законодательное закрепление и разъяснение Верховного суда РФ, складывается неоднозначное мнение относительно подходов и способов толкования договоров судами. Стоит упомянуть, что поскольку, сам по себе договор - это явление правовой действительности, которое влечет возникновение определенных юридических последствий - толкование договора часто сопутствует толкованию норм права. При осуществлении правоприменительной деятельности объектами толкования могут стать помимо текста договора фактические обстоятельства, предшествующие заключению договору и следующее после поведения сторон (устная договоренность, конклюдентные действия). Таким образом, развитие и расширение в законодательстве способов толкования, а также развитие практики является актуальной задачей для отечественного правоприменения.

В законодательстве толкованию договоров посвящена статья 431 Гражданского кодекса РФ¹, анализируя положения которой можно сделать выводы, что:

1. При толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений.
2. Буквальное значение условия договора в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом.

При этом в статье, также даётся уточнение на тот случай, если приведённые в пункте 1 положения не позволят определить содержание договора – тогда должна быть выяснена действительная общая воля сторон с учетом цели договора. При этом принимаются во внимание все соответствующие обстоятельства, включая предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон, обычаи, последующее поведение сторон.

В российской судебной практике распространённым является именно способ толкования. В этом случае "дух" и "буква" закона совпадают, т. е. совпадают текстуальное выражение и действительный смысл правовой нормы². Этот метод, дает самые предсказуемые результаты, поэтому на него удобнее ориентироваться и сторонам при составлении договора, и третьим лицам при оценке его условий. Суд

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ ред. от 23.03.2026, с изм. от 31.03.2026), Текст: электронный. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570

² Братановский, Сергей Николаевич. Теория государства и права. Ч. 2: учебник / С.Н. Братановский. — Москва: РУСАЙНС, 2023 — 234 с. — Текст: электронный // (дата обращения: 23.03.2026).

принимает во внимание буквальное значение слов и выражений, которые содержатся в тексте конкретного условия договора. При необходимости он опирается на словарные и общепринятые, в том числе в деловом обороте, значения

То есть законодательство, поддерживая принцип толкования договора в пользу его действительности, провозглашает преимущество буквального толкования договора над субъективным. Тем не менее, сочетание этих двух подходов даёт лучший результат.

Однако для всестороннего и справедливого разрешения возникших споров, суд обязан применять единую методологию, сочетая оба подхода. Это обеспечивает целостность и взаимосвязанность всех условий, заложенных в договоре. Например, при анализе условий договора суд может использовать как буквальное толкование, так и учитывать общепринятые принципы, такие как добросовестность и разумность. Тем самым, необходимо стремиться к гармонии между изначальными намерениями сторон и тем смыслом, который они могут получить на основании текста договора.

Кроме того, должны учитываться и широкие контексты — социальные, экономические и правовые условия, в которых происходит исполнение договора. Например, в случае, если договор предполагает быструю передачу определенного имущества, суды могут интерпретировать его условия с учетом специфик рынков и обычаев, действующих в данной области. Особое внимание также уделяется обстоятельствам, которые могут повлиять на реализацию договорных обязательств.

Общий подход к толкованию требует также учитывать, что каждый конкретный случай нуждается в индивидуальном рассмотрении с акцентом на дело как на целостное явление. Таким образом, суд должен быть готов к более детальному анализу, нежели просто следование букве закона. В некоторых случаях могут возникать противоречия между формулировками договора и истинными намерениями сторон, что подчеркивает необходимость системного подхода к толкованию

Далее, необходимо отметить, что аппарат термина и понятия, который используется в договорах, также может быть своеобразным «зеркалом» воли сторон. Поэтому при наличии двусмысленности суду следует стремиться к первоначальному смыслу и контексту использования терминов, что требует наличия устойчивой практики и четкого понимания условий, как со стороны правозащитников, так и со стороны контрагентов. Более того, суды вправе уточнять и разъяснять неясные моменты, чтобы обеспечить максимальную защищенность интересов сторон.

Судебная практика выполняет важную функцию в системе правоприменения, особенно в контексте толкования договоров. Одним из центральных аспектов этого процесса является необходимость обеспечения единообразия и предсказуемости решений в спорах, связанных с договорами. Пленум Верховного Суда РФ, через свое постановление, затрагивает ключевые моменты, касающиеся правил и методов толкования гражданско-правовых договоров. В частности, постановление № 49 от 25 декабря 2018 года³ предоставило судам значительные инструменты для решения вопросов, касающихся неопределенных условий и других судебных споров, что отражает актуальные потребности нормативного регулирования в этой области.

Отсутствие единого подхода к толкованию может привести к правовой неопределенности. Некоторые суды склонны придерживаться формального подхода, опираясь исключительно на буквальное понимание текста условий договора, что иногда позволяет игнорировать имманентную волю и цели сторон. Верховный Суд в своем Постановлении напоминает о значимости не только буквального, но и логического толкования, переадаптируя таким образом свое внимание на необходимость глубокого

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 49 "О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора" Текст: электронный. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314779/

анализа действительной воли сторон. Это делает акцент на том, что фактические обстоятельства, предшествующие заключению договора, играют важную роль в определении его условий.

Таким образом, толкование является важным инструментом, создающим правоприменительную практику и позволяющим судам интерпретировать и анализировать нормы закона в конкретных условиях, при этом сложность полной и правильной интерпретации условий договора требует большего внимания со стороны не только судов, но и сторон, участвующих в заключении договоров. Актуальность разъяснений и разработок в этой области остается высокой, особенно в условиях современных правовых реалий, где фокусируется внимание на защите прав сторон и стремлении к стабильности и предсказуемости правопорядка. Разработка единых подходов и четких рекомендаций по толкованию условий договоров, безусловно, окажет положительное влияние на судебную практику и защиту интересов граждан и юридических лиц.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ ред. от 23.03.2026, с изм. от 31.03.2026), Текст: электронный. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 49 "О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора". Текст: электронный. -URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314779/

3. Братановский, Сергей Николаевич. Теория государства и права. Ч. 2: учебник / С.Н. Братановский. — Москва: РУСАЙНС, 2023 — 234 с. — Текст: электронный // (дата обращения: 23.03.2026).

Холходжаева З.К.

магистр

Институт управления экономики и финансов
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

e-mail: kholkhodzhayeva@bk.ru

Хайруллина А.Д.

кандидат экономических наук,

доцент кафедры проектного менеджмента и оценки бизнеса

Институт управления экономики и финансов
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

e-mail: halbi@mail.ru

Kholkhodzhayeva Z.K.

Master's degree

Institute of Management of Economics and Finance

Kazan Federal University

Khairullina A.D.

Candidate of Economic Sciences,

Associate Professor of the Department of Project Management and Business Evaluation

Institute of Management of Economics and Finance

Kazan Federal University

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННЫМИ РИСКАМИ ПРЕДПРИЯТИЯ

Аннотация. В статье анализируются основные инвестиционные риски 2025 года (кибератаки, СВАМ, санкции, энергетическая независимость) и современные методы управления. Были изучены тренды: искусственный интеллект и прогнозный анализ, интеграция ESG-факторов и квантовое моделирование.

Ключевые слова: инвестиционные риски, ИИ, ESG, СВАМ, предиктивная аналитика, Металлоинвест.

CURRENT TRENDS IN ENTERPRISE INVESTMENT RISK MANAGEMENT

Abstract. The article analyzes the main investment risks of 2025 (cyber attacks, CBAM, sanctions, energy independence) and modern management methods. Trends were studied: artificial intelligence and predictive analysis, integration of ESG factors and quantum modeling.

Keywords: investment risks, AI, ESG, CBAM, predictive analytics, Metalloinvest.

Введение

К 2025 году управление инвестиционными рисками превратилось из второстепенной задачи в ключевой фактор создания стоимости для компаний. По оценкам Всемирного экономического форума, глобальные риски, такие как кибератаки и борьба с изменением климата (СВАМ), впервые за полтора десятилетия стали настолько значительными, что крупные промышленные компании могут потерять от 19% до 35% своей рыночной капитализации в результате одного серьезного инцидента [1, 2].

В российской научной литературе (например, А. Казимагомедова, Е. А. Рамазанова и др.) Подчеркивается, что традиционные методы — ежеквартальные отчеты Excel и ручной расчет VaR — больше не могут справиться с нестабильностью 2024-2025 годов: рост цен на энергоносители на 35-45%, девальвация рубля, задержки поставок и новые налоги на выбросы углекислого газа [3, 4]. Однако практический опыт перехода крупных российских компаний на системы прогнозирования, основанные на искусственном интеллекте и автоматическом хеджировании, остается малоизученным.

Цель этой статьи - показать, какие инструменты и подходы действительно работают на данный момент, и предоставить готовые рекомендации, которые могут быть внедрены уже в 2026 году.

Теоретический анализ

В 2025 году инвестиционные риски вышли на новый уровень сложности: геополитика, климатические условия, резкие скачки цен на энергоносители и сырьевые товары, кибератаки и стремительный переход к искусственному интеллекту. Компании, которые три года назад полагались только на диверсификацию и простую модель VaR, теперь ежеквартально теряют десятки процентов своего капитала.

В таблице 1 представлена оценка рисков, основанная на вероятности и возможной сумме потерь, а также реальные примеры каждого риска в период с 2024 по 2025 год [1, 2].

Таблица 1. Топ-8 основных инвестиционных рисков компаний в 2025 году

Риск	Вероятность	Потенциальные потери за 5 лет	Пример 2024–2025
1.Кибератаки и утечки данных	Очень высокая	до 35 % капитализации	Атака на «Россети» (июнь 2025)
2.Климатические регуляции (СВАМ, ETS)	Высокая	15–25 % стоимости активов	Штрафы европейским металлургам
3.Геополитические санкции	Высокая	до 40 % выручки	Блокировка экспорта удобрений
4.Волатильность энергоносителей	Высокая	20–30 % маржи	Скачок газа осенью 2024
5.Дефицит микрочипов и редких металлов	Средняя	задержка проектов 12–18 мес	Остановка заводов в Китае 2025
6.Колебания валют развивающихся рынков	Высокая	10–25 % стоимости проектов	Девальвация турецкой лиры 2025
7.Репутационные (ESG-скандалы)	Средняя	падение акций 15–50 %	Скандал Shein с трудом в 2024
8.Технологический риск (устаревание)	Средняя	обесценивание активов 30–70 %	Kodak 2.0 в промышленности

Анализ представленных в таблице 1 данных показывает, что в 2025 году структура инвестиционных рисков кардинально изменится. Впервые за последние 15 лет киберриски и регуляторные климатические риски (СВАМ и аналогичные механизмы), а не рыночные или кредитные риски, заняли две первые позиции. Общий потенциальный ущерб от первых четырех рисков может превысить 100% годовой прибыли компании. Это требует полного пересмотра приоритетов в системах управления рисками и перераспределения ресурсов для защиты от незастрахованных и труднопрогнозируемых угроз.

Архитектура современной платформы управления рисками ИИ в 2025 году представлена на рисунке 1.

Рисунок.1. Архитектура современной платформы управления рисками ИИ в 2025 году

Представленная на рисунке 1 архитектура иллюстрирует переход от реактивных методов (VaR, стресс-тестирование на основе исторических данных) к системам проактивного прогнозирования, которые могут обнаруживать слабые сигналы за 3-9 месяцев до реализации риска. Фактические продажи в 2024-2025 годах («Норильский никель» [11], «Северсталь» [12], Сбербанк [13]) показали снижение фактических потерь на 25-42% и сокращение времени реагирования с недель до нескольких часов.

Таким образом, использование искусственного интеллекта и альтернативных данных становится необходимым условием для поддержания конкурентоспособности в условиях высокой турбулентности.

Эмпирический анализ

В качестве практического примера рассмотрим акционерное общество «Металлоинвест Холдинг» (АО ХК «Металлоинвест», ИНН 7705392230, Москва, Рублевское шоссе, 28), одного из крупнейших российских производителей железной руды и стали, контролируемого USM Holdings (Алишер Усманов) [14]. В 2024-2026 годах компания реализует инвестиционную программу объемом более 50 млрд рублей [6], включающую инвестиции в производственные и ESG-проекты: строительство и модернизацию прокатных станов (около 12 млрд рублей), реконструкцию доменных печей с переходом на низкоуглеродные технологии (18 млрд рублей), цифровизацию и закупку оборудования. оборудование из дружественных стран. Страны (Китай, Турция - 8 млрд рублей).

До 2024 года система управления инвестиционными рисками была традиционной: ежеквартальные отчеты в Excel, ручной расчет VaR, хеджирование осуществлялось эпизодически и только по инициативе Министерства финансов [6]. В 2023-2024 годах компания понесла серьезные убытки: рост цен на кокс и электроэнергию на 35-45%, девальвация рубля на 28%, отсрочка поставок оборудования из Китая на 11 месяцев и первые счета за европейский налог на выбросы углерода (СВАМ).

В 2024-2025 годах система управления рисками была полностью модернизирована. При этом были реализованы важные шаги:

— февраль-июнь 2024 г.: Внедрение единой панели мониторинга рисков на базе Power BI с интеграцией с 1С ERP [6];

- июль-октябрь 2024 г.: Подключение внешних источников данных в режиме реального времени (новости API, цены на Московской бирже, спутниковый мониторинг запасов руды) [6];
- ноябрь 2024 - март 2025: Запуск автоматического хеджирования с использованием скриптов Python и API Московской биржи (фьючерсы на никель, уголь и валюту) [6, 12];
- апрель-декабрь 2025: - Запуск собственной модели прогнозирования на платформе Yandex-Dataspere [6, 10].

Общая стоимость всего проекта составила всего 130 млн рублей, что составляет менее 0,3% от инвестиционной программы [6].

Сравнение эффективности системы управления инвестиционными рисками в АО ХК «Металлоинвест» до и после модернизации (2023-2025 гг.) представлено в таблице 2.

Таблица 2. Сравнение эффективности системы управления инвестиционными рисками в АО ХК «Металлоинвест» до и после модернизации (2023-2025 гг.).

Показатель	2023–2024 (старая система)	2025 (новая система)	Изменение
Value at Risk 95 % (возможные годовые потери)	2,8 млрд руб.	0,9 млрд руб.	–68 %
Среднее время реакции на новый риск	21 день	4 часа	в 126 раз быстрее
Доля автоматически захеджированных контрактов	12 %	89 %	+77 п.п.
Фактические потери от валютных и сырьевых колебаний	–1,58 млрд руб.	–0,19 млрд руб.	экономия 1,39 млрд руб.
Общая доходность инвестиционного портфеля	6,8 % годовых	14,2 % годовых	+109 %

Представленная в таблице 2 модернизация системы управления инвестиционными рисками «Металлоинвест» показала отличные результаты: возможные потери сократились почти втрое, время реагирования на угрозы сократилось в 126 раз, а доходность инвестиционного портфеля выросла более чем вдвое. Затраты на внедрение современных технологий были полностью окуплены за 4 месяца благодаря предотвращенным потерям.

Опыт «Металлоинвест» подтверждает, что переход от ручного управления рисками к автоматизированной системе прогнозирования на основе искусственного интеллекта в 2025 году не только желателен, но и является необходимым условием для поддержания конкурентоспособности и финансовой стабильности российских промышленных предприятий.

Результаты исследований

На основе анализа текущих тенденций и успешного бизнеса «Металлоинвест» предлагаются семь практических рекомендаций. Каждая из них уже апробирована на российских и международных предприятиях и дает ощутимый эффект в первый год внедрения [6].

1. Создать единую информационную панель рисков, которая обновляется в режиме реального времени (по крайней мере, каждые 15-30 минут).
2. Назначить директора по рискам, который будет подчиняться непосредственно генеральному директору и входить в состав Совета директоров.
3. Внедрить автоматическую защиту от внезапного срабатывания затвора.

4. Ежеквартально проводить «красные игры» (учения красной команды) — полную имитацию краха одного из основных рисков.

5. Интегрировать показатели ESG и управления рисками в систему мотивации и ключевые показатели эффективности для руководителей и членов совета директоров (ежегодные бонусы в размере не менее 20-30%).

6. Раз в год проводить независимый аудит всей системы управления рисками и математических моделей внешними экспертами («Большая четверка», Quantum Factory, «Сколково» или иностранные компании из дружественных юрисдикций).

7. Создание Постоянного комитета Совета директоров по инвестиционным рискам (заседания проводятся не реже одного раза в месяц).

Выполнение хотя бы пяти-шести из этих семи рекомендаций в 2026 году позволит российской промышленной компании сократить инвестиционные потери в 2,5-4 раза и увеличить рентабельность инвестиций на 7-15 процентных пунктов даже в условиях высокой турбулентности в 2025-2027 годах.

Заключение

2025 год окончательно разделил бизнес на два типа: те, кто продолжает управлять своими инвестиционными рисками по старинке (ежеквартально в Excel, рассчитывая переменные вручную, без прогнозных моделей), и те, кто уже использует непрерывное автоматизированное управление рисками на основе искусственного интеллекта, альтернативных данных и т.д., основанными на автоматической защите и глубокой интеграции факторов окружающей среды.

Анализ текущих тенденций и практический пример металлургической компании «Металлоинвест» убедительно показали:

Структура инвестиционных рисков кардинально изменилась: кибератаки, климатическое регулирование (CBAM), геополитические санкции и энергетическая нестабильность. Игнорирование этих угроз уже привело к потере от 15% до 40% капитализации компаний, которые не смогли адаптироваться в период с 2024 по 2025 год.

Три основных технологических тренда 2024-2025 годов - прогнозный анализ на основе искусственного интеллекта и LLM, ESG как прямой финансовый фактор и моделирование с квантовым усилением - снижают возможные потери на 25-68% при одновременном увеличении доходности инвестиционного портфеля в 2 и более раза.

Рублей (менее 0,3% от инвестиционной программы) позволило «Металлоинвест» снизить VAR на 68%, ускорить реагирование на риски в 126 раз и увеличить доходность с 6,8% до 14,2% годовых. Проект окупился менее чем за 4 месяца.

Реализация семи предложенных рекомендаций (унифицированное управление рисками, назначение CRO, автоматическое хеджирование, «красные игры», привязка ESG к ключевым показателям эффективности высшего руководства, независимый аудит и комитет по управлению рисками в совете директоров) делает управление рисками реальным источником конкурентных преимуществ даже в условиях высокой турбулентности в период с 2025 по 2027 год. дополнительные преимущества. Прибыль колеблется от 7 до 15 процентных пунктов.

Таким образом, в современных условиях управление инвестиционными рисками перестает быть вспомогательной услугой и становится одним из основных факторов повышения стоимости компании. Компании, которые завершат переход на предсказуемые и автоматизированные системы уже в 2026 году, получают решающее преимущество в борьбе за капитал, рынки и долгосрочную устойчивость. Те, кто продолжает откладывать внесение изменений, рискуют потерять от 20 до 50% своей рыночной стоимости в течение следующих трех-пяти лет.

Литература:

1. World Economic Forum «Global Risks Report 2025» и PwC «Global Risk Survey 2025». [Электронный ресурс]. URL: https://reports.weforum.org/docs/WEF_Global_Risks_Report_2025.pdf (дата обращения: 17.11.2025).
2. PricewaterhouseCoopers (PwC). Global Compliance Survey 2025: Navigating Complexity and Opportunity. London: PwC, 2025. 56 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/issues/risk-regulation/pwc-global-compliance-study-2025.pdf> (дата обращения: 17.11.2025).
3. Казимагомедова З. А., Рамазанова Э. А. Методы управления финансовыми рисками предприятия в условиях нестабильной экономики. Журнал «Региональная и отраслевая экономика». 2024. № 67. С. 116–121. DOI: 10.47576/2949-1916.2024.67.66.015. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-upravleniya-finansovymi-riskami-predpriyatiya-v-usloviyah-nestabilnoy-ekonomiki> (дата обращения: 19.11.2025).
4. Research-journal.org. Архив статей 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://research-journal.org/archive/8-146-2024-august/10.60797/IRJ.2024.146.61> (дата обращения: 20.11.2025).
5. Stavrolit.ru. Кандидатская работа по рискам. [Электронный ресурс]. URL: <https://stavrolit.ru/kant/3357/3367/> (дата обращения: 21.11.2025).
6. АО «ХК «Металлоинвест». Годовой отчёт за 2024 год и отчёт об устойчивом развитии. Москва: Металлоинвест, 2025. 212 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.metalloinvest.com/investors/financial-results/> (дата обращения: 24.11.2025).
7. ПАО «ММК». Годовой отчёт за 2024 год. Магнитогорск: ММК, 2025. 188 с. [Электронный ресурс]. URL: https://mmk.ru/upload/iblock/c6e/heb8x96bayokjar0ofjf9do14qu9jkbk/1.1-Godovoy-otchet-PAO-MMK-za-2024-god-_dlya-raskrytiya_.pdf (дата обращения: 23.11.2025).
8. ПАО «Северсталь». Интегрированный годовой отчёт за 2024 год. Череповец: Северсталь, 2025. 312 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://severstal.com/eng/ir/indicators-reporting/social-reports/> (дата обращения: 22.11.2025).
9. ПАО Московская биржа. Отчёт о развитии срочного рынка за 2024 год. Москва: ПАО Московская биржа, 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.moex.com/n78255> (дата обращения: 23.11.2025).
10. Yandex Cloud. Кейсы клиентов: предиктивная аналитика и управление рисками в облачных средах (2024–2025). Москва: Яндекс, 2025 [Электронный ресурс]. URL: https://habr.com/ru/companies/yandex_cloud_and_infra/articles/941752/ (дата обращения: 23.11.2025).
11. Норникель. ИИ для климатических рисков 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://nornickel.ru/sustainability/climate-change/strategy/> (дата обращения: 24.11.2025).
12. Северсталь. Предиктивная аналитика 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://severstal.com/eng/ir/indicators-reporting/annual-reports/> (дата обращения: 24.11.2025).
13. Сбербанк. AI Journey 2024–2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sberbank.ru/ru/sbertv/aij> (дата обращения: 24.11.2025).
14. Официальный сайт АО ХК «Металлоинвест». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.metalloinvest.com/> (дата обращения: 24.11.2025).

Жукенева С.А.

студент

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»
научный руководитель – старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

О.В. Пурахина

e-mail: kseniya-pov@mail.ru

Zhukeneva S.A.

Student

Saratov State Law Academy
scientific director – Senior Lecturer

Saratov State Law Academy

O.V. Purakhina

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ОБЯЗАННОСТЕЙ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. В статье проводится анализ правовых основ обеспечения безопасности обучающихся в учебных занятиях по дисциплинам «Физическая культура» и «Элективные дисциплины по физической культуре и спорту» в учреждениях высшего и среднего профессионального образования. Рассмотрены обязанности образовательных организаций и педагогического персонала по созданию безопасных условий учебной деятельности; порядок допуска обучающихся к занятиям с учетом состояния здоровья; регламентация локальных нормативных актов и документирование проведения инструктажей; вопросы юридической ответственности за причинение вреда здоровью. Методика исследования предусматривает этапный анализ федерального законодательства и типовых локальных актов с выделением этапов: выявление рисков, определение допустимых нагрузок, регламентация инструктажей и ведение документации; оценка правовых последствий и механизма возмещения вреда. Представлена практико-ориентированная модель правового комплаенса, ориентированная на профилактику травматизма и снижение рисков.

Ключевые слова: обучающиеся; физическая культура; безопасность образовательного процесса; охрана здоровья; правовое регулирование образовательной деятельности; образовательная организация; локальные нормативные акты; юридическая ответственность; травматизм.

ENSURING STUDENT SAFETY IN PHYSICAL EDUCATION CLASSES: LEGAL FRAMEWORK OF RESPONSIBILITIES AND LIABILITIES

Abstract. This article analyzes the legal framework for ensuring student safety in physical education and elective physical education and sports classes at institutions of higher and secondary vocational education. It examines the responsibilities of educational organizations and teaching staff in creating safe learning conditions; the procedure for admitting students to classes based on their health status; the regulation of local regulations and documentation of briefings; and legal liability for harm to health. The research methodology involves a step-by-step analysis of federal legislation and standard local regulations, identifying the following stages: risk identification, determination of permissible loads, regulation of briefings and documentation; and an assessment

of the legal consequences and compensation mechanisms. A practice-oriented model of legal compliance focused on injury prevention and risk reduction is presented.

Keywords: students; physical education; educational process safety; health protection; legal regulation of educational activities; educational organization; local regulations; legal liability; injuries.

Физическая культура в вузах и образовательных организациях среднего профессионального образования выступает обязательным компонентом учебного процесса и видом учебной деятельности с повышенным риском травматизма: риск определяется спецификой двигательной активности, условиями проведения занятий, индивидуальными характеристиками студентов. Обеспечение безопасности реализуется через последовательность процедур: выявление факторов риска, установление критериев допуска по состоянию здоровья, организация инструктажа, контроль технического состояния спортивного инвентаря, документирование инцидентов, оценка результативности мер. Правовая ответственность образовательной организации, выступающей субъектом образовательных отношений, регламентируется нормативными актами [1, с. 69].

Практика демонстрирует связь конфликтных ситуаций, возникающих после травм, с отсутствием регламентированных процедур допуска по состоянию здоровья, инструктажа, контроля исправности спортивного инвентаря, фиксации обстоятельств происшествия. Механизм возникновения конфликтов обусловлен неопределенностью статуса процедур, затруднениями установления фактических обстоятельств, усложнением определения правовой ответственности. Система обеспечения безопасности студентов на занятиях физической культурой включает совокупность правовых и организационных мер с обязательным документальным оформлением; документирование обеспечивает правовую верификацию фактов и регламентацию ответственности.

Систематизация правовых аспектов обеспечения безопасности студентов на занятиях по физической культуре осуществляется в условиях нормативно-правового регулирования и практик оценки рисков: проводится анализ нормативных требований; посредством поэтапного сопоставления нормативных предписаний и организационно-педагогических мер обеспечивается выработка рекомендаций по соблюдению правовых норм для образовательных организаций.

Задачи:

- нормативное обеспечение безопасности студентов в образовательной среде: выявление нормативных актов и регламентация процедур;
- разграничение ответственности образовательной организации, преподавателя и студента: установление зон ответственности; регламентация алгоритмов взаимодействия с целью реализации мер безопасности;
- идентификация ключевых документов с обоснованной нормативной значимостью;
- формулирование алгоритма профилактики травматизма с учетом нормативных требований: выявление рисков; описание последовательности превентивных мероприятий.

Методологическая основа исследования формируется следующими компонентами:

- нормативно-правовой анализ законодательства, регулирующего сферу образования, охраны здоровья и физической культуры [1, с. 70];
- анализ локального регулирования (типовые положения, инструкции по охране труда и технике безопасности в спортивных объектах) в качестве механизма детализации федеральных нормативных требований;
- обобщение подходов научной литературы, посвященной проблемам безопасности обучающихся и ответственности образовательных организаций [4, с. 4].

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» закрепляет обязанность образовательных организаций обеспечивать охрану жизни и здоровья обучающихся, создавать безопасные условия обучения: дисциплина «физическая культура» реализует данную обязанность через организацию учебных занятий, учитывающих требования безопасности, санитарные нормы и уровни допустимой нагрузки.

Законодательство о физической культуре и спорте формирует правовую основу, задающую общие рамки безопасной организации физкультурной деятельности и приоритет охраны здоровья граждан при занятиях физической культурой [2, с. 260].

Санитарные правила и гигиенические нормативы образуют самостоятельный сегмент регуляции образовательной среды: определяют параметры состояния спортивных залов и площадок, вентиляции, освещения, уборки, режима эксплуатации помещений и инвентаря; устанавливаются нормативными документами и реализуются через технические регламенты, графики обслуживания и инструкции по уборке; образовательная организация несет ответственность за соответствие инфраструктуры нормативным требованиям и документальное оформление контроля в виде актов осмотров и журналов учета.

Локальное нормотворчество обеспечивает конкретизацию федеральных нормативов: регламентирует порядок допуска к занятиям по состоянию здоровья, проведение инструктажа, правила поведения на спортивных объектах, алгоритмы действий при травмах; реализуется через принятие локальных нормативных актов, внедрение процедур допуска и регламентацию инструктажей; результат выражается в наличии регламентов и алгоритмов, применяемых в оперативной практике образовательного учреждения.

Отсутствие локальных нормативных актов образовательной организации усложняет документальное подтверждение мер предосторожности: в условиях отсутствия нормативного закрепления процедур, назначения ответственных лиц и регламентированных действий, сопоставление практики с нормативными требованиями ограничено, что снижает возможности официального подтверждения реализации мер.

1) Образовательная организация: юридическое лицо, осуществляющее образовательную деятельность.

Формирование безопасной образовательной среды возлагается на организацию: в процессе проведения занятий обеспечивается исправность оборудования; соответствие помещений нормативным требованиям; наличие инструкций и подготовленного персонала; управление рисками учебного процесса; в правовом плане обязанность реализуется через создание условий, минимизирующих вероятность причинения вреда студенту при соблюдении правил поведения всех участников.

2) Преподаватель (инструктор).

Реализация обязанности обеспечения безопасности осуществляется преподавателем в процессе занятия: инструкция, демонстрация техники выполнения, контроль дисциплины, дозирование нагрузки, учет противопоказаний, предотвращение опасных действий. Оценка действий преподавателя основывается на критериях должной осмотрительности и соблюдения методики безопасного обучения.

3. Соблюдение студентом правил внутреннего распорядка и требований локальных актов, выполнение указаний преподавателя и правил техники безопасности. Учет поведения студента применяется при установлении причинной связи и распределении ответственности: анализ последовательности действий, оценка вклада поведения в наступление вреда, сопоставление с нормативными требованиями; обязательность создания организацией безопасных условий сохраняется как самостоятельный элемент правовой оценки.

Таблица 1. Правовые требования к безопасности и подтверждающие документы

Правовое требование (содержание обязанности)	Документальное подтверждение в вузе/СПО
Создание безопасных условий обучения, охрана здоровья студентов	Локальные акты по безопасности; приказы о назначении ответственных; планы мероприятий; акты проверок
Проведение инструктажей и обучение безопасным приемам выполнения упражнений	Журнал инструктажа (первичный/повторный), ведомости ознакомления с правилами
Исправность инвентаря и безопасность спортобъекта	Журналы осмотра, акты технического состояния, заявки на ремонт, акты списания инвентаря
Учет ограничений по здоровью и индивидуализация нагрузки	Сведения о медицинской группе/допуске (в рамках установленного порядка), индивидуальные задания
Реагирование на травму и фиксация обстоятельств	Акт/служебная записка об инциденте, объяснения, запись в журнале, информация о первой помощи/обращении в медслужбу

Риск-ориентированная методология профилактики травматизма реализует поэтапный анализ каждого упражнения или элемента занятия: осуществляется выявление и классификация элемента; проводится качественная либо количественная оценка вероятности инцидента; производится оценка тяжести последствий; осуществляется интеграция показателей вероятности и тяжести для формирования итоговой градации риска. Последовательность иерархизированных операций обеспечивает сопоставимость и системность при ограниченных ресурсах; риск, в упрощенном виде, задается формулой:

$$R=P \times S$$

Модель P–S – оценочная схема риска:

P – вероятность травмы при данном упражнении с учетом подготовленности группы и условий;

S – тяжесть последствий, охватывающая диапазон от легкого ушиба до перелома/ЧМТ.

Методическое и юридическое применение модели выражается в обосновании регламентирующих мер: введение ограничений, установление дополнительных мер страхования и подстраховки, снижение высоты и скорости, уменьшение числа повторов, замена упражнения на альтернативное [3, с. 56].

Правовые последствия травмы на занятии рассматриваются как функция причин и соблюдения обязательных требований: при наличии нарушений протоколов или нормативов формируются основания для административной, гражданско-правовой или уголовной ответственности; при документальном подтверждении соблюдения требований объем юридических претензий снижается.

Возмещение вреда здоровью и компенсация морального вреда осуществляются при наличии правовых оснований:

- оценка ответственности опирается на доказательства; поэтапный анализ включает установление факта проведения инструктажа;

- сопоставление содержания упражнения и уровня подготовленности; проверку организации надзора;

- оценку технического состояния инвентаря;

- проверку соблюдения санитарных и организационных требований;

- подтверждающие сведения образуют правовую основу для возмещения и компенсации.

Применение дисциплинарной ответственности реализуется в отношении работников при нарушении должностных обязанностей:

- квалификация нарушений проводится поэтапно;

- установление факта несоблюдения инструкций;

- проверка наличия контроля;

- выявление случаев игнорирования противопоказаний; проверка достоверности оформления документации;

- подтверждение указанных фактов служебной проверкой влечет применение дисциплинарных мер в соответствии с внутренними регламентами.

Формирование административных рисков обусловлено выявлением нарушений обязательных требований, к которым относятся санитарные нормы, организационные регламенты, требования охраны труда и прочие; при систематическом характере нарушений осуществляется эскалация правового контроля; наличие угрозы жизни и здоровью студентов повышает вероятность применения административных санкций.

Юридическая защищенность образовательной организации определяется полнотой реализации мер безопасности и качеством их документирования:

- при неполноте мер и недостаточности документации возрастает правовая уязвимость;
- формальное и надлежащее оформление мер способствует снижению риска привлечения к ответственности.

Обеспечение безопасности учащихся в рамках занятий физической культурой определяется комплексом правовых обязанностей образовательной организации:

- создание условий, обеспечивающих безопасность;
- организация допуска и индивидуализация нагрузки;
- проведение инструктажей и осуществление постоянного надзора; регламентированное реагирование на травмы. Для минимизации травматизма и сопутствующих правовых рисков локальное нормативное регулирование и документальная фиксированность процедур приобретают решающее значение.

Внедрение риск-ориентированного подхода и формирование «пакета доказательств безопасности» рассматриваются как управленческий инструмент: при условии систематизации оценки рисков осуществляется поэтапное документирование мер – идентификация опасностей; оценка вероятности и тяжести; формирование и хранение документов, фиксирующих принятые меры; организация доступа к доказательствам для процедурного анализа, что обеспечивает документированную основу процессуального рассмотрения инцидентов.

Обеспечение безопасности студентов при занятиях физической культурой предполагает комплексный подход:

- интеграция нормативного регулирования;
- организационно-методическое обеспечение учебного процесса;
- систематическая фиксация исполнения обязательств. При наличии указанных условий реализуются последовательные мероприятия:

- разработка и актуализация нормативных документов;
- повышение квалификации педагогов и внедрение регламентов учебно-методической деятельности;

- регулярная отработка алгоритмов действий в чрезвычайных ситуациях и информирование студентов о правах и обязанностях;

- систематическое документирование и мониторинг соблюдения требований.

Результат – снижение вероятности травматизма, укрепление доверия к образовательной среде; повышение предсказуемости и защищенности учебного процесса для всех участников. Организации, реализующие системную профилактику и документирование безопасности, получают существенные юридические и имиджевые преимущества.

Литература:

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 01.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 07.04.2026).
2. Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (ред. от 10.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 50. – Ст. 6242. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73155/ (дата обращения: 07.04.2026).
3. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 09.11.2020 № 648 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 49.02.01 Физическая культура» (ред. от 01.09.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012030030> (дата обращения: 07.04.2026).
4. Михалкин Н.В., Аверюшкин А.Н. Безопасность образовательной среды как основа жизнедеятельности учащихся // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2020. – № 3(83). – С. 69–75. – URL: <https://doi.org/10.17759/langt.2021080110> (дата обращения: 07.04.2026).
5. К вопросу об основах безопасного поведения на занятиях физической культурой в вузах / Н. В. Губарева, Н. С. Матвейчук, М. Ю. Скворцова, Т. А. Линдт // Современные вопросы биомедицины. 2022. № 2. С. 260–266. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-osnovah-bezopasnogo-povedeniya-na-zanyatiyah-fizicheskoy-kulturoy-v-vuzah> (дата обращения: 05.04.2026).
6. Вихарева В. И., Ходатович А. А. Профилактика травматизма на занятиях по физической подготовке // Исследования молодых учёных: материалы XXXI Международной научной конференции. Казань: Молодой учёный, 2022. С. 51–56. URL: <https://moluch.ru/conf/stud/archive/416/16952> (дата обращения: 05.04.2026).
7. Фильчакова С.А., Чернышева И.В., Шлемова М.В. Актуальные проблемы здоровья студентов // Материалы V Международной студенческой электронной научной конференции «Студенческий научный форум». – 2013. – С. 1–4. – URL: <http://www.scienceforum.ru/2013/250/2267> (дата обращения: 08.04.2026).

Гречаная А.В.

аспирант

АНО ВО «Московский гуманитарный университет»

e-mail: a73659@yandex.ru

Grechanaya A.V.

Postgraduate Student

Moscow University for the Humanities

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ РИСКИ ПРИМЕНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ «ПОСЕЙДОН» НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. В статье проведен конституционно-правовой анализ ГИС «Посейдон» как цифрового средства антикоррупционной политики государства. Научная новизна: исследование системы через призму фундаментальных конституционных принципов, включая воздействие на реализацию основ организации государственной власти (ст. 10 Конституции РФ [1]). Ранее система изучалась преимущественно в административно-правовой плоскости [2], [3], [4], либо в качестве технического инструментария контроля [5], [6], [7]. Цель: выявление возможных конституционно-правовых рисков применения ГИС «Посейдон» в публичном управлении.

Методологическая основа сочетает общенаучные (диалектический, системный) и специальные методы познания. Приоритет отдан формально-юридическому (толкование Указа Президента РФ № 232 [8] и корреспондирующих конституционных норм), сравнительно-правовому (сопоставление полномочий участников системы), методу правового моделирования (определение направлений совершенствования законодательства). Материалами исследования послужили Конституция Российской Федерации [1], Указ Президента РФ от 25 апреля 2022 г. № 232 [8], федеральное законодательство в сфере противодействия коррупции, доктринальные источники по конституционному и информационному праву.

По итогам предложены рекомендации по актуализации нормативно-правовой базы в целях минимизации выявленного конституционно-правового риска.

Ключевые слова: публичная власть, цифровизация, государственное управление, коррупция, ГИС «Посейдон», государственная антикоррупционная политика, конституционные риски, разделение властей

CONSTITUTIONAL AND LEGAL RISKS OF THE IMPLEMENTATION OF THE STATE INFORMATION SYSTEM FOR COMBATING CORRUPTION «POSEIDON» AT THE CURRENT STAGE

Abstract. The article provides a constitutional and legal analysis of the GIS Poseidon as a digital tool of the state anti-corruption policy. Scientific novelty: study of the system through the prism of fundamental constitutional principles, including the impact on the implementation of the state power organization (Article 10 of the Constitution of the Russian Federation [1]). Previously, the system was studied mainly in the administrative sphere [2], [3], [4] or as a technical instrument of control [5], [6], [7]. The purpose of the study: identification of possible constitutional and legal risks of using the GIS Poseidon in public administration.

The research methodology assumes combination of general scientific (dialectical, systemic) and special methods of cognition. Priority is given to formal-legal (interpretation of Presidential Decree No. 232 [8] and corresponding constitutional norms) and comparative-legal analysis (comparison of the powers of system participants), as well as the method of legal modeling (determining directions for improving legislation). The research materials included the Constitution of the Russian Federation [1], Presidential Decree No. 232 of April 25, 2022 [8], federal anti-corruption legislation and doctrinal sources on constitutional and information law.

Based on the results, author proposed recommendations for updating the regulatory framework in order to minimize the identified constitutional and legal risk.

Keywords: public authority, digital transformation, public administration, corruption, GIS Poseidon, state anti-corruption policy, constitutional risks, separation of powers

Введение. В современных условиях непрерывного технологического прогресса использование цифровых решений и цифровая трансформация публичного управления стали одним из основных векторов государственной политики Российской Федерации [9], [10]. Данный процесс закономерно затронул одну из приоритетных функций государства, в рамках его конституционной обязанности по защите прав и свобод человека и гражданина (ст. 2, 8 Конституции Российской Федерации [1]), – противодействие коррупции.

Цифровая трансформация публичного управления порождает новые механизмы государственного контроля, правовая сущность которых с трудом поддается описанию в рамках традиционных конституционно-правовых категорий. Одним из таких инновационных цифровых антикоррупционных инструментов государственного управления, введенным в рамках реализации Национального плана противодействия коррупции на 2021-2024 годы [11], стала Государственная информационная система «Посейдон». Система представляет собой специализированную многофункциональную автоматизированную платформу информационно-аналитической поддержки деятельности органов публичной власти по профилактике коррупционных и иных правонарушений, функционирующую в режиме непрерывного автоматизированного мониторинга соблюдения антикоррупционного законодательства.

Функционирование ГИС «Посейдон» базируется на комплексной нормативно-правовой базе. Прежде всего система служит одним из прикладных инструментов реализации Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [12], закрепляющего правовые и институциональные основы профилактики правонарушений коррупционной направленности в Российской Федерации, в том числе устанавливающего базовое антикоррупционное требование по представлению сведений о полученных доходах, произведенных расходах, о имеющемся имуществе и обязательствах имущественного характера. Указанная обязанность конкретизирована в нормах Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе» [13], Федерального закона от 03 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» [14]. Общие предписания к эксплуатации и технологической модернизации государственных информационных систем зафиксированы в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [15]. Легитимность процедур обработки, защиты и сохранения конфиденциальности персональных данных (за исключением данных, отнесенных к государственной тайне), обрабатываемых в системе регламентированы Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [16]. Необходимо отметить, что нормативная база не исчерпывается только перечисленными федеральными законами, а также деятельность системы регламентируется обширным массивом подзаконных актов, детализирующих различные аспекты эксплуатации системы.

Правовой режим функционирования данной информационной системы, ее задачи, архитектура, алгоритм наполнения сведениями, порядок получения доступа закреплены в Указе Президента Российской Федерации от 25 апреля 2022 г. № 232 «О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» [8] (далее – Указ).

К основным задачам ГИС «Посейдон» [8], относится:

- обеспечение автоматизированных процессов включения, сбора, учета, хранения и анализа поступающей информации, регламентация процедур доступа к данным системы;
- информационно-аналитическая поддержка проведения анализа, мониторинга и контроля соблюдения антикоррупционных требований;
- подготовка статистических и сводных информационно-аналитических материалов по антикоррупционной проблематике;
- поддержание устойчивого информационного обмена в рамках межведомственного взаимодействия с другими информационными системами.

В процессе функционирования система консолидирует и подвергает автоматизированной аналитической обработке значительные массивы информации о подконтрольных субъектах, в том числе персональные данные, сведения о соблюдении антикоррупционных запретов и ограничений, от обширного круга поставщиков, определенных Указом, включая: федеральные и региональные органы власти, Центральный Банк Российской Федерации, государственные внебюджетные фонды, публично-правовые и государственные компании (корпораций) [8].

Указом определен круг участников системы, среди которых основные административные прерогативы закреплены за координатором системы. Координатор, которым является Администрация Президента Российской Федерации, обладает доступом к ГИС «Посейдон» и наиболее широкими правами, позволяющими формировать требования к функционированию и развитию платформы (совместно с оператором системы), к составу и источникам инкорпорируемой информации, регламентировать процедуру подключения, доступа к системе пользователей (внутренних и внешних), определять субъектный состав поставщиков информации [8]. Кроме того, Администрация реализует от имени Российской Федерации правомочия обладателя генерируемой в системе информации. Функции оператора системы, включающие техническую поддержку, защиту информационного массива и администрирование учетных записей пользователей, возложены на Федеральную службу охраны Российской Федерации [8]. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации наделено лишь вспомогательными полномочиями по оказанию методической и консультационной поддержки [8].

Подобное распределение управленческих ролей представляет собой, на взгляд автора, весомый конституционно-правовой риск. Фактически прямой доступ к системе монополизирован двумя структурами, чья деятельность напрямую координируется главой государства - Администрацией Президента России [17] и ФСО России [18]. С одной стороны, нельзя отрицать, что данный факт подчеркивает государственную значимость системы [7, с. 23], придавая системе неофициальный статус инструмента личного президентского контроля [5, с. 55]. С другой стороны, наблюдается концентрация всей полноты распорядительной власти в отношении ключевого антикоррупционного цифрового актива страны в ведении единственного властного института. Более того, в сферу постоянного надзора ГИС «Посейдон» подпадают представители всех ветвей власти, органов прокуратуры Российской Федерации, Счетной палаты, государственных учреждений (корпораций). Система будет предоставлять оператору и координатору оперативный доступ к огромному пулу персональных сведений служащих и членов их семей. Столь выраженная централизация функционала создает риски для нарушения, закрепленного в

статье 10 Конституции Российской Федерации [1] принципа самостоятельности ветвей власти и способна спровоцировать дисбаланс в механизме сдержек и противовесов.

Характеризуя субъектный состав участников системы, Д. М. Фарахiev акцентирует внимание на отсутствии Министерства внутренних дел Российской Федерации и обосновывает необходимость интеграции в систему сотрудников подразделений органов внутренних дел [4, с. 251]. По мнению автора настоящей статьи, в целях восстановления институционального равновесия в число координаторов системы следует включить Генеральную прокуратуру Российской Федерации. Конституционный статус прокуратуры (статья 129 Конституции РФ [1]) наделяет её полномочиями по надзору за соблюдением Основного закона, прав человека и исполнением законодательства.

Прокуратура обеспечивает защиту охраняемых законом прав и интересов общества и государства, в том числе координируя усилия правоохранительных органов в сфере борьбы с коррупцией и участвуя в рассмотрении уголовных дел [19]. В рамках своей компетенции прокуроры на системной основе проверяют исполнение антикоррупционных требований, выявляют и пресекают соответствующие правонарушения, осуществляют мониторинг средств массовой информации для организации последующих проверок, обладают правом принятия мер прокурорского реагирования и инициирования вопроса о привлечении виновных лиц к ответственности [20]. В ведении прокуратуры с 2018 года находится собственная круглосуточно функционирующая информационная система межведомственного электронного взаимодействия (ИС МЭВ ГП РФ) [21], оперативно предоставляющая необходимую органам прокуратуры для аналитической и надзорной деятельности информацию из систем других ведомств (ФНС России, МВД России, ФССП России и т.д.). Эксплуатируется и модернизируется единая защищенная сеть передачи данных органов прокуратуры (ЕЗСПД), обеспечивающая криптографически защищенный обмен информацией ограниченного доступа, в том числе не содержащей сведения, составляющие государственную тайну [22]. Генеральная прокуратура осуществляет функции оператора особо востребованной в рамках постоянной надзорной деятельности федеральной государственной информационной системы «Единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий» (ЕРКНМ) [23]. Более того, из заявления Генерального прокурора России Александра Владимировича Гуцана, общественности стало известно, что с целью постоянного контроля законности принятия судебных решений и полноты исполнения наказаний, в прокуратуре по состоянию на 2026 год организовано ведение реестра лиц, осужденных за коррупционные преступления и другие опасные деяния [24], что сегодня становится актуальной задачей прокуроров, направленной на защиту бюджетных средств Российской Федерации. Эксплуатация информационных систем прокуратуры происходит в защищенной облачной среде - во внешнем центре обработки данных Генеральной прокуратуры РФ (ВЦОД), отвечает установленным требованиям информационной безопасности, значительно снижающими риски несанкционированного доступа, и обладает высоким уровнем отказоустойчивости [22].

Выступая 19 марта 2026 года на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации Президент России Владимир Владимирович Путин, определяя предстоящие цели стабильного развития государства, направленные на поддержание правового режима и общественной безопасности, особо отметил вклад прокуратуры Российской Федерации в выявлении имущества и источников незаконных доходов коррупционеров, ее координирующую роль в антикоррупционной работе правоохранительных органов, подчеркнув, что «граждане рассчитывают на органы прокуратуры в повышении эффективности борьбы с коррупцией» [24].

Соответственно, анализ правового статуса и ресурсной обеспеченности органов прокуратуры РФ позволяет сформулировать вывод о наличии достаточного объема властных полномочий, компетенций, кадровых и материально-технических ресурсов, функциональных возможностей в области противодействия коррупции. Многолетняя деятельность по борьбе с коррупцией в разных ее проявлениях

создает объективные предпосылки для предоставления прокуратуре части функционала координатора ГИС «Посейдон». По мнению автора, представляется обоснованным предоставить Генеральной прокуратуре РФ приоритетное право пользования аналитическими и поисковыми модулями системы (в целях усиления антикоррупционного надзора), а также наделить статусом «со-координатора» системы с делегированием следующих полномочий:

- участие в формировании стратегических требований к функциональному развитию и модернизации платформы, что с учетом выявляемых в ходе постоянных прокурорских проверок латентных и ранее неизвестных коррупционных схем, поспособствует укреплению законности и правопорядка;
- определение круга внешних пользователей и поставщиков информации в систему, исходя из потребностей надзорной и координационной деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступлениями.

Заключение. В ходе исследования выявлен и раскрыт конституционно-правовой риск, сопряженный с текущей моделью функционирования ГИС «Посейдон»: риск нарушения принципа разделения властей (ст. 10 Конституции РФ [1]). Концентрация всей полноты распорядительных и контрольных полномочий в отношении системы у структур, подведомственных непосредственно главе государства (Администрация Президента РФ и ФСО России), при одновременном распространении надзорного охвата на представителей всех ветвей власти создает предпосылки для институционального дисбаланса в механизме сдержек и противовесов.

Проведенный конституционно-правовой анализ позволяет сформулировать практическую рекомендацию, имеющую значение для дальнейшего развития законодательства о противодействии коррупции и совершенствования механизмов публичного управления в условиях цифровизации. В целях минимизации риска в соответствие с конституционными ценностями и принципами предлагается включить Генеральную прокуратуру Российской Федерации в число координаторов системы с передачей ей части полномочий, сегодня возложенных на Администрацию Президента РФ (в частности, по определению круга внешних пользователей, поставщиков информации и согласованию требований к развитию платформы). Нормативное закрепление предлагаемого перераспределения функционала позволит уравновесить систему, а также задействовать обширный надзорный потенциал прокуратуры, имеющей конституционный мандат на обеспечение законности и защиты прав граждан.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. — 01.07.2020. — № 31. — Ст. 4398.
2. Цирин А.М., Артеменко Е.А. Цифровые технологии и искусственный интеллект как средства профилактики проявлений коррупции в контрольной (надзорной) деятельности: отечественный и зарубежный опыт // Журнал российского права. — 2023. — № 3. — С. 126 - 142. DOI: 10.12737/jrp.2023.034.
3. Гончарук Н.С. Основные направления по повышению эффективности противодействия коррупции в органах государственной власти Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. — 2023. — № 3. — С. 30 - 33. — DOI: 10.18572/1813-1247-2023-3-30-33.
4. Фарахiev Д.М. Государственная информационная система «Посейдон»: современный взгляд на противодействие коррупции // Вестник Московского университета МВД России. — 2023. — № 1. — С. 250 - 254. — DOI: 10.24412/2073-0454-2023-1-250-254.

5. Агеев В.Н. Информационные технологии как средство противодействия коррупции в Российской Федерации // Национальная безопасность / nota bene. — 2023. — № 6. — С. 49 - 60. — DOI: 10.7256/2454-0668.2023.6.69405

6. Рябчикова Л.Н. Инструменты цифровизации против коррупции: экономико-правовые аспекты применения // Современное право. — 2025. — № 4. — С. 49 - 53. — DOI: 10.25799/NI.2025.16.82.007.

7. Погодина И.В., Новичкова А.С. Искусственный интеллект в деле противодействия коррупции в таможенных органах: достигнутые результаты и новые возможности // Государственная власть и местное самоуправление. — 2024. — № 4. — С. 21 - 26. — DOI: 10.18572/1813-1247-2024-4-21-26.

8. Указ Президента РФ от 25.04.2022 № 232 «О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 02.05.2022. — № 18. — Ст. 3053.

9. Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства РФ. — 13.05.2024. — № 20. — Ст. 2584.

10. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства РФ. — 15.05.2017. — № 20. — Ст. 2901.

11. Указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021 - 2024 годы» // Собрание законодательства РФ. — 23.08. 2021. — № 34. — Ст. 6170.

12. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. — 29.12.2008. — № 52 (ч. 1). — Ст. 6228.

13. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 02.08.2004. — № 31. — Ст. 3215.

14. Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // Собрание законодательства РФ. — 10.12.2012. — № 50 (часть 4). — Ст. 6953.

15. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. — 31.07.2006. — № 31 (1 ч.). — Ст. 3448.

16. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. — 31.07.2006. — № 31 (1 ч.). — Ст. 3451.

17. Указ Президента РФ от 06.04.2004 № 490 «Об утверждении Положения об Администрации Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 12.04.2004. — № 15. — Ст. 1395.

18. Указ Президента РФ от 07.08.2004 № 1013 «Вопросы Федеральной службы охраны Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 09.08.2004. — № 32. — Ст. 3314.

19. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. — 20.02.1992. — № 8. — Ст. 366.

20. Приказ Генпрокуратуры России от 10.10.2022 № 581 «Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции» // Законность. — 2022. — № 12.

21. Приказ Генпрокуратуры России от 12.05.2023 № 316 «Об утверждении перечня информационных систем персональных данных органов и организаций прокуратуры Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 01.12.2025).

22. Приказ Генпрокуратуры России от 11.09.2025 № 621 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2030 года, а также о

внесении изменений в отдельные организационно-распорядительные документы Генерального прокурора Российской Федерации»// Законность. — 2025. — № 11.

23. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 03.08.2020. — № 31 (ч. I). — Ст. 5007.

24. Расширенное заседание коллегии Генеральной прокуратуры // Президент России [сайт]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/79360> (дата обращения 01.04.2026).

Мальшева В.А.

студент

ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»

Malysheva V.A.

Student

State University of Management

ПОЧЕМУ ЖЕНСКИЙ ВОЛЕЙБОЛ МЕНЕЕ ПОПУЛЯРЕН: АНАЛИЗ РЫНОЧНЫХ ДИСБАЛАНСОВ И КОММУНИКАЦИОННЫХ РАЗРЫВОВ

Аннотация. Статья посвящена анализу факторов, определяющих разницу в восприятии и коммерческой успешности женского и мужского волейбола. Цель исследования — выявить структурные дисбалансы, препятствующие росту популярности женских соревнований, с фокусом на коммуникационные и технологические аспекты продвижения. В работе использованы аналитические материалы открытых российских и зарубежных источников, включая отраслевые отчеты, научные публикации и стратегические документы международных федераций. Особое внимание уделено анализу поведения современных потребителей спортивного контента, трансформации фан-сообществ и адаптации брендов к новым условиям. Результатом исследования стало формулирование рекомендаций по оптимизации взаимодействия с аудиторией и интеграции женского волейбола в актуальную культурную повестку.

Ключевые слова: женский волейбол, коммуникационная стратегия, гендерный дисбаланс, вовлечение болельщиков, медийное освещение, точки контакта.

WHY WOMEN'S VOLLEYBALL IS LESS POPULAR: AN ANALYSIS OF MARKET IMBALANCES AND COMMUNICATION GAPES

Abstract. The article is devoted to the analysis of the factors determining the difference in the perception and commercial success of women's and men's volleyball. The purpose of the study is to identify structural imbalances that hinder the growth of popularity of women's competitions, with a focus on communication and technological aspects of promotion. The work uses analytical materials from open Russian and foreign sources, including industry reports, scientific publications, and strategic documents from international federations. Special attention is paid to the analysis of the behavior of modern consumers of sports content, the transformation of fan communities and the adaptation of brands to new conditions. The result of the study was the formulation of recommendations for optimizing interaction with the audience and integrating women's volleyball into the current cultural agenda.

Keywords: women's volleyball, communication strategy, gender imbalance, fan engagement, media coverage, points of contact.

В идеальной модели развития спорта женские дисциплины обладают равными с мужскими возможностями по привлечению инвестиций, медийного внимания и зрительской аудитории. Предполагается, что зрелищность, эмоциональная вовлеченность и маркетинговый потенциал определяются исключительно качеством игры и персональными брендами спортсменок.

Однако текущее состояние женского волейбола характеризуется устойчивым разрывом между реальным уровнем вовлеченности аудитории и стратегиями продвижения, используемыми брендами и

организаторами соревнований. Экспертами отрасли отмечается парадоксальная ситуация: при стремительном росте интереса к женскому спорту в целом (глобальная выручка в 2026 году достигла \$2,35 млрд, увеличившись на 25% по сравнению с 2024-м), женский волейбол остается в тени как по объему медийного покрытия, так и по инвестиционной привлекательности.

Проблема усугубляется тем, что, согласно данным исследовательских агентств, темпы роста женского спорта опережают мужской в 4,5 раза, однако система продвижения не успевает за этой динамикой. Бренды продолжают рассматривать женские турниры как "календарные моменты" — разовые активации, приуроченные к финалам или Международному женскому дню, вместо формирования долгосрочного присутствия в жизни фан-сообществ.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, фиксируется рекордный рост числа участниц. В России, по данным Всероссийской федерации волейбола (ВФВ), волейбол входит в число самых массовых видов спорта: согласно опросам, им в равной степени увлекаются как мужчины, так и женщины [7]. В американских старших школах и юниорских клубах зафиксировано почти 800 000 активных волейболисток, что создает беспрецедентную базу для формирования лояльной аудитории.

Второй важный момент, который хотелось бы выделить это изменение того, как аудитория сегодня потребляет спортивный контент. Например, MVP Кубка России по волейболу на снегу Руслан Быканов, «у мужчин намного меньше подписчиков, чем у девочек. Всё-таки женская половина соцсетей привлекает больше, чем мужская. Женский контент, возможно, привлекает больше внимания со стороны двух полов» [2]. Это наблюдение хорошо показывает, что современные фанаты, особенно поколения Z и миллениалы, формируют вокруг спортсменок своего рода гибридные экосистемы. В них спорт тесно переплетается с модой, стилем жизни и развлекательным контентом.

Третья тенденция касается уже не только болельщиков, но и международные спортивные организации, включая FIVB, которые демонстрируют институциональную готовность к изменениям. Подписанный в феврале 2026 года меморандум между FIVB и Глобальной обсерваторией по гендерному равенству и спорту стал свидетельством системного подхода к решению проблемы на уровне управления.

Системный анализ показывает, что основная проблема заключается в применении устаревших маркетинговых моделей, разработанных для традиционной трансляционной модели мужского спорта, к принципиально иному типу фан-сообществ. Женский волейбол привлекает аудиторию, которая взаимодействует с контентом через социальные платформы, ценит аутентичность и формирует долгосрочные связи с отдельными спортсменками как культурными протагонистами, а не только как атлетами.

В российской научной литературе проблематика финансовой устойчивости волейбольных клубов получила системное освещение в работе В.С. Легейды «Банкротство российских профессиональных волейбольных клубов, его причины и следствия». Автор указывает, что за последнее десятилетие отечественный волейбол лишился более полусотни женских и мужских профессиональных команд различного уровня [8, с. 489]. Согласно представленным данным, в 2009 году в России выступало 68 женских профессиональных команд, а к сезону 2017-2018 годов их количество сократилось до 47 — падение составило 31,9% [8, с. 489]. Исследователь связывает эту тенденцию с утратой инвестиционной привлекательности волейбола и недостаточным уровнем риск-менеджмента в клубном управлении.

За последние три года в позиционировании женского волейбола произошло несколько значимых структурных сдвигов. Здесь можно выделить три ключевых изменения:

1. **Институциональная консолидация.** В США случилось историческое событие-объединение Pro Volleyball Federation и Major League Volleyball в единую лигу MLV. Это создало прецедент централизованного управления с участием институциональных инвесторов. Новая лига

стартовала в январе 2026 года и опирается на модель независимых команд на локальных рынках. А также демонстрирует цифровую вовлеченность на уровне 80 млн социальных впечатлений [6][10].

2. **Продуктовая специализация.** Рынок спортивной экипировки отреагировал на реальные потребности волейболисток. Например, появился бренд Cortis, основанный женщинами и ориентированный исключительно на женский волейбол. Это прямой ответ на долгие годы, когда нормального предложения просто не существовало. Бренд внедрил инновационные решения: компрессионные ткани с учетом биомеханики движений (прыжки, нырки, резкие смены направления), а также запустил программу циркулярного использования униформы, то есть повторного применения и переработки.

3. **Цифровая трансформация.** Показательным стал опыт сборной Китая во время чемпионата мира по волейболу среди женщин в 2025 году. Volleyball World сотрудничала с популярными стримерами Douyin, включая бывших игроков национальной сборной. В итоге, это сгенерировало сотни миллионов дополнительных просмотров и вовлекло десятки миллионов уникальных.

Таким образом, все три направления показывают, что женский волейбол переходит на качественно новый уровень.

В Австралии рекордный интерес к женскому спорту показала сборная "Матильдас" (женская сборная по футболу). В полуфинале чемпионата мира 2023 года их матч собрал 11,5 миллиона зрителей. Это крупнейшая спортивная аудитория за всю историю страны. Этот случай подтверждает тезис о том, что «при адекватном продвижении женские команды способны превосходить показатели мужских аналогов.».

Что касается России, то здесь системное развитие женского волейбола идет под эгидой Всероссийской федерации волейбола (ВФВ). С декабря 2024 года ее возглавляет Станислав Шевченко. В стратегии федерации на 2026–2028 годы сделан акцент на комплексное развитие, основные из которых перечислены ниже [1]:

- Поддержка женской Суперлиги как одного из сильнейших национальных чемпионатов Европы;
- Развитие молодежного резерва через сеть школьных и региональных турниров;
- Создание цифровой экосистемы, включающей медиа-платформы, сервисы для тренеров и системы аналитики;
- Развитие альтернативных форматов — пляжного волейбола и волейбола на снегу, которые расширяют календарь соревнований и создают дополнительный медийный потенциал.

В сезоне 2025/2026 женская Суперлига пополнилась новым клубом из Санкт-Петербурга — «Корабелкой», которая два года подряд становилась чемпионом Высшей лиги «А» [4]. Это расширение рассматривается экспертами как позитивный сигнал, свидетельствующий о сохранении интереса к развитию женского волейбола в регионах. Кроме того, в целях повышения зрелищности матчей и увеличения продолжительности розыгрышей были приняты изменения в правилах, касающиеся контроля расстановки игроков и смягчения требований ко второму касанию мяча [4].

Однако существуют и системные проблемы. Журналистское расследование «Казанских ведомостей» под заголовком «Кому нужна "Казаночка"?» обнажило проблему финансирования женских клубов: бюджет женской команды составляет около 80 млн рублей (что значительно ниже бюджетов мужских клубов), при этом игроки сталкиваются с задержками зарплат и отсутствием жилищных условий [3]. Одна из волейболисток в интервью изданию подчеркнула: «О Казани ходит немало легенд — какие условия созданы для спортсменов. Но получается, что речь идет лишь о мужских командах. Какая-то дискриминация по половому признаку» [3].

Траектория развития женского волейбола определяется несколькими факторами. Во-первых, стратегическое видение FIVB до 2032 года предполагает удвоение числа людей, активно вовлеченных в волейбол, с 800 млн до 1,6 млрд. Достижение этой цели невозможно без опережающего роста женского сегмента.

Во-вторых, наблюдается сдвиг в структуре инвестиций. По оценкам JAM Capital Partners, женский спорт растет в 4,5 раза быстрее мужского, при этом доля инвестиций составляет менее 2% от общего рынка в \$75 млрд, что создает потенциал для дальнейшего роста.

В-третьих, формируется новая модель коммерциализации, где ключевыми драйверами становятся не трансляционные права, а прямое взаимодействие с сообществами через цифровые платформы и партнерства с брендами, ориентированными на молодую, лояльную аудиторию.

Таблица 1. Ключевые точки контакта

Канал взаимодействия	Характер использования	Пример эффективной реализации
Социальные платформы	Создание контента, выходящего за рамки спортивной тематики (мода, лайфстайл, личные истории)	Опыт российских спортсменок, у которых, по наблюдению Руслана Быканова, «намного больше подписчиков, чем у мужчин» [2]
Турнирные активации	Опытные зоны, объединяющие спорт с культурными активностями	Расширение календаря соревнований в российском волейболе, включая турниры по пляжному и снежному волейболу [1]
Программы устойчивого развития	Экологические и социальные инициативы, интегрированные в структуру клубов	Corts Circular Uniform Program: система возврата униформы с переработкой через "эко-амбассадоров"
Образовательные программы	Развитие судейского и тренерского корпуса через женское лидерство	Образовательные инициативы ВФВ, включая программы подготовки тренеров и судей [1]

Подводя итоги, можно сказать, что женский волейбол сегодня находится на переломном этапе своего развития. В России, несмотря на сохраняющиеся системные проблемы с финансированием и ограничения в инфраструктуре, все же видны позитивные сдвиги: расширяется состав участников Суперлиги, развиваются альтернативные форматы и растет вовлеченность молодежной аудитории.

Дальнейшее будущее женского волейбола зависит от того, смогут ли все участники экосистемы — от международных федераций до локальных брендов — признать его самостоятельной культурной силой, а не просто приложением к мужскому спорту. И речь здесь не только об успехах на площадке, но и о восприятии спорта в целом.

Только такой подход позволит реализовать тот потенциал, который уже сегодня показывают лидеры отрасли в Азии, Северной Америке и Австралии. И тогда женский волейбол сможет выйти на качественно новый уровень — как с точки зрения коммерции, так и с точки зрения культурной значимости.

Потенциал у женского волейбола колоссальный, и он уже начинает раскрываться. Очень многое упирается в конкретных людей — не только в звездных игроков, но и в менеджеров, тренеров и так далее. Как было показано в примере из Австралии, где успех готовился годами через систему низовых клубов и школьных программ. В США объединение лиг произошло через инвесторов, которые поверили в продукт. Но чтобы выйти на качественно новый уровень нужна системная работа по всем направлениям:

от экипировки до школьных турниров, от трансляций до нового нашумевшего контента. И процесс этот, судя по всему, займет еще несколько лет. Зато, возможно, через пару лет мы будем говорить о женском волейболе в том же тоне, что сегодня говорим о женском футболе или теннисе.

Литература:

1. Будущее волейбола в России: стратегия ВФВ на 2026–2028 годы. — Terball, 2025. — URL: <https://terball.ru/blog/buduschee-voleybola-v-rossii-strategiya-vfv-na-2026-2028-gody> (дата обращения: 01.04.2026).

2. Быканов Р. MVP Кубка России по «снежке»: женский контент привлекает больше внимания, чем мужской / Р. Быканов; интервьюер С. Колодкина. — Чемпионат, 2024. — URL: <https://www.championat.com/volleyball/news-5477544-mvp-kubka-rossii-po-snezhke-zhenskij-kontent-privlekaet-bolshe-vnimaniya-chem-muzhskoj.html> (дата обращения: 01.04.2026).

3. Кому нужна «Казаночка»? — Казанские ведомости, 2024. — URL: <https://kazved.ru/news/komunizhna-kazanochka> (дата обращения: 01.04.2026).

4. Кружков А. Все новинки российской волейбольной Суперлиги в сезоне-2025/2026. Что самое интересное? / А. Кружков. — Чемпионат, 2025. — URL: <https://www.championat.com/volleyball/article-6185924-vse-novshestva-v-zhenskoj-volejbolnoj-superlige-2025-2026-korabelka-kisi-nasimento-vanya-ivanovich-novye-formaty-i-pravila-igry.html> (дата обращения: 01.04.2026).

5. Легейда В.С. Банкротство российских профессиональных волейбольных клубов, его причины и следствия / В.С. Легейда. — Текст: электронный // КиберЛенинка. — 2019. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bankrotstvo-rossiyskih-professionalnyh-voleybolnyh-klubov-ego-prichiny-i-sledstviya> (дата обращения: 01.04.2026).

6. Pro Volleyball Federation and Major League Volleyball Merging to Form Unified League. — Sports Video Group, 2025. — URL: <https://www.sportsvideo.org/2025/08/05/volleyball-leagues-announce-historic-plan-the-new-mlv/> (дата обращения: 01.04.2026).

7. Росгосстрах назвал самые популярные соревнования у россиян. — РБК Компании, 2025. — URL: <https://companies.rbc.ru/news/bpHxZRh213/rosgosstrah-nazval-samyie-populyarnyie-sorevnovaniya-u-rossiyan/> (дата обращения: 01.04.2026).

8. Legeyda V.S. Bankruptcy of Russian Professional Volleyball Clubs, Its Causes and Consequences / V.S. Legeyda. — Text: electronic // CyberLeninka. — 2019. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bankrotstvo-rossiyskih-professionalnyh-voleybolnyh-klubov-ego-prichiny-i-sledstviya> (дата обращения: 01.04.2026).

9. Volleyball Leagues Announce Historic Plan: The New MLV. — Major League Volleyball, 2025. — URL: <https://provolleyball.com/news/2025/08/volleyball-leagues-announce-historic-plan-the-new-mlv> (дата обращения: 01.04.2026).

Терехов Н.Д.

магистрант

факультета международных экономических отношений

ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

e-mail: 244512@edu.fa.ru

научный руководитель – доцент кафедры международного бизнеса,

кандидат экономических наук

ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

О.В. Игнатова

e-mail: ovignatova@fa.ru

Terekhov N.D.

Master's Student

Faculty of International Economic Relations,

Financial University under the Government of the Russian Federation

scientific director – Associate Professor of the Department of International Business,

Candidate of Economic Sciences

Financial University under the Government of the Russian Federation

O.V. Ignatova

РОЛЬ КИТАЯ В МИРОВОЙ ТОРГОВЛЕ ТОВАРАМИ В XXI ВЕКЕ

Аннотация. В статье рассматривается роль Китая в мировой торговле товарами в XXI веке. Анализируется динамика участия Китая в международной торговле, изменения его доли в мировом экспорте и импорте, а также товарная структура внешней торговли. Особое внимание уделяется факторам, способствовавшим укреплению позиций Китая на мировом рынке товаров, включая государственную торгово-промышленную политику, участие в глобальных цепочках добавленной стоимости и процессы глобализации. Рассматриваются современные вызовы и перспективы дальнейшего развития внешней торговли Китая в условиях нестабильности мировой экономики. В работе использованы методы статистического и сравнительного анализа на основе данных международных экономических организаций. Полученные результаты позволяют сделать вывод о ключевой роли Китая в современной системе мировой торговли товарами.

Ключевые слова: Китай, мировая торговля товарами, экспорт, импорт, глобализация, внешнеэкономическая деятельность.

THE ROLE OF CHINA IN GLOBAL TRADE IN GOODS IN THE 21ST CENTURY

Abstract. The article examines the role of China in global trade in goods in the 21st century. The dynamics of China's participation in international trade are analyzed, including changes in its share of global exports and imports, as well as the commodity structure of foreign trade. Particular attention is paid to the factors that have contributed to the strengthening of China's position in the global goods market, such as state trade and industrial policy, participation in global value chains, and globalization processes. Contemporary challenges and prospects for the further development of China's foreign trade under conditions of global economic instability are also considered. The study employs statistical and comparative analysis methods based on data from international

economic organizations. The results obtained allow for the conclusion that China plays a key role in the modern system of global trade in goods.

Keywords: China, world trade in goods, export, import, globalization, foreign economic activity.

Введение

В XXI веке мировая торговля товарами является одним из ключевых факторов развития мировой экономики, а Китайская Народная Республика занимает в ней одно из ведущих мест. За последние десятилетия Китай превратился в крупнейшего экспортёра товаров и одного из основных участников международных товарных потоков, оказывая существенное влияние на структуру и динамику мировой торговли [6]. В условиях глобализации, усиления международной конкуренции и роста геэкономических рисков исследование роли Китая в мировой торговле товарами приобретает особую актуальность.

Актуальность данной статьи обусловлена необходимостью анализа современных позиций Китая в мировой торговле товарами, а также выявления факторов, способствующих укреплению его роли на мировом рынке. По данным Всемирной торговой организации и Всемирного банка, на долю Китая приходится значительная часть мирового экспорта промышленных товаров, что подтверждает его системообразующую роль в глобальной торговле [6; 8].

Степень изученности рассматриваемой проблемы является достаточно высокой. Теоретические основы международной торговли и влияние глобализации на мировые товарные потоки подробно рассматриваются в трудах зарубежных экономистов, в частности П. Кругмана, разработавшего теорию конкурентных преимуществ и новой экономической географии [3], а также М. Фридена, анализирующего процессы глобализации и их влияние на мировую торговлю [2]. Существенный вклад в исследование внешнеэкономической деятельности Китая внесли отечественные учёные. В работах Е. Ф. Авдокушина рассматриваются особенности международной торговли и место Китая в мировой экономике [4], а исследования В. Я. Портякова посвящены анализу экономической стратегии Китая и её влиянию на глобальные торговые процессы [5]. Кроме того, статистической и аналитической базой для изучения данной проблематики служат материалы Всемирной торговой организации, Всемирного банка и базы данных UN Comtrade [6–8].

Целью данной статьи является анализ роли Китая в мировой торговле товарами в XXI веке. Для достижения поставленной цели в работе предполагается решение следующих задач:

- рассмотреть теоретические основы участия Китая в мировой торговле;
- проанализировать динамику экспорта и импорта Китая в XXI веке;
- исследовать товарную структуру внешней торговли Китая;
- выявить ключевые факторы, влияющие на позиции Китая в мировой торговле товарами;
- определить современные вызовы и перспективы дальнейшего развития внешней торговли Китая.

Методологической основой исследования послужили методы статистического, сравнительного и структурного анализа, а также официальные данные международных экономических организаций и научные публикации по теме исследования [6–8].

2. Динамика участия Китая в мировой торговле товарами в XXI веке

В начале XXI века Китайская Народная Республика продемонстрировала стремительный рост объёмов внешней торговли, что позволило ей занять лидирующие позиции в мировой торговле товарами. Вступление Китая во Всемирную торговую организацию в 2001 году стало ключевым этапом интеграции страны в глобальную торговую систему и послужило мощным стимулом для расширения экспортно-импортных операций [6].

С начала 2000-х годов объёмы экспорта товаров из Китая увеличивались ускоренными темпами. По данным Всемирной торговой организации, если в 2001 году доля Китая в мировом экспорте товаров составляла около 4 %, то к 2023 году она превысила 14 %, что позволило стране занять первое место среди мировых экспортёров [6]. Аналогичная тенденция наблюдается и в сфере импорта: Китай является одним из крупнейших мировых импортёров сырья, энергоносителей и промежуточных товаров, необходимых для функционирования промышленного сектора [8].

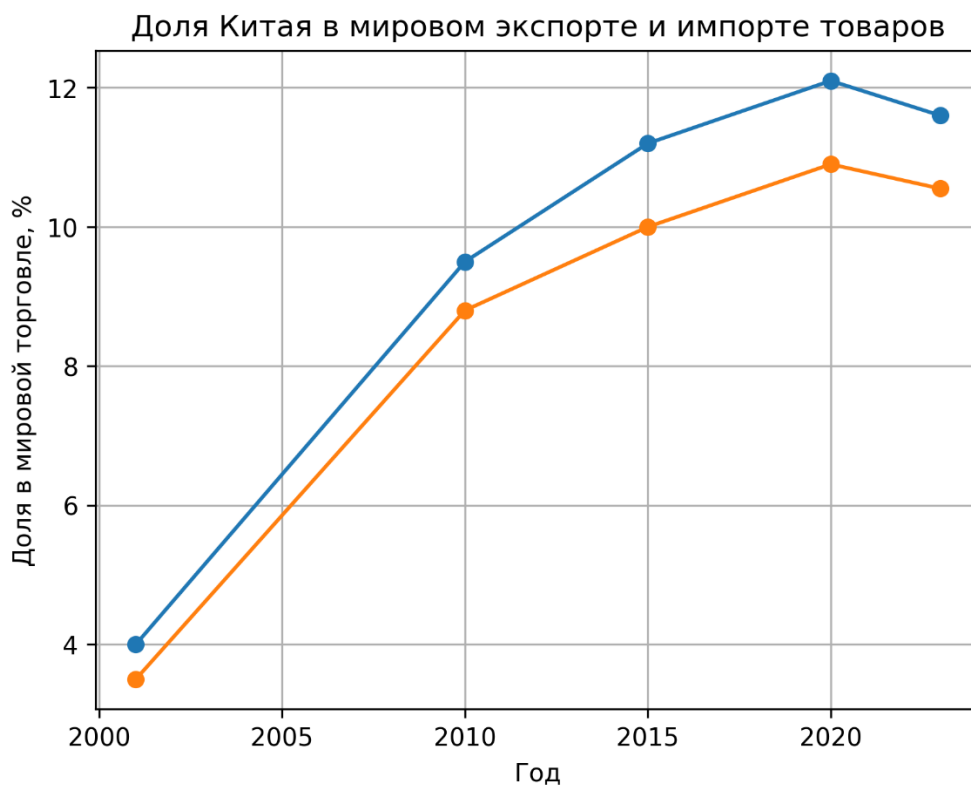

Рисунок 1. Динамика доли Китая в мировом экспорте товаров в 2001–2023 гг., % (Источник: составлено автором по данным ВТО)

На графике хорошо показан рост линии с 2001 по 2023 гг.

Рост внешней торговли Китая сопровождался укреплением его позиций по сравнению с другими ведущими участниками мировой торговли. В то время как доля США и стран Европейского союза в мировом экспорте товаров в рассматриваемый период демонстрировала относительную стабильность или умеренное снижение, доля Китая последовательно увеличивалась, что свидетельствует о перераспределении сил в мировой торговой системе [3; 6].

Важной особенностью динамики внешней торговли Китая является её устойчивость к внешним шокам. Несмотря на негативное влияние мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., пандемии COVID-19 и усиление торговых ограничений, Китай сумел сохранить высокие темпы восстановления экспортных поставок, что подтверждает высокий уровень адаптивности китайской экономики к изменениям внешней конъюнктуры [2; 8].

3. Товарная структура внешней торговли Китая

Современная внешняя торговля Китая характеризуется разнообразной товарной структурой. Основу экспорта составляют промышленные товары, электроника и машиностроительная продукция, а также текстиль и одежда. По данным Всемирного банка и UN Comtrade, в 2023 году на долю электроники и оборудования приходилось более 35 % общего экспорта страны, на машиностроительную продукцию

— около 25 %, на текстиль и одежду — 10 %, а оставшиеся категории распределялись между химической продукцией, мебелью и другими изделиями [6; 8].

Импорт Китая преимущественно состоит из сырья и промежуточных товаров, необходимых для производственного сектора: нефть и газ (около 20 %), металлы и руды (15–18 %), полупродукты для электронной и химической промышленности (15 %), а также сельскохозяйственные товары и потребительские товары (10–12 %) [8]. Такая структура отражает стратегию Китая как страны-производителя готовой продукции с использованием внешних ресурсов для внутреннего производства.

Рисунок 2. Структура экспорта Китая по товарным группам (2023)
(Источник: UN Comtrade, Всемирный банк)

Особое внимание стоит уделить динамике изменения товарной структуры за последние два десятилетия. В 2001 году доля электроники была около 20 %, а машиностроительная продукция занимала около 15 % экспорта, что показывает значительный рост высокотехнологичной продукции в экспорте страны. Одновременно доля сырья и полупродуктов в импорте остаётся высокой, что подтверждает зависимость китайской промышленности от внешних поставок ресурсов [6; 8].

Таким образом, товарная структура внешней торговли Китая отражает стратегию страны как глобального производственного центра, ориентированного на экспорт готовой продукции и использование международных товарных потоков для обеспечения внутреннего производства. Устойчивый рост экспорта электроники и машиностроительной продукции подчёркивает конкурентоспособность Китая на мировом рынке товаров.

4. Факторы, влияющие на позиции Китая в мировой торговле

Позиции Китая на мировом рынке товаров формируются под воздействием комплекса экономических, политических и технологических факторов. Ключевыми из них являются следующие:

4.1. Государственная торгово-промышленная политика

Китайская экономика активно управляется государством через стратегическое регулирование внешней торговли и промышленного производства. Программы стимулирования экспорта, налоговые льготы для экспортёров и поддержка высокотехнологичных отраслей позволили стране быстро занять

лидирующие позиции на мировом рынке товаров [4; 5]. Политика «Пояса и пути» также способствует расширению экспортных маршрутов и усилению торговых связей с различными регионами мира.

4.2. Интеграция в глобальные цепочки добавленной стоимости

Китай стал одним из центральных участников глобальных производственно-сбытовых цепочек. Высокая доля промежуточных товаров в импорте и готовой продукции в экспорте отражает стратегию страны как промышленного хаба. Это позволяет Китаю использовать сравнительные преимущества в производстве и минимизировать затраты, что повышает конкурентоспособность китайских товаров на мировом рынке.

4.3. Развитие высоких технологий и инноваций

Укрепление позиций Китая на мировом рынке поддерживается ростом доли высокотехнологичных товаров в экспорте, включая электронику, оборудование и машиностроительную продукцию. Государственные инвестиции в исследования и разработки, развитие инфраструктуры и научных центров способствуют повышению качества и стоимости продукции, увеличивая её привлекательность на международной арене.

4.4. Влияние внешнеэкономических факторов

На позиции Китая в мировой торговле влияют также внешние факторы: торговые войны, тарифные ограничения, международные санкции и глобальные экономические кризисы. Несмотря на внешние шоки, Китай демонстрирует устойчивость внешней торговли, что связано с диверсификацией экспортных рынков, гибкой торговой политикой и большим внутренним рынком.

Фактор	Влияние на экспорт	Влияние на импорт
Государственная политика	стимулирует рост	поддерживает стратегические закупки
Глобальные цепочки	повышает конкурентоспособность	обеспечивает сырьё и компоненты
Высокие технологии	увеличивает высокотехнологичных товаров	долю требует импорт полупродуктов
Внешнеэкономические факторы	риски/адаптация	риски/диверсификация

5. Товарная структура внешней торговли Китая

Современная внешняя торговля Китая характеризуется высокой диверсификацией товарных потоков. Она отражает стратегию страны как глобального производственного центра, ориентированного на экспорт готовой продукции и использование внешних ресурсов для внутреннего производства.

Основу экспорта Китая составляют промышленные товары, высокотехнологичная продукция и текстиль. По данным UN Comtrade и Всемирного банка, в 2023 году структура экспорта выглядела следующим образом:

- Электроника и оборудование — 35 %
- Машиностроение — 25 %
- Текстиль и одежда — 10 %
- Прочее — 30 % [6; 8]

Эта структура показывает значительный рост высокотехнологичных товаров по сравнению с 2001 годом, когда электроника и машиностроение занимали около 35 % экспорта вместе, а текстиль и одежда — около 25 % [6]. Такой сдвиг отражает усилия Китая по модернизации промышленности и увеличению добавленной стоимости продукции.

Импорт Китая преимущественно состоит из сырья и промежуточных товаров, необходимых для производства конечной продукции. Основные товарные группы импорта в 2023 году:

- Нефть и газ — 20 %

- Металлы и руды — 17 %
- Полупродукты и химическая продукция — 15 %
- Сельскохозяйственные товары — 12 %
- Прочие товары — 36 % [6; 8]

Такая структура демонстрирует зависимость Китая от внешних поставок ресурсов и компонентов для промышленного производства, а также стратегическую направленность на обеспечение внутренней экономики сырьём и полуфабрикатами.

Сравнение структуры экспорта и импорта с 2001 годом показывает значительное увеличение доли высокотехнологичных товаров в экспорте и стабильную зависимость от сырья в импорте. Это подтверждает стратегическую цель Китая — стать мировым центром производства готовой продукции с высоким уровнем добавленной стоимости.

6. Современные вызовы и перспективы развития внешней торговли Китая

В XXI веке Китай сталкивается с рядом современных вызовов, которые могут повлиять на его позиции в мировой торговле товарами, а также имеет возможности для дальнейшего укрепления своей роли на глобальном рынке.

5.1. Торговые войны и международные ограничения

Один из наиболее значимых факторов — напряжённые торгово-экономические отношения с ведущими партнёрами, прежде всего США и ЕС. Введение тарифных пошлин и квот на китайские товары создаёт давление на экспортёров и требует адаптации внешнеэкономической стратегии. Тем не менее Китай демонстрирует способность диверсифицировать рынки сбыта, увеличивая экспорт в страны АСЕАН, Африки и Латинской Америки [6; 8].

5.2. Влияние глобальных кризисов

Пандемия COVID-19, а также глобальные экономические колебания и инфляционные процессы оказали влияние на международные товарные потоки. Китай смог относительно быстро восстановить показатели экспорта и импорта благодаря крупному внутреннему рынку, развитой производственной инфраструктуре и цифровизации внешней торговли [2; 6].

5.3. Инновации и технологическое развитие

Развитие высоких технологий остаётся ключевым драйвером укрепления позиций Китая. Государственные программы по поддержке инноваций, внедрение искусственного интеллекта, роботизации и цифровой логистики позволяют увеличить **долю высокотехнологичного экспорта** и повысить конкурентоспособность продукции на мировом рынке [2; 4].

5.4. Перспективы дальнейшего развития

Перспективы развития внешней торговли Китая связаны с несколькими направлениями:

1. Дальнейшее расширение торговых партнёрств в рамках инициативы «Пояс и путь» и региональных соглашений о свободной торговле.
2. Увеличение доли высокотехнологичной продукции в экспорте, снижение зависимости от низкодоходного сектора.
3. Укрепление устойчивости к внешним шокам за счёт диверсификации товарных потоков и внутреннего производства.
4. Цифровизация внешней торговли, внедрение умных логистических систем и электронных платформ для международной торговли.

Таким образом, Китай способен сохранять и укреплять свои позиции в мировой торговле товарами, несмотря на внешние вызовы, за счёт стратегического планирования.

6. Заключение

В данной статье проведён анализ роли Китая в мировой торговле товарами в XXI веке. Рассмотрены динамика внешней торговли, товарная структура экспорта и импорта, а также факторы, способствующие укреплению позиций Китая на мировом рынке.

Основные выводы исследования заключаются в следующем:

1. Рост участия Китая в мировой торговле. С начала XXI века доля Китая в мировом экспорте и импорте товаров значительно увеличилась, что подтверждается данными Всемирной торговой организации и Всемирного банка [6; 8]. Китай стал крупнейшим мировым экспортёром и одним из ведущих импортёров, что делает его системообразующим игроком на глобальном рынке.

2. Товарная структура внешней торговли. Экспорт Китая преимущественно представлен высокотехнологичными и промышленными товарами — электроникой, машиностроением, текстилем. Импорт ориентирован на сырьё и промежуточные товары, необходимые для производственного сектора [6; 8]. Такая структура отражает стратегию страны как глобального производственного центра и её интеграцию в международные цепочки добавленной стоимости.

3. Факторы, влияющие на позиции Китая. Значительную роль играют государственная торгово-промышленная политика, участие в глобальных цепочках производства, развитие высоких технологий и инноваций, а также гибкая адаптация к внешнеэкономическим рискам [2; 4; 6].

4. Устойчивость внешней торговли. Несмотря на мировые экономические кризисы, торговые войны и пандемию COVID-19, Китай сохраняет высокие темпы экспорта и импорта, что свидетельствует о стратегической устойчивости экономики и диверсификации торговых партнёров [2; 6; 8].

На основании проведённого анализа можно сделать вывод, что Китай занимает ключевую роль в мировой торговле товарами, а его влияние на глобальные товарные потоки продолжит расти. В дальнейшем укрепление позиций Китая будет связано с увеличением доли высокотехнологичной продукции, дальнейшей интеграцией в международные производственные цепочки и расширением торговых связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, Европы и Африки.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на оценку влияния торговых войн, новых экономических союзов и изменения мировой логистической инфраструктуры на позиции Китая в международной торговле товарами.

Рекомендации по улучшению позиций Китая в мировой торговле

На основе проведённого анализа можно предложить следующие рекомендации:

1. Дальнейшая диверсификация экспортных рынков. Расширение торговли с регионами Африки, Латинской Америки и стран АСЕАН позволит снизить зависимость от отдельных партнёров и уменьшить риски торговых войн.

2. Увеличение доли высокотехнологичной продукции в экспорте. Акцент на разработку и производство инновационных товаров, робототехники, электроники и медицинского оборудования повысит добавленную стоимость экспорта и укрепит позиции на мировом рынке.

3. Развитие «зелёной» и устойчивой промышленности. Внедрение экологически чистых технологий, энергоэффективных производственных процессов и «зелёной» логистики позволит улучшить имидж Китая как ответственного торгового партнёра и привлечь дополнительные инвестиции.

4. Цифровизация внешней торговли. Активное внедрение электронных платформ, умной логистики и систем аналитики данных ускорит торговые процессы и повысит эффективность взаимодействия с зарубежными партнёрами.

5. Укрепление внутреннего рынка и производственной инфраструктуры. Повышение уровня внутреннего потребления, развитие логистики и модернизация производства обеспечат стабильность экономики и устойчивость к внешним шокам.

Литература:

1. Frieden M. Globalization and its impact on World Trade. — Cambridge: Cambridge University Press, 2020.
2. Krugman P. R. International Economics: Theory and Policy. — 11th ed. — Boston: Pearson Education, 2018.
3. Авдокушин Е. Ф. Международная торговля: теория и практика. — М.: Инфра-М, 2021.
4. Портяков В. Я. Экономическая стратегия Китая в XXI веке // Вестник международной экономики. — 2019. — №4. — С. 15-27.
5. World Trade Organization (WTO). World Trade Statistical Review 2024. — Geneva: WTO, 2024.
6. UN Comtrade Database. United Nations commodity trade statistics database [Электронный ресурс]. — URL: <https://comtrade.un.org> (дата обращения: 10.01.2026).
7. World Bank. World Development Indicators 2025. — Washington, DC: World Bank, 2025.
8. Lardy N. R. The State Strikes Back: The End of Economic Reform in China? — Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2019.
9. OECD. OECD Economic Surveys: China 2023. — Paris: OECD Publishing, 2023.
10. Huang Y. Capitalism with Chinese Characteristics: Entrepreneurship and the State. — Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
11. Chin G. T. China and the Global Trading System. — London: Routledge, 2021.
12. Багдасаров В. А. Китай в мировой экономике: внешнеэкономическая стратегия и глобальная роль // Вестник РАН. — 2022. — №3. — С. 45-59.
13. Zhang X., Wang H. China's trade policy and global value chains // Journal of International Trade & Economic Development. — 2020. — Vol. 29 (6). — P. 755-773.
14. Subramanian A., Wei S. The WTO and China's Trade Performance // World Bank Economic Review. — 2017. — Vol. 31 (1). — P. 1-30.
15. Baldwin R., Evenett S. COVID-19 and Trade Policy: From Temporary Shocks to Long-Term Restructuring. — London: CEPR Press, 2020.
16. Liu W., Dunford M. Inclusive Globalization: Unpacking China's Belt and Road Initiative. — Cambridge: Cambridge University Press, 2016.
17. China Customs Statistics. China Import and Export Trade Statistics 2023 [Электронный ресурс]. — URL: <http://english.customs.gov.cn/statistics> (дата обращения: 10.01.2026).

Пудовкин Д.С.

аспирант

кафедра гражданского права и процесса

ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»

e-mail: dimastik73@gmail.com

Pudovkin D.S.

Postgraduate Student

Department of Civil Law and Procedure

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

КОМПЕНСАЦИОННЫЕ ФОНДЫ И СТРАХОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ДЕЛИКТОСПОСОБНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. Статья посвящена формированию механизмов финансовой гарантии деликтоспособности искусственного интеллекта как квазисубъекта права. Обосновывается необходимость обязательного страхования гражданской ответственности операторов высокорисковых систем ИИ на основе риск-ориентированного подхода с определением страхового случая и моделью прямого иска потерпевшего к страховщику. Раскрывается роль компенсационных фондов саморегулируемых организаций как резервного уровня коллективной ответственности профессионального сообщества при недостаточности страхового покрытия. Предлагается каскадная четырёхуровневая модель (оператор - страховщик - компенсационный фонд - регресс к разработчику), обеспечивающая как реальную защиту прав потерпевших, так и справедливое распределение убытков.

Ключевые слова: искусственный интеллект, автономные системы, страхование ответственности, оператор, страховщик, компенсация, квазисубъект.

COMPENSATION FUNDS AND CIVIL LIABILITY INSURANCE AS TOOLS FOR IMPLEMENTING THE TORT CAPACITY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Abstract. This article explores the development of financial guarantee mechanisms for the tort liability of artificial intelligence as a quasi-legal entity. It substantiates the need for mandatory civil liability insurance for operators of high-risk AI systems based on a risk-based approach, defining an insured event, and facilitating a direct claim by the injured party against the insurer. The role of compensation funds of self-regulatory organizations as a reserve level of collective liability for the professional community in the event of insufficient insurance coverage is explored. A cascade four-tier model (operator – insurer – compensation fund – recourse to the developer) is proposed, ensuring both the effective protection of injured party rights and the equitable distribution of losses.

Keywords: artificial intelligence, autonomous systems, liability insurance, operator, insurer, compensation, quasi-entity.

Развитие автономных систем искусственного интеллекта (ИИ) ставит перед цивилистикой нетривиальную задачу: обеспечение возмещения вреда, причинённого действиями алгоритма, не обладающего собственной имущественной обособленностью и сознательной волей. Классические механизмы деликтной ответственности, ориентированные на наличие причинителя вреда как субъекта

права с имущественной массой, оказываются неприменимы к ситуациям, когда непосредственным источником повреждений выступает самообучающаяся система.

Предлагаемая в доктрине конструкция квазисубъектности ИИ предполагает наделение системы специальной деликтоспособностью - способностью быть носителем специфических обязанностей алгоритмического характера и выступать условным ответчиком. Однако эта способность остаётся абстракцией без создания реальных финансовых механизмов, гарантирующих потерпевшим компенсацию. Именно поэтому центральной проблемой становится трансформация «специальной деликтоспособности» ИИ в действующую правовую модель, где за квазисубъектом стоят обеспеченные обязательства контролирующих лиц.

Обязательное страхование гражданской ответственности операторов высокорисковых систем искусственного интеллекта выступает базовым уровнем предлагаемой каскадной модели финансовых гарантий. Его функциональное назначение - обеспечить реальную компенсацию вреда потерпевшим в тех случаях, когда непосредственный причинитель (автономная система ИИ) не обладает собственной имущественной массой, а её оператор, извлекающий полезный эффект от использования технологии, может оказаться недостаточно платёжеспособным для покрытия крупного ущерба.

Ключевым методологическим ориентиром при конструировании системы обязательного страхования выступает риск-ориентированный подход, заложенный в Регламенте Европейского Союза об искусственном интеллекте (AI Act). В основе этого подхода лежит дифференциация систем ИИ по уровню создаваемого ими риска: чем выше риск, тем строже регуляторные требования. Согласно AI Act, система признаётся высокорисковой, если она соответствует определённым критериям, установленным в статье 6, либо включена в перечень Приложения III, куда входят, в частности, системы, используемые для оценки кредитоспособности, страхования жизни и здоровья, управления критической инфраструктурой, а также в сфере правосудия и трудоустройства [1]. Логическим развитием этого подхода является установление для операторов (пользователей) высокорисковых систем обязанности по страхованию своей гражданской ответственности.

В Российской Федерации основы риск-ориентированного регулирования ИИ были заложены ещё в Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники, утверждённой распоряжением Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р. Данная Концепция, разработанная в соответствии с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, прямо предусматривает необходимость формирования страховых институтов для покрытия рисков, связанных с применением систем ИИ, и закрепляет принцип, согласно которому ограничительные нормы принимаются лишь в случае, если применение технологий ИИ несёт объективно высокий риск причинения вреда [2]. На реализацию этих положений направлены последующие нормативные инициативы. Так, в июле 2024 года был подписан Федеральный закон от 08.07.2024 № 169-ФЗ, закон-спутник, вводящий обязательное страхование рисков причинения вреда при использовании систем на базе ИИ в рамках экспериментальных правовых режимов (ЭПР) [3]. Кроме того, президент РФ поручил правительству ввести страхование ответственности за возможный ущерб, причинённый при использовании ИИ, завершив соответствующую работу в период осенней сессии парламента. На необходимость скорейшего внедрения механизмов обязательного страхования роботов и систем ИИ указывает и профессиональное сообщество. В частности, глава Всероссийского союза страховщиков (ВСС) Евгений Уфимцев отметил, что «роботоответственность» должна быть введена по отдельным направлениям в обязательном порядке, а правила страхования - стандартизированы по аналогии с ОСАГО [4].

Центральным элементом правового механизма обязательного страхования является формулировка страхового случая. Исходя из специфики деликтоспособности ИИ, страховым случаем должно

признаваться наступление гражданской ответственности оператора за причинение вреда жизни, здоровью или имуществу третьих лиц, а также имуществу государства или муниципальных образований, в результате функционирования (действий, решений или бездействия) системы искусственного интеллекта. Как показывает практика внедрения обязательного страхования в экспериментальных правовых режимах, полис покрывает ущерб имуществу, а также вред жизни и здоровью, при этом лимиты выплат за ущерб жизни и здоровью определены в размере 3 млн рублей [3]. При этом ответственность оператора (а, следовательно, и страховщика) может строиться на началах риска, то есть без необходимости доказывания его вины, что адекватно природе вреда, причиняемого автономными самообучающимися системами, где установление вины в форме умысла или небрежности затруднительно либо невозможно.

Для обеспечения баланса интересов и предотвращения злоупотреблений в правилах страхования необходимо детально регламентировать исключения, при которых страховщик вправе отказать в выплате, с последующим регрессным требованием к оператору. К таким исключениям могут относиться: умышленные действия оператора, направленные на причинение вреда с использованием ИИ; использование системы в целях, явно выходящих за пределы её функционального назначения; эксплуатация системы с известными оператору критическими дефектами или без прохождения обязательных обновлений безопасности; несоблюдение установленных требований к квалификации персонала, взаимодействующего с системой ИИ. В этих случаях страховщик, осуществивший выплату потерпевшему, приобретает право регрессного требования к оператору в размере произведённой компенсации.

Для обеспечения максимальной защиты прав потерпевших представляется эффективным заимствование конструкции, успешно работающей в сфере обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО). В рамках данной модели страховой полис станет обязательным документом для легальной эксплуатации высокорисковой системы ИИ; потерпевший получит право предъявить требование о возмещении вреда непосредственно страховой компании оператора, минуя стадию взыскания с самого причинителя вреда; бремя доказывания наличия страхового случая и размера вреда ложится на потерпевшего, при этом ответственность оператора (а, следовательно, и страховщика) может строиться на началах риска. Страховщики, в свою очередь, указывают на необходимость выработки стандартных правил страхования, подобных ОСАГО, для определения ответственности в случаях, например, ДТП с участием роботизированного такси. Такой подход значительно ускоряет процедуру компенсации, что критически важно в ситуациях, связанных с причинением вреда жизни и здоровью.

Обязательное страхование ответственности операторов, будучи первым уровнем защиты прав потерпевших, не может считаться универсальным и достаточным инструментом. Потенциально катастрофический масштаб вреда от сложных автономных систем, способных причинить ущерб одновременно неограниченному кругу лиц (например, при сбое в управлении критической инфраструктурой или массовом ДТП с участием беспилотного транспорта), означает, что даже крупные страховые выплаты могут оказаться недостаточными. Более того, страховщик вправе отказать в выплате при наличии законных оснований (например, при грубой неосторожности самого оператора). В этих ситуациях на первый план выходит компенсационный фонд - коллективный резерв профессионального сообщества, формируемый на основе саморегулирования и выступающий в качестве третьего (резервного) уровня каскадной модели ответственности [5].

Компенсационный фонд представляет собой обособленное имущество, принадлежащее юридическому лицу (ассоциации, союзу) на праве собственности, но обладающее строго целевым назначением. Его функциональное предназначение в сфере ИИ может заключаться в обеспечении

возмещения вреда в двух случаях: во-первых, когда пределов страховой суммы по обязательному страхованию ответственности оператора недостаточно для покрытия всего причинённого ущерба; во-вторых, когда ответственность оператора не была застрахована (несмотря на установленную законом обязанность) или страховщик правомерно отказал в выплате, а виновное лицо (оператор или разработчик) не обладает необходимыми средствами для самостоятельной компенсации. В этом смысле компенсационный фонд выступает материальной реализацией принципа коллективной (солидарной или субсидиарной) ответственности профессионального сообщества за риски, порождаемые его деятельностью.

Наиболее адекватной правовой конструкцией для создания такого фонда в сфере ИИ является модель компенсационного фонда саморегулируемой организации (СРО). Данный институт хорошо разработан в российском праве и успешно применяется в ряде отраслей, в частности в строительстве и проектировании. Ключевые параметры его формирования и функционирования могут быть заимствованы из Градостроительного кодекса РФ и адаптированы к специфике ИИ.

Так, например, формирование фонда будет осуществляться исключительно за счёт единовременных и последующих целевых взносов членов СРО (операторов и/или разработчиков высокорисковых систем ИИ). Закон должен установить минимальный размер взноса на одного члена и минимальный совокупный размер фонда. В строительной отрасли, например, размер взноса дифференцируется в зависимости от уровня ответственности (максимальной стоимости контрактов) - от 100 тыс. до 5 млн рублей в фонд возмещения вреда. Для сферы ИИ аналогичное деление может основываться на категории риска системы: чем выше риск, тем больше взнос.

Членство в СРО (и обязанность уплаты взноса в фонд соответственно) должно быть обязательным условием для допуска к деятельности по эксплуатации или разработке высокорисковых систем ИИ. При этом, не допускается освобождение члена СРО от обязанности внесения взноса, уплата взноса третьими лицами или его внесение в рассрочку. Это обеспечит финансовую устойчивость фонда с момента создания.

Важно отметить, что идея создания специализированных компенсационных механизмов для сферы ИИ уже находит поддержку на экспертном уровне. Так, члены Комиссии по правовому обеспечению цифровой экономики Московского отделения Ассоциации юристов России предлагают создать специальный фонд для выплаты компенсаций гражданам в случае причинения вреда в ходе экспериментального использования систем искусственного интеллекта. Это свидетельствует о признании профессиональным сообществом необходимости дополнительных гарантий защиты прав потерпевших помимо обязательного страхования [6].

Выплата потерпевшему из компенсационного фонда должна носить субсидиарный характер. То есть требование к СРО может быть предъявлено только при одновременном соблюдении трёх условий: 1) наличие вступившего в законную силу судебного решения о взыскании вреда с конкретного члена СРО (оператора или разработчика ИИ); 2) недостаточность страхового возмещения по полису обязательного страхования для покрытия всего вреда; 3) неудовлетворение требования к самому причинителю вреда в установленный срок (например, в связи с его банкротством или отсутствием имущества). СРО обязана рассмотреть обоснованное требование и осуществить выплату в установленный законом короткий срок (например, 60 дней) или дать мотивированный отказ.

Для внедрения аналогичного механизма в сфере ИИ необходимо создание профессиональных СРО операторов и разработчиков высокорисковых систем ИИ, деятельность которых будет лицензироваться государством при условии формирования компенсационного фонда; закрепление в законе субсидиарной ответственности СРО по обязательствам своих членов, возникшим вследствие причинения вреда системами ИИ; установление ясной процессуальной процедуры предъявления требований к фонду,

исключающей злоупотребления и обеспечивающей быстрое возмещение. В этом контексте важную роль играет активизация самого института саморегулирования. Как отмечает А.И. Медведев, создание саморегулируемых организаций в сфере ИИ необходимо для обеспечения прозрачности систем и технологий, основанных на искусственном интеллекте. Разработка таких СРО станет важным шагом на пути к формированию ответственного и предсказуемого рынка ИИ-технологий [7].

Страхование ответственности оператора и компенсационный фонд СРО, будучи последовательными уровнями финансовой защиты потерпевших, не решают окончательно вопрос о справедливом распределении убытков. Эти механизмы лишь аккумулируют средства для оперативной компенсации вреда, но не определяют, кто именно должен нести конечное экономическое бремя. Ответ на этот вопрос даёт регресс - институт, позволяющий лицу, возместившему вред, предъявить обратное требование к тому, кто действительно является причинителем убытков. В предлагаемой каскадной модели регресс выполняет функцию «замыкающего звена», обеспечивая конечное возложение ответственности на виновное лицо и создавая стимулы для соблюдения стандартов безопасности и качества.

Предлагаемая система ответственности за вред, причинённый системами ИИ, имеет многоуровневую структуру, последовательно вовлекающую в орбиту компенсации всех связанных с технологией лиц. Первым уровнем выступает оператор (пользователь) системы ИИ, который несёт ответственность перед потерпевшим по принципу повышенной опасности (по аналогии со ст. 1079 ГК РФ). Для обеспечения финансовой исполнимости этой обязанности оператор высокорисковой системы обязан застраховать свою гражданскую ответственность, что делает страховщика вторым уровнем модели. Однако, учитывая потенциально катастрофический масштаб вреда от сложных автономных систем, даже страхового покрытия может оказаться недостаточно, либо страховщик может правомерно отказать в выплате при наличии установленных законом исключений. В этих случаях вступает в действие третий уровень - компенсационный фонд СРО, который осуществляет субсидиарные выплаты потерпевшим.

Четвёртый, завершающий уровень модели - это регрессная ответственность разработчика. После того как вред компенсирован потерпевшему за счёт средств страховщика или фонда, эти субъекты получают право обратного требования к разработчику системы ИИ, если будет доказано, что причинение вреда стало прямым следствием существенных дефектов в проектировании, алгоритмах или исходных данных, заложенных на этапе создания системы.

В российском законодательстве общее правило о регрессе закреплено в статье 1081 ГК РФ, в соответствии с содержанием которой лицо, возместившее вред, причинённый другим лицом, имеет право обратного требования (регресса) к этому лицу в размере выплаченного возмещения. Более детальное регулирование содержится в отраслевом законодательстве, в частности в статье 14 Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», где установлен исчерпывающий перечень оснований, при которых страховщик, осуществивший страховое возмещение, вправе предъявить регрессное требование к лицу, причинившему вред [8]. Именно эта модель - с чётко определёнными, исчерпывающими основаниями регресса - представляется наиболее адекватной для адаптации к сфере ответственности за вред, причинённый системами ИИ.

Применительно к сфере ИИ регресс становится инструментом, опосредующим специальную деликтоспособность квазисубъекта, позволяя финансово ответственным перед потерпевшим лицам (страховщику, оператору) взыскать понесённые расходы с разработчика, чьи действия или бездействие привели к созданию дефектной, опасной системы. В литературе выделяются три группы причин возникновения вреда при использовании ИИ: порок базы знаний (например, использование некачественных, предвзятых или незаконно полученных данных для обучения), порок нейросети

(дефекты самой архитектуры и алгоритмов системы) и порок пользования (некорректная эксплуатация системы оператором) [9]. Именно первые две группы причин, связанные с качеством самой системы, должны влечь регрессную ответственность разработчика.

К числу конкретных оснований для предъявления регрессного требования к разработчику могут быть отнесены: разработка и передача оператору системы с заведомыми конструктивными или программными дефектами, которые привели к причинению вреда; непредоставление оператору критически важных обновлений безопасности или информации об известных рисках эксплуатации системы; сознательное несоблюдение утверждённых стандартов безопасности и этики ИИ в процессе разработки; введение оператора в заблуждение относительно возможностей и ограничений системы, повлиявшее на возникновение вреда.

Помимо компенсационной функции, регресс выполняет мощную превентивную роль, создавая для разработчиков экономический стимул к соблюдению высочайших стандартов качества и безопасности при создании автономных систем. Перспектива регрессных исков на сумму, многократно превышающую стоимость разработки, заставляет создателей ИИ вкладывать средства в тестирование, валидацию и постоянное совершенствование своих продуктов. Регрессный механизм по сути своей замыкает цикл перераспределения гражданско-правовой ответственности в треугольнике «разработчик - оператор (страховщик) - потерпевший». Он гарантирует, что окончательное финансовое бремя ляжет на того субъекта, чья виновная деятельность при создании технологического квазисубъекта - системы искусственного интеллекта - привела к реализации гражданско-правового риска. Это не только обеспечивает принцип справедливости, но и выполняет превентивную функцию, создавая для всех участников рынка мощные экономические стимулы к соблюдению высочайших стандартов безопасности и качества.

Литература

1. Rolecki J.J. Is Insurtech a High-Risk Application of AI? // Varnum. 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.varnumlaw.com/insights/is-insurtech-a-high-risk-application-of-ai/> (дата обращения: 12.02.2026).
2. Правительство РФ. Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года: распоряжение от 19.08.2020 № 2129-р. [Электронный ресурс]. URL: <https://d-russia.ru/podrobnее-o-pravitelstvennoj-koncepcii-regulirovanija-otnoshenij-voznikajushhih-v-svjazi-s-ii.html> (дата обращения: 10.02.2026).
3. Сборы по страхованию рисков ИИ в экспериментальных проектах по новому закону в РФ в 2025 г. Составят сотни миллионов рублей // Информационный портал Страховой группы «СОГАЗ». 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sogaz.ru/sogaz/pressroom/aboutus/860296/> (дата обращения: 15.02.2026).
4. ВСС заявил о необходимости введения обязательного страхования роботов и ИИ-машин // ТАСС. 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.insur-info.ru/press/205029/> (дата обращения: 15.02.2026).
5. Компенсационные фонды СРО: зачем они нужны // Образовательная академия. [Электронный ресурс]. URL: <https://1-academy.ru/articles/sro/kompensatsionnye-fondy-zachem-oni-nuzhny/> (дата обращения: 07.04.2026).
6. Члены Комиссии по правовому обеспечению цифровой экономики МО АЮР предлагают создать фонд для выплаты компенсаций гражданам в том случае, если в ходе экспериментального использования систем искусственного интеллекта будет причинен вред // Московское отделение

Ассоциации юристов России. [Электронный ресурс]. URL: <http://alrf.msk.ru/2021/12/09/moskovskoe-ordinarnoe-sobranie-ayur/> (дата обращения: 07.03.2026).

7. Медведев А.И. Саморегулирование как инструмент обеспечения прозрачности искусственного интеллекта // Предпринимательское право. 2025. № 3. С. 40-43. DOI: 10.18572/1999-4788-2025-3-40-43.

8. Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // СПС «ГАРАНТ». [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/184404/888134b28b1397ffae87a0ab1e117954/#block_14 (дата обращения: 14.03.2026).

9. Каморный В.С. Субъекты ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом, в сфере биоправ и биотехнологий // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 11. С. 20-23. DOI: 10.18572/1813-1247-2025-11-20-23.

Белова Д.И.

магистрант

ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет»

Vladivostok State University

Belova D.I.

Master's student

Vladivostok State University

КИБЕРБУЛЛИНГ КАК ВЫЗОВ УГОЛОВНО–ПРАВОВОЙ ДОГМАТИКЕ: ПОИСК БАЛАНСА МЕЖДУ СВОБОДОЙ СЛОВА И ЗАЩИТОЙ ЛИЧНОСТИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Аннотация. В статье исследуется кибербуллинг как деяние, не охватываемое традиционными составами преступлений против чести, достоинства и психической неприкосновенности. Цель – обосновать внедрение в российское уголовное законодательство специального состава, отражающего концепцию «цифрового психологического насилия». Материалами послужили нормы уголовного права России, Германии, Великобритании, а также законодательство отдельных штатов США, судебная практика, статистические данные и законопроекты, внесённые в Государственную Думу Российской Федерации. Методологическую основу составили сравнительно–правовой, догматический, а также анализ правоприменительной практики. Результаты: выявлены пробелы российского законодательства: отсутствие легального определения кибербуллинга, специального состава преступления и эффективных процессуальных механизмов идентификации анонимного субъекта; обоснована необходимость закрепления статьи 115.1 в Уголовном кодексе Российской Федерации «Кибербуллинг» и статьи 5.61.2 в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, а также восстановительных программ для несовершеннолетних. Новизна заключается в нормативной конкретизации концепции «цифрового психологического насилия» через объективные критерии систематичности и существенного вреда психическому здоровью, позволяющие отграничить кибербуллинг от смежных деликтов и соблюсти баланс со свободой слова.

Ключевые слова: кибербуллинг, цифровое психологическое насилие, уголовно–правовая догматика, криминализация, свобода слова, психическая неприкосновенность, сравнительное правоведение.

CYBERBULLYING AS A CHALLENGE TO CRIMINAL LAW DOCTRINE: FINDING A BALANCE BETWEEN FREEDOM OF SPEECH AND PERSONAL PROTECTION IN THE DIGITAL AGE

Abstract. The article examines cyberbullying as an act that is not covered by traditional crimes against honor, dignity, and mental integrity. The goal is to justify the introduction of a special crime in Russian criminal legislation that reflects the concept of "digital psychological violence." The article uses the norms of criminal law in Russia, Germany, and the United Kingdom, as well as the legislation of individual US states, court practices, statistical data, and bills submitted to the State Duma of the Russian Federation. The methodology includes comparative legal analysis, dogmatic analysis, and analysis of law enforcement practices. Results: gaps in Russian legislation have been identified, including the lack of a legal definition of cyberbullying, a specific crime, and effective procedural mechanisms for identifying anonymous subjects. The study also highlights the need for the inclusion of Article 115.1 in the Criminal Code of the Russian Federation, which addresses cyberbullying, and Article 5.61.2 in the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, as well as the

implementation of restorative programs for minors. The novelty lies in the normative specification of the concept of "digital psychological violence" through objective criteria of systematicity and significant harm to mental health, which allow for distinguishing cyberbullying from related torts and maintaining a balance with freedom of speech.

Keywords: cyberbullying, digital psychological violence, criminal law dogmatics, criminalization, freedom of speech, mental integrity, comparative law.

Введение

Цифровая трансформация социальных коммуникаций, сопровождающаяся существенным ростом пользовательской активности в информационно–телекоммуникационных сетях, детерминировала возникновение новых форм девиантного поведения, одной из которых выступает кибербуллинг. Согласно данным исследования платформы «ВКонтакте» (2023 г.), более 30% российских пользователей становились объектом онлайн–травли, при этом троллинг как разновидность киберагрессии затронул 65% респондентов [1]. Официальное признание государством социальной значимости проблемы нашло отражение в методических рекомендациях Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по профилактике буллинга, обозначениях в письме от 13.12.2022 г. № МН–6/1873 [2].

Вместе с тем уголовно–правовая реакция на кибербуллинг характеризуется фрагментарностью и отсутствием системного подхода. Ключевая проблема состоит в неопределённости юридической природы данного феномена: является ли кибербуллинг совокупностью традиционных противоправных деяний (клеветы, оскорбления, угроз) либо образует самостоятельный состав с качественно иной степенью общественной опасности. Отсутствие легальной дефиниции и специального состава преступления порождает правовую неопределённость, создаёт пробелы в правоприменении и не позволяет в полной мере реализовать позитивные обязательства государства по защите личности от цифрового психологического насилия.

Цель исследования представляет собой разработку и теоретическое обоснование модели уголовно–правового противодействия кибербуллингу, основанной на концепции «цифрового психологического насилия», с учётом зарубежного законодательного опыта и требований баланса между свободой слова и охраной психической неприкосновенности личности.

Материальную базу исследования составили: Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), Уголовный кодекс Германии (§§ 185, 238 StGB) (далее – УК Германии), Закон о вредных цифровых коммуникациях 2015 г. (Новая Зеландия), Законы о коммуникациях 2003 г. и о злонамеренных коммуникациях 1988 г. (Великобритания), законодательство штатов Калифорния (Penal Code § 653.2), Техас (Penal Code § 42.07 и David's Law) [15] и Нью–Йорк (США), данные ВЦИОМ (2025), законопроекты, внесённые в Государственную Думу Российской Федерации в 2024–2025 гг., а также доктринальные источники.

Методологический инструментарий включает: сравнительно–правовой метод (сопоставление юрисдикционных моделей криминализации), формально–догматический (анализ юридических конструкций), герменевтический (толкование правовых норм), системно–структурный (выявление взаимосвязей между составами) и метод правового моделирования (разработка проектных норм).

Результаты исследования и их обсуждение.

1. Докматические подходы к квалификации кибербуллинга: критический анализ

В доктрине уголовного права и законодательной практике сложились три основных подхода к противодействию кибербуллингу.

Первый подход: расширительное толкование традиционных составов (Германия, Россия). В Германии деяния квалифицируются по § 185 StGB (оскорбление) и § 238 StGB (преследование) [4]. Судебная практика (BGH, Urteil vom 12.03.2019 – 5 StR 567/18) признаёт, что психологическое воздействие через цифровые средства может приравниваться к физическому преследованию. В России отдельные проявления кибербуллинга подпадают под ст. 5.61 КоАП РФ (оскорбление), ст. 128.1 УК РФ (клевета), ст. 119 УК РФ (угроза убийством), ст. 110.1 УК РФ (доведение до самоубийства) [5].

Минус данного подхода в том, что он не способен охватить эффект систематичности, когда вред от дпящегося психологического давления превышает сумму полученного вреда от каждого отдельного акта. Кроме того, отсутствует единая теоретическая основа для квалификации кибербуллинга как самостоятельного деяния, что ведёт к правовой неопределённости.

Второй подход: создание синтетического (композитного) состава. Преимущество заключается в учёте комплексного характера вреда. Однако возникают догматические трудности: размывается родовый объект, усложняется определение момента окончания дпящегося преступления, появляется риск нарушения принципа «*nullum crimen sine lege certa*», т.е. определённости уголовного закона.

Третий подход: введение специальных «модельных» составов на уровне штатов США (например, в Калифорнии – Penal Code § 653.2 [8]). Законодатель максимально точно отражает специфику цифровой среды: анонимность, повторяемость, использование фейковых аккаунтов. Недостатком является фрагментарность и неравенство правовой защиты между штатами, а также повышенные требования к доказыванию субъективного умысла (*mens rea*).

2. Сравнительный анализ зарубежных моделей

Проведённое сравнение по пяти критериям (специальная криминализация, структура регулирования, механизм доказывания, ответственность платформ, профилактика и медиация) позволило выявить следующие закономерности.

США. Специальная криминализация отсутствует на федеральном уровне, но реализована на уровне штатов: к 2024 г. 48 штатов приняли законы, прямо криминализирующие кибербуллинг (например, Penal Code § 653.2 Калифорнии [8]). Структура регулирования децентрализованная, что порождает неравенство в защите и сложности при трансграничных инцидентах. Доказывание умысла существенно усложнено и требует подтверждения субъективного намерения причинить вред (*mens rea*). Ответственность платформ ограничена иммунитетом Section 230 Communications Decency Act [9]. Профилактические меры развиты ограниченно, в основном в виде школьных политик.

Германия. Специальные составы, посвящённые кибербуллингу, отсутствуют. Правоприменители адаптируют традиционные нормы: § 185 StGB (оскорбление) и § 238 StGB (преследование) [4]. Структура регулирования централизованная (федеральный УК и Закон о телемедиа). Доказывание осложнено необходимостью идентификации анонимного виновного (фейковые аккаунты, VPN) и подтверждения умысла на унижение или запугивание. Ответственность платформ закреплена в § 7 Telemediengesetz (система notice-and-takedown) [10]. Профилактика и медиация не являются системным приоритетом.

Великобритания. Имеется специальный закон: Communications Act 2003 (с поправками Serious Crime Act 2021) прямо криминализирующие отправку грубых, оскорбительных или угрожающих сообщений в интернете [11]. Структура регулирования централизованная. Доказывание упрощено, достаточно установить факт отправки такого сообщения и его направленность на причинение беспокойства или страданий; умысел презюмируется из характера сообщения. Ответственность платформ реализуется через судебные приказы об удалении контента (*restraining orders*). Наиболее развитая система профилактики и медиации: специализированные организации (Kidscape, Childline), программы восстановительного правосудия (Youth Justice Board), обязательные школьные политики и образовательные модули по цифровой грамотности.

Таблица 1. Сравнительный анализ подходов к криминализации кибербуллинга

Критерий	США	Германия	Великобритания
Специальная криминализация	Частично (40 штатов из 50)	Отсутствует	Присутствует (Communications Act 2003)
Структура регулирования	Децентрализованная	Централизованная (федеральный УК)	Централизованная
Доказывание умысла	Сложное (требование <i>mens rea</i> по <i>Elonis</i>)	Сложное (идентификация анонимного лица)	Упрощённое (достаточно факта отправки оскорбительных сообщений)
Ответственность интернет-платформ	Ограничена (Section 230 CDA)	Предусмотрена (§ 7 TMG, система <i>notice-and-takedown</i>)	Присутствует (судебные приказы об удалении)
Профилактика и медиация	Ограниченно (школьные политики)	Не являются системным приоритетом	Развитая система (Kidscape, Childline, <i>restorative justice</i>)

Источник: составлено авторами

Наиболее сбалансированной представляется британская модель, сочетающая уголовно-правовые запреты с внесудебными восстановительными процедурами. Однако её прямая имплементация в российскую правовую систему затруднена в силу различий в правовой культуре и уровне развития институтов гражданского общества.

3. Пробелы российского уголовного законодательства в сфере противодействия кибербуллингу

На основе проведённого анализа выделены следующие пробелы.

Догматический пробел: отсутствие легальной концепции «цифрового психологического насилия», позволяющей квалифицировать систематическое психическое давление как единое преступное деяние, а не совокупность административных правонарушений. Как справедливо отмечает М.И. Синяева, в цифровой среде «отсутствуют легитимные критерии определения момента окончания преступления и количественных параметров аудитории, достаточной для квалификации высказывания как «публичного» [12, с. 251]. Кроме того, традиционные лингвистические методики не учитывают поликодовый характер сообщений (сочетание текста, эмодзи, аудио и видео), что создаёт дополнительные сложности при установлении умысла [12, с. 253].

Нормативный пробел: отсутствие специального состава, криминализирующего создание фейкового аккаунта с целью травли, а также систематические действия, причиняющие существенный вред психическому здоровью.

Процессуальный пробел: отсутствие в УПК РФ упрощённых процедур получения сведений о пользователях у провайдеров и администраторов платформ на стадии доследственной проверки, что делает расследование затяжным и часто бесперспективным. М.И. Синяева указывает на отсутствие унифицированных подходов к сбору, фиксации и процессуальной легитимации цифровых доказательств, что затрудняет достоверное установление авторства и неизменности цифровых следов [12, с. 254].

Кроме того, анализ законодательных инициатив 2024–2025 гг. показывает их фрагментарность и отсутствие комплексного подхода. Так, законопроект, предложенный Государственной Думой Российской Федерации, ограничивается профилактическими мерами в школе, не вводя уголовной ответственности [13]. В свою очередь, законопроект ЛДПР предлагает лишь административные штрафы, неприменимые к несовершеннолетним [14].

4. Обоснование концепции «цифрового психологического насилия» и предлагаемые изменения в законодательство

Развивая теорию психической неприкосновенности личности, мы предлагаем рассматривать кибербуллинг как форму цифрового психологического насилия. Е.В. Бочкарева и Д.А. Стренин определяют кибербуллинг как «умышленное виновно совершенное действие или совокупность действий, направленных на психологическое подавление жертвы, причинение ей нравственных страданий, осуществляемых посредством электронных средств связи» [6, с. 92]. Согласно их исследованию, 70,9% опрошенных хотя бы раз подвергались кибербуллингу, причём наиболее частой формой был харрасмент (94,6% случаев) [6, с. 93].

Важным фактором уязвимости выступает зависимость от смартфона. Как показывает В.П. Шейнов, «зависимость от смартфона положительно связана... с опасностью стать жертвой кибербуллинга» [15, с. 245].

Баланс со свободой слова (ст. 29 Конституции РФ) обеспечивается введением объективных критериев: систематичность (не менее двух актов в течение шести месяцев) и наличие подтверждённого медицинским заключением существенного вреда психическому здоровью. Единичное высказывание, даже оскорбительное, не подпадает под действие предлагаемой нормы. Таким образом предлагается следующий проект статьи 115.1 Уголовного кодекса Российской Федерации «Кибербуллинг»:

УК РФ Статья 115.1. Кибербуллинг

1. Кибербуллинг, то есть систематическое унижение чести и достоинства лица, оказание на него психологического давления, сопряжённое с вторжением в его частную жизнь, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», и причинившие существенный вред психическому здоровью потерпевшего, –

наказывается штрафом в размере от двухсот тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период от одного года до двух лет, либо обязательными работами на срок до четырёхсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок до двух лет.

2. То же деяние, совершённое:

- а) в отношении несовершеннолетнего;
- б) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;
- в) с использованием поддельного лица или кражи личности (фейкового аккаунта);
- г) повлёкшее тяжкие последствия (тяжкий вред здоровью, самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего), –

наказывается лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на срок до трёх лет.

Примечание. Под систематичностью в настоящей статье понимается совершение двух и более актов кибербуллинга в течение шести месяцев.

Одновременно предлагается также дополнить КоАП РФ статьёй 5.61.2, устанавливающей административную ответственность за кибербуллинг без признаков уголовно наказуемого деяния (отсутствие существенного вреда психическому здоровью). Для несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 лет предусматривается обязательное применение восстановительных программ (медиация, заглаживание вреда).

Выводы

Кибербуллинг обладает своеобразием, не сводимым к совокупности традиционных составов (клевета, оскорбление, угрозы), что обуславливает необходимость его самостоятельной криминализации. Теоретическим фундаментом такой криминализации выступает концепция «цифрового

психологического насилия», акцентирующая охрану психической неприкосновенности личности в цифровой среде.

Сравнительно-правовой анализ демонстрирует, что оптимальной для России является интегративная модель: введение специального «модельного» состава в УК РФ (по аналогии с передовыми законодательными решениями штатов США) при одновременном развитии восстановительных и административных процедур (по британскому образцу). Предлагаемая редакция ст. 115.1 УК РФ и ст. 5.61.2 КоАП РФ позволяет дифференцировать ответственность в зависимости от тяжести последствий, возраста субъекта и наличия квалифицирующих признаков (фейковый аккаунт, групповая травля).

Для эффективной реализации предложенных норм необходимо внести изменения в УПК РФ, предусматривающие упрощённый порядок получения от провайдеров и платформ информации о пользователях, а также утвердить ведомственные методики фиксации цифровых доказательств (скриншоты, метаданные, IP-адреса), как это предлагается в доктрине [12, с. 254].

Литература:

1. Кибербуллинг в России: масштабы и формы / Исследование социальной сети «ВКонтакте» // ВКонтакте: официальный сайт. – URL: <https://vk.com/company/ru/esg/blog/11897/> (дата обращения: 28.03.2026).

2. О направлении методических рекомендаций по профилактике буллинга в образовательных организациях: письмо Министерства образования и науки Российской Федерации от 13.12.2022 г. № МН–6/1873 // Контур.Норматив: справочная система. – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=8&documentId=471767> (дата обращения: 01.04.2026).

3. Головненков П.В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: Strafgesetzbuch (StGB): научно-практический комментарий и перевод текста закона. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2021. – С. 494.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63–ФЗ (ред. от 20.02.2026) // КонсультантПлюс: справочная правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 05.04.2026).

5. Бочкарева Е.В., Стренин Д.А. Теоретико-правовые аспекты кибербуллинга // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15, № 1. – С. 91–97.

6. Harmful Digital Communications Act 2015 (Public Act, 2015 No. 63) // New Zealand Legislation: официальный сайт. – URL: <http://www.legislation.govt.nz> (дата обращения: 19.02.2026).

7. California Penal Code § 653.2 PC – Electronic Cyber Harassment Law in California // Shouselaw: официальный сайт. – URL: <https://www.shouselaw.com/ca/defense/penal-code/653-2/> (дата обращения: 21.02.2026).

8. 47 U.S. Code § 230 – Protection for private blocking and screening of offensive material // Cornell Law School: официальный сайт. – URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/47/230> (дата обращения: 21.02.2026).

9. Telemediengesetz Abschnitt 3 – Verantwortlichkeit (§§ 7–10) // Dejure: официальный сайт. – URL: <https://dejure.org/gesetze/TMG/7.html> (дата обращения: 23.02.2026).

10. Communications Act 2003 (Chapter 21, as updated up to March 19, 2021) // WIPO Lex: официальный сайт. – URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/20893> (дата обращения: 23.02.2026).

11. Синяева М.И. Некоторые проблемы уголовно-правовой квалификации речевой агрессии молодежи в цифровой среде // Вестник Томского государственного университета. – 2025. – № 517. – С. 249–255.

12. В Думе предложили «курс исправления» для школьных буллеров и их родителей // РБК: официальный сайт. – URL: <https://www.rbc.ru/society/22/09/2024/66ed88bf9a79473763592490> (дата обращения: 06.02.2026).

13. Границу между критикой и буллингом провести сложно // Коммерсант: официальный сайт. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8270997> (дата обращения: 06.02.2026).

14. Шейнов В.П. Взаимосвязи зависимости от смартфона с психологическими и социально–психологическими характеристиками личности: обзор зарубежных исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2021. – Т. 18, № 1. – С. 235–253.

Авакян Э.Г.

магистрант

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева» (г. Симферополь)

e-mail: emma.avakyan.2016@gmail.com

научный руководитель – доктор юридических наук, профессор
профессор кафедры гражданского и арбитражного судопроизводства

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева» (г. Симферополь)

Т.Т. Алиев

Avakian E.G.

Master's Student

Crimean branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev
scientific director – Doctor of Law, Professor

Professor of the Department of Civil and Arbitration Procedure

Crimean branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

Aliiev T.T.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ЗАКРЫТЫХ СУДЕБНЫХ ЗАСЕДАНИЙ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В статье исследуются процессуальные особенности проведения закрытых судебных заседаний в гражданском судопроизводстве Российской Федерации. Подчеркивается организационный характер закрытого режима, не влияющий на структуру процессуальной формы и не снижающий уровня процессуальных гарантий участников процесса. Особое внимание уделяется мотивированности судебного определения о закрытии заседания, порядку допуска лиц, обязательству предупреждения о недопустимости разглашения сведений и вопросам фиксации судебного заседания. Предлагается в ч.3 ст.10 ГПК РФ конкретизировать нормы, согласно которым лицо, нарушившее правила разглашения информации, будет привлечено к ответственности.

Ключевые слова: гласность правосудия; закрытое судебное заседание; процессуальная форма; процессуальные гарантии; конфиденциальная информация.

PROCEDURAL FEATURES OF CONDUCTING CLOSED COURT SESSIONS IN CIVIL PROCEEDINGS

Abstract. The article examines the procedural features of conducting closed court hearings in civil proceedings of the Russian Federation. It emphasizes the organizational nature of the closed hearing regime, which does not affect the structure of the procedural form nor diminish the level of procedural safeguards afforded to the parties. Special attention is given to the requirement of a reasoned judicial ruling on holding a closed hearing, the procedure for admitting participants, the obligation to warn against the disclosure of confidential information, and the rules governing the recording of the court session. It is proposed to clarify Part 3 of Article 10 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation by specifying the norms under which a person who discloses protected information may be held liable.

Keywords: openness of justice; closed court hearing; procedural form; procedural safeguards; confidential information.

Актуальность исследования процессуальных особенностей проведения закрытых судебных заседаний вытекает из комплексного характера принципа гласности правосудия и необходимости его соразмерного сочетания с иными конституционно значимыми ценностями. Гражданско-процессуальное законодательство России закрепляет общий принцип открытости судебного разбирательства как гарантии прозрачности и подотчетности судебной власти, одновременно формулируя исключения, допускающие закрытие судебного заседания при наличии охраняемых законом интересов. Именно баланс между публичностью правосудия и необходимостью защиты государственной, коммерческой, семейной или иной тайны придает исследуемой теме особую теоретическую и практическую значимость.

Статья 10 ГПК РФ закрепляет общий принцип гласности правосудия, одновременно устанавливая исключения, позволяющие проводить рассмотрение дела в закрытом судебном заседании¹. Нормы данной статьи задают не только основания для закрытости, но и процессуальные правила, которые суд обязан соблюдать, обеспечивая баланс между правом на публичное правосудие и защитой охраняемых законом интересов.

Нужно отметить, что закрытый характер судебного заседания носит исключительно организационный характер, затрагивая лишь степень публичности разбирательства, но не структуру процессуальной формы. Согласимся с мнением Р.Т. Алиева, что «проведение закрытых судебных заседаний не означает отступления от установленного процессуального порядка рассмотрения дела и снижения уровня процессуальных гарантий прав лиц, участвующих в деле»². Безусловно, целью закрытого режима является охрана интересов участников, а не их ограничение. Наличие в деле определенных обстоятельств, которые не должны быть доступны широкой публике, обуславливает необходимость ограничения гласности процесса судебного разбирательства гражданского дела.

В литературе отмечается, что «порядок рассмотрения дел в закрытом судебном заседании практически ничем не отличается от открытого заседания. Исключением является лишь запрет на аудиозапись, фото- и видеосъемку, а также количество лиц, присутствующих на заседании»³. Таким образом, дело в закрытом судебном заседании рассматривается с соблюдением всех правил гражданского судопроизводства. Это означает соблюдение всех стадий судебного разбирательства, ведение протокола по общим требованиям, обязательность судебных постановлений и процедурных решений и т.п. Однако, порядок проведения закрытого судебного заседания имеет и свои процессуальные особенности. Они не изменяют установленную структуру процессуальной формы рассмотрения дела, но незначительно влияют на содержание судебного заседания. Рассмотрим их подробнее.

Одной из ключевых особенностей является обязанность суда вынести мотивированное определение о рассмотрении дела в закрытом заседании (ч.4 ст. 10 ГПК РФ). Данное процессуальное

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации от 18 ноября 2002 г. N 46 ст. 4532

² Алиев, Р.Т. Закрытое судебное заседание и ограничения процессуальных прав лиц, участвующих в гражданском процессе // Право и управление. 2023. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakrytoe-sudebnoe-zasedanie-i-ogranicheniya-protsessualnyh-prav-lits-uchastvuyuschih-v-tsivilisticheskom-protsesse> (дата обращения: 06.11.2025)

³ Буинова, И. Е. Закрытое судебное заседание в гражданском процессе / И. Е. Буинова, Э. Х. Губайдуллина // Развитие науки и практики в глобально меняющемся мире в условиях рисков: сборник материалов IX Международной научно-практической конференции, Москва, 28 марта 2022 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Институт развития образования и консалтинга", 2022. – С. 83

постановление должно содержать обоснование правовых и фактических обстоятельств, обуславливающих необходимость ограничения принципа гласности, а также указание на объем закрытости – в отношении всего судебного разбирательства либо его отдельной части. Требование мотивированности выполняет гарантийную функцию, исключая произвольное назначение закрытого заседания и обеспечивая возможность последующего контроля обоснованности такого решения.

Закрытый режим разбирательства предполагает существенное ограничение круга лиц, имеющих право присутствовать в зале суда. Ч. 5 ст. 10 ГПК РФ допускает участие лишь лиц, непосредственно вовлеченных в процессуальные правоотношения: сторон, третьих лиц, их представителей, а также свидетелей, экспертов, специалистов и переводчиков при необходимости. Исключение иных участников, в том числе представителей средств массовой информации, направлено на предотвращение несанкционированного ознакомления с охраняемыми сведениями и распространения для широкого круга лиц.

Особое процессуальное значение имеет требование, установленное ч. 3 ст. 10 ГПК РФ, об обязательном предупреждении всех присутствующих о недопустимости разглашения информации, ставшей им известной в ходе рассмотрения дела. Указанное предупреждение вносится в протокол судебного заседания и служит механизмом обеспечения конфиденциальности. Оно возлагает на участников дополнительную правовую ответственность и гарантирует, что информация не будет распространена среди широкого круга лиц. Нужно отметить, что форма предупреждения законодательно не закреплена, что позволяет в каждом конкретном случае суду вынести данное предупреждение в свободной форме. Предлагается в ч.3 ст.10 ГПК РФ конкретизировать нормы, согласно которым лицо, нарушившее правила разглашения информации, будет привлечено к юридической ответственности.

На развитие системы принципов гражданского процесса влияет цифровизация производства. В литературе указывается, что «принцип гласности, являясь чрезвычайно важным организационно-функциональным принципом гражданского процесса, постепенно подвергается воздействию цифровизации, что неоспоримо ведет к его оптимальной реализации в правоприменительной практике»⁴. Данное положение касается и порядка проведения закрытого судебного заседания. В соответствии с тенденциями современной цифровизации процесса гражданское процессуальное законодательство предусматривает единственный прямой запрет (ч.6 ст. 10 ГПК РФ) на использование систем видеоконференцсвязи (далее – ВКС) – их применение не допускается в закрытом судебном заседании.

Согласимся с данным решением законодателя. Т.Т. Алиев отмечает, что «применение ВКС в гражданском судопроизводстве является одним из ключевых аспектов цифровизации правосудия, которое направлено на обеспечение доступности, открытости и оперативности судебного разбирательства»⁵. Таким образом, открытость является одним из признаков применения ВКС в процессе, что не согласуется с закрытым судебным заседанием. Именно поэтому решение законодателя об ограничении применения ВКС в закрытых заседаниях является полностью обоснованным.

Гарантией защиты информации в закрытом процессе является также запрет на использование различных средств фиксации судебного заседания, кроме протокола. Если в открытом судебном заседании участники вправе вести аудиозапись и осуществлять иные виды фиксации (ч. 7 ст. 10 ГПК РФ), то в закрытом заседании такая возможность законом исключена. Следовательно, протокол судебного

⁴ Дудкина, М. Д. Влияние цифровых технологий на реализацию принципа гласности в гражданском процессе: особенности и проблематика реализации. – Симферополь: ООО "Издательство Типография "Ариал", 2024. С. 174

⁵ Алиев, Т. Т. Применение ВКС в гражданском судопроизводстве на примере России и стран СНГ: сравнительно-правовой анализ / Т. Т. Алиев // Дни Российской науки: сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции, Пенза, 17 апреля 2025 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2025. – С. 149.

заседания становится единственным официальным источником информации о процессе, что усиливает требования к полноте и точности его ведения.

Даже при закрытом рассмотрении дела законодатель сохраняет принцип публичности судебных актов (ч. 8 ст. 10 ГПК РФ). Исключение допускается только в случаях, когда публичное оглашение решения может нарушить права и интересы несовершеннолетних. При этом суд вправе ограничиться оглашением исключительно резолютивной части решения, если мотивировочная часть содержит сведения, подлежащие защите.

Таким образом, закрытое судебное заседание представляет собой особый процессуальный режим, направленный на защиту интересов личности, общества и государства при сохранении фундаментальных характеристик гражданского судопроизводства. Закрытый характер заседания обусловлен не только установленными законом основаниями, но и четко регламентированными процессуальными особенностями: специальным порядком допуска лиц, обязательным вынесением мотивированного определения, запретом использования технических средств фиксации и предупреждением об ответственности за разглашение охраняемых сведений. Предлагается внести изменения в законодательство и конкретно закрепить в ч.3 ст.10 ГПК РФ, какие нормы будут применены при привлечении к ответственности лица, нарушившего правила разглашения информации.

Литература:

1. Алиев Р.Т. Закрытое судебное заседание и ограничения процессуальных прав лиц, участвующих в гражданском процессе // Право и управление. 2023. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakrytoe-sudebnoe-zasedanie-i-ogranicheniya-protsessualnyh-prav-lits-uchastvuyuschih-v-tsivilisticheskom-protseesse> (дата обращения: 06.11.2025).

2. Алиев, Т. Т. Применение ВКС в гражданском судопроизводстве на примере России и стран СНГ: сравнительно-правовой анализ / Т. Т. Алиев // Дни Российской науки: сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции, Пенза, 17 апреля 2025 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2025. – С. 147-150.

3. Буинова, И. Е. Закрытое судебное заседание в гражданском процессе / И. Е. Буинова, Э. Х. Губайдуллина // Развитие науки и практики в глобально меняющемся мире в условиях рисков: сборник материалов IX Международной научно-практической конференции, Москва, 28 марта 2022 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Институт развития образования и консалтинга", 2022. – С. 80-85

4. Дудкина М. Д. Влияние цифровых технологий на реализацию принципа гласности в гражданском процессе: особенности и проблематика реализации / М. Д. Дудкина // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях: Сборник статей по результатам II Международной научно-практической конференции, 15 марта 2024 года. – Симферополь: ООО "Издательство Типография "Ариал", 2024. – С. 169-174.

Илюшкина А.С.

магистрант

ЧОУ ВО «Московский университет имени С.Ю. Витте»

Pyushkina A.S.

Master's Student

Moscow University named after S. Yu. Witte

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА В ОРГАНИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. В статье рассматриваются современные подходы к формированию и реализации кадровой политики в организациях в условиях цифровизации, нестабильности внешней среды и усиления конкуренции за человеческие ресурсы. Раскрывается сущность кадровой политики как стратегического инструмента управления персоналом, анализируются её функции, направления развития и роль в обеспечении устойчивости организации. Особое внимание уделяется трансформации кадровых процессов под влиянием технологических изменений и необходимости интеграции кадровой политики в общую стратегию развития предприятия.

Ключевые слова: кадровая политика, управление персоналом, человеческие ресурсы, цифровизация, стратегия организации, эффективность труда

PERSONNEL POLICY IN AN ORGANIZATION IN MODERN CONDITIONS

Abstract. The article examines modern approaches to the formation and implementation of personnel policy in organizations in the context of digitalization, environmental instability and increasing competition for human resources. The essence of personnel policy as a strategic tool of human resource management is revealed, its functions, development directions and role in ensuring the sustainability of the organization are analyzed. Special attention is paid to the transformation of HR processes under the influence of technological changes and the need to integrate personnel policy into the overall development strategy of the enterprise.

Keywords: personnel policy, human resource management, digitalization, organization strategy, labor efficiency

Современный этап развития экономики характеризуется высокой динамичностью, усложнением хозяйственных связей и усилением роли человеческого капитала как ключевого фактора конкурентоспособности организации. В этих условиях кадровая политика перестает рассматриваться исключительно как совокупность административных мер, направленных на подбор и учет персонала, и приобретает стратегическое значение, становясь одним из базовых элементов системы управления организацией.

Актуальность исследования кадровой политики обусловлена необходимостью адаптации организаций к быстро меняющимся условиям внешней среды, включая цифровую трансформацию, глобализацию рынков труда и рост требований к квалификации работников. Именно кадровая политика определяет способность предприятия формировать устойчивый коллектив, обеспечивать его развитие и эффективно использовать человеческие ресурсы для достижения стратегических целей.

Сущность кадровой политики К. Х. Ильясовой, М. С. Устархановой и М. М. Матыговым трактуется как система принципов, методов и направлений деятельности организации, направленных на формирование, развитие и эффективное использование персонала [4]. В отличие от отдельных кадровых

мероприятий, кадровая политика носит комплексный и долгосрочный характер, охватывая все стадии жизненного цикла работника в организации – от привлечения и адаптации до профессионального роста и удержания.

Следует отметить, что кадровая политика тесно связана с общей стратегией организации. Она выступает инструментом реализации стратегических целей, обеспечивая соответствие количественных и качественных характеристик персонала требованиям бизнеса. В этой связи Т. В. Добышева и Л. С. Пуляевская подчеркивают, что эффективное управление человеческими ресурсами является одним из ключевых факторов успеха компании и устойчивого развития в долгосрочной перспективе [2].

Функциональное содержание кадровой политики включает несколько взаимосвязанных направлений. Прежде всего, речь идет о планировании потребности в персонале, которое позволяет организации своевременно реагировать на изменения в структуре производства и рынке труда. Важным элементом выступает система подбора и отбора кадров, ориентированная не только на профессиональные компетенции, но и на соответствие корпоративной культуре.

Не менее значимой является функция развития персонала, включающая обучение, повышение квалификации и формирование кадрового резерва. В современных условиях особую роль играет непрерывное обучение, связанное с необходимостью освоения новых технологий и адаптации к цифровой среде. Как отмечается в научных исследованиях, инвестиции в развитие человеческих ресурсов напрямую влияют на производительность труда и инновационный потенциал организации [6].

Современные условия хозяйствования требуют пересмотра традиционных подходов к кадровой политике. Одним из ключевых факторов её трансформации выступает цифровизация, которая приводит к изменению форм занятости, способов организации труда и требований к компетенциям работников. Появление удаленной работы, гибких графиков и цифровых платформ требует от организаций разработки новых механизмов управления персоналом, основанных на использовании информационных технологий и аналитических инструментов.

В этой связи кадровая политика приобретает новые характеристики. Она становится более гибкой, адаптивной и ориентированной на индивидуальные потребности работников. Организации стремятся создавать условия для профессиональной самореализации сотрудников, формировать благоприятный социально-психологический климат и повышать уровень вовлеченности персонала. Такой подход способствует не только росту производительности труда, но и снижению текучести кадров [5].

Особое значение в современных условиях приобретает вопрос мотивации персонала. Традиционные материальные стимулы дополняются нематериальными факторами, такими как возможности карьерного роста, участие в принятии решений, признание достижений и развитие корпоративной культуры. Комплексная система мотивации позволяет обеспечить баланс интересов работников и работодателя, что является важным условием устойчивого функционирования организации [7].

По мнению В. А. Дудко кадровая политика выступает не только инструментом управления персоналом, но и фактором, влияющим на производственные результаты организации. Эффективная кадровая политика способствует повышению качества продукции, снижению издержек и укреплению конкурентных позиций предприятия на рынке [3]. Вместе с тем, реализация кадровой политики в современных условиях сталкивается с рядом проблем. К числу наиболее значимых относятся дефицит квалифицированных кадров, несоответствие образовательных программ требованиям рынка труда, а также высокая конкуренция за талантливых специалистов. Кроме того, организации сталкиваются с необходимостью адаптации персонала к новым условиям работы, связанным с внедрением цифровых технологий и автоматизацией производственных процессов. Решение указанных проблем требует комплексного подхода, включающего совершенствование системы подготовки кадров, развитие

корпоративного обучения и внедрение современных методов управления персоналом. Важным направлением является формирование кадрового резерва, позволяющего обеспечить преемственность управления и устойчивость организации в долгосрочной перспективе.

Следует подчеркнуть, что кадровая политика должна учитывать не только экономические, но и социальные аспекты деятельности организации. В современных условиях возрастает значение социальной ответственности бизнеса, включая обеспечение достойных условий труда, развитие корпоративной культуры и участие в решении социальных проблем. Такой подход способствует укреплению репутации организации и повышению её привлекательности как работодателя.

Л. Ю. Александрова и О. С. Александрова отмечает необходимость перехода от реактивной к проактивной кадровой политике, ориентированной на прогнозирование изменений и опережающее развитие персонала [1]. Это предполагает использование современных аналитических инструментов, позволяющих оценивать тенденции рынка труда, выявлять потребности в компетенциях и разрабатывать долгосрочные программы развития персонала.

Кадровая политика в современных условиях уже не может рассматриваться как совокупность отдельных управленческих решений, связанных лишь с подбором и расстановкой персонала. Речь идёт о целостной системе, которая пронизывает все уровни управления организацией и тесно связана с её долгосрочными целями. На практике она выступает связующим звеном между стратегией развития предприятия и реальными возможностями трудового коллектива, определяя, каким образом человеческий потенциал будет трансформироваться в конкретные результаты деятельности.

Современная кадровая политика формируется под воздействием динамичной внешней среды, где изменения происходят значительно быстрее, чем ещё несколько лет назад. Рынок труда становится более гибким, требования к компетенциям работников постоянно обновляются, а цифровые технологии трансформируют привычные формы занятости и управления. В таких условиях организация не может ограничиваться стандартными кадровыми решениями. Возникает необходимость постоянного анализа тенденций, прогнозирования кадровых потребностей и выстраивания механизмов оперативной адаптации. Способность своевременно реагировать на изменения становится не просто преимуществом, а условием сохранения конкурентных позиций.

Особую роль приобретает внутреннее содержание кадровой политики. Она охватывает не только процессы найма и увольнения, но и систему развития персонала, мотивационные механизмы, формирование корпоративной культуры и управление знаниями внутри организации. Практика показывает, что устойчивость компании во многом зависит от того, насколько эффективно выстроены процессы обучения сотрудников, их профессионального роста и вовлечённости в деятельность предприятия. Наличие продуманной системы развития позволяет не только повышать производительность труда, но и снижать риски текучести кадров, что особенно важно в условиях дефицита квалифицированных специалистов.

Итоговое значение кадровой политики проявляется в её способности обеспечивать устойчивое развитие организации. Она становится фактором, который определяет не только текущее функционирование предприятия, но и его перспективы. В условиях усиления конкуренции и ускоренной цифровизации именно человеческий капитал превращается в ключевой ресурс, обеспечивающий инновационность, гибкость и адаптивность бизнеса. Организации, которые выстраивают кадровую политику как стратегический инструмент, получают возможность быстрее внедрять изменения, осваивать новые направления деятельности и укреплять свои позиции на рынке.

Перспективы развития кадровой политики связаны с дальнейшей интеграцией цифровых решений в управление персоналом и переходом к более гибким моделям организации труда. Возрастает значение аналитических инструментов, позволяющих оценивать эффективность сотрудников, прогнозировать их

развитие и принимать обоснованные управленческие решения. Одновременно усиливается ориентация на человека как на носителя знаний, навыков и креативного потенциала. В этих условиях кадровая политика приобретает качественно новое содержание, смещая акцент с административных процедур на развитие и поддержание человеческого капитала как основы долгосрочного успеха организации.

Литература:

1. Александрова, Л. Ю. Изменения кадровой политики предприятия: взгляд в будущее / Л. Ю. Александрова, О. С. Александрова // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2024. – № 12. – С. 150-159.
2. Добышева, Т. В. Управление человеческими ресурсами и их вклад в успех компании / Т. В. Добышева, Л. С. Пуляевская // Молодежный вестник ИрГТУ. – 2024. – Т. 14, № 2. – С. 293-297.
3. Дудко, В. А. Кадровая политика как инструмент управления персоналом / В. А. Дудко // Устойчивость экосистем в условиях цифровой нестабильности: Сборник трудов II Международной научно-практической конференции, Симферополь, 23 мая 2023 года / Под научной редакцией Н.А. Симченко. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2023. – С. 169-171.
4. Ильясова, К. Х. Цели, функции и структура кадровой политики в управлении персоналом / К. Х. Ильясова, М. С. Устарханова, М. М. Матыгов // Известия Чеченского государственного педагогического университета Серия 1. Гуманитарные и общественные науки. – 2022. – № 4(40). – С. 137-145.
5. Кадровая политика и кадровый аудит организации: учебник для вузов / под общей редакцией Л. В. Фотиной. – М.: Издательство Юрайт, 2025.
6. Кондрашова, В. А. Кадровая сфера и ее влияние на производство в организации / В. А. Кондрашова // Вестник молодого ученого УГНТУ. – 2025. – № 1(29). – С. 80-87.
7. Кузнецова, М. Н. Особенности кадровой политики в управлении персоналом / М. Н. Кузнецова, М. В. Николаев // Научное обозрение: теория и практика. – 2024. – Т. 14, № 4(104). – С. 706-719.

Айрапетян В.Г.

кандидат экономических наук,
доцент кафедры управления и технологий в туризме и рекреации
ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет»

Аракелян А.М

студент
ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет»
e-mail: aaanni.yan12@gmail.com

Ayrapetyan V.G

Candidate of Economic Sciences
Associate Professor of the Department of Management and Technology in Tourism
and Recreation Sochi
Sochi State University

Arakelyan A.M

Student
Sochi State University

АНАЛИЗ СПРОСА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ НА УСЛУГИ ЛЕЧЕБНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ

Аннотация. Статья посвящена изучению текущего состояния рынка лечебно-оздоровительного туризма в Краснодарском крае. В работе оценивается востребованность оздоровительных услуг среди туристов, привлекательность российских регионов для проведения санаторно-курортного отпуска, изучаются характер спроса и модели потребительского поведения. Также особое внимание уделяется анализу показателей санаторно-курортного комплекса региона как основы формирования рыночного предложения в исследуемой отрасли.

Ключевые слова: лечебно-оздоровительный туризм, Краснодарский край, санаторно-курортный комплекс, туристическая индустрия, спрос и предложение на рынке туризма, оздоровительный отдых.

ANALYSIS OF SUPPLY AND DEMAND FOR HEALTH TOURISM SERVICES IN THE KRASNODAR TERRITORY

Abstract. The article is devoted to the study of the current state of health tourism market in the Krasnodar Territory. The paper evaluates the demand for wellness services among tourists, the attractiveness of Russian regions for spa holidays, and examines the nature of demand and patterns of consumer behavior. Special attention is also paid to the analysis of the indicators of the sanatorium-resort complex of the region as the basis for the formation of market supply in the industry under study.

Keywords: health tourism, Krasnodar Territory, sanatorium and resort complex, tourism industry, supply and demand in the tourism market, wellness recreation.

Краснодарский край имеет значительные рекреационные и туристические ресурсы для удовлетворения потребностей отечественных и иностранных туристов в оздоровлении. Курорты региона всегда были и остаются популярными как на территории России, так и за ее пределами. Мощный

ресурсный потенциал, которым располагает Краснодарский край, создает предпосылки для детального анализа рынка лечебно-оздоровительного туризма, оценки его текущего состояния и выявления возможных ограничений для развития отрасли.

Согласно отчёту, составленному Центром стратегических разработок совместно с Министерством экономического развития РФ, путешествия туристов с целью лечения и оздоровления занимают второе место по популярности среди российских туристов и составляют 9% всех поездок. Так, общий объем поездок – 68,3 млн., из которых поездки в рамках лечебно-оздоровительного туризма составляют 6,5 млн. Основную долю занимают поездки с целью отдохнуть – 75% .

Рисунок 1. Распределение поездок туристов по целям в 2024 г.

По результатам исследования проекта ButlerHospitality и «Мультитур», Краснодарский край является главным курортным регионом страны ввиду абсолютного лидерства по количеству туристов и санаториев. В рейтинге самых популярных регионов России для санаторно-курортного отдыха, основанном на анализе природных лечебных факторов, уровня развития инфраструктуры и исторической репутации регион занимает почетное первое место.

В нынешних реалиях изменяется структура спроса на лечебно-оздоровительные услуги, вследствие чего приоритет приобретают комплексные обследования. В 2023 году российской консалтинговой компанией StrategyPartners было проведено исследование, в рамках которого были выявлены регионы, наиболее привлекательные для туристов с точки зрения получения лечебно-оздоровительных услуг.

Так, по результатам исследования, Краснодарский край занимает второе место наряду с такими регионами, как Кавказские Минеральные воды, Алтай, Крым и др. Доля «домашнего» региона составляет 9–11%, что свидетельствует о готовности основной части аудитории выезжать за его пределы при наличии привлекательного предложения.

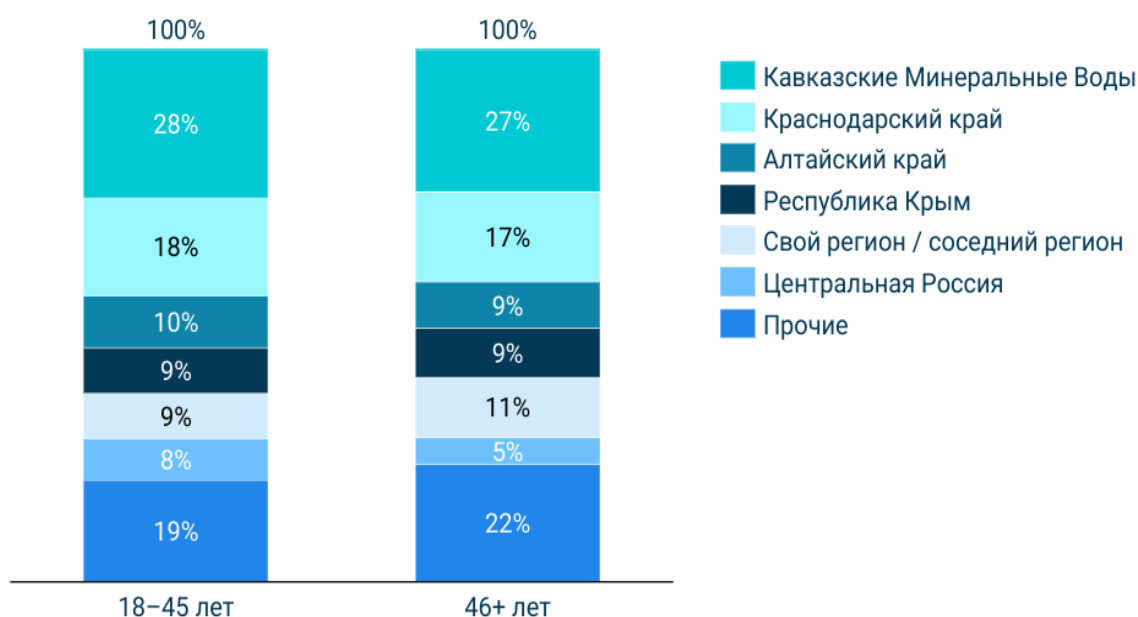

Рисунок 2. Оценка привлекательности российских регионов для проведения санаторно-курортного отпуска

Основным этапом исследования рынка лечебно-оздоровительного туризма является анализ показателей санаторно-курортного комплекса (таблица 1). Это обусловлено тем, что санаторно-курортные организации (СКО) формируют основу рыночного предложения в этой сфере, их деятельность напрямую влияет на спрос, конкурентоспособность региона и общее состояние отрасли. Основой для анализа служат данные официальной статистики.

Таблица 1. Анализ показателей санаторно-курортного комплекса Краснодарского края

Показатель	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Число коллективных средств размещения, ед.	5 124	5 404	5 160	5 392	5 361
Прирост к предыдущему году, %	0,4	5,5	-4,5	4,5	-0,6
Число СКО, ед.	192	202	191	189	176
Прирост к предыдущему году, %	3,8	5,2	-5,4	-1,0	-6,9
Число мест в СКО, ед.	99 538	102 948	101 771	105 681	102 431
Прирост к предыдущему году, %	0,7	3,4	-1,1	3,8	-3,1
Число номеров в СКО, ед.	41 498	42 072	41 682	41 698	40 785
Прирост к предыдущему году, %	2,3	1,4	-0,9	0,04	-2,2

Доля СКО в общем числе коллективных средств размещения, %	3,7	3,7	3,7	3,5	3,3
Прирост к предыдущему году, п.п.	0,1	0,0	0,0	-0,2	-0,2
Число детских и подростковых летних оздоровительных учреждений, ед.	510	1 936	1 957	2 024	1 998
Прирост к предыдущему году, %	4,1	279,6	1,1	3,4	-1,3
Загрузка мест в СКО, %	30	39	44	43	46
Прирост к предыдущему году, п.п.	-15	9	5	-1	3
Среднесписочная численность работников в СКО	33 927	35 339	33 847	32 013	32 561
Прирост к предыдущему году, %	4,5	4,2	-4,2	-5,4	1,7
Доходы СКО, тыс. руб.	24 181 653	41 066 339	51 256 701	59 961 916	69 729 873
Прирост к предыдущему году, %	1,2	69,8	24,8	17,0	16,3
Расходы СКО, тыс. руб.	23 049 151	36 664 640	40 438 639	43 900 685	47 309 417
Прирост к предыдущему году, %	3,1	59,1	10,3	8,6	7,8
Прибыль СКО, тыс. руб.	1 132 502	4 401 699	10 818 062	16 061 231	22 420 456
Прирост к предыдущему году, %	-26,5	288,7	145,8	48,5	39,6

Если анализировать весь представленный период общее количество коллективных средств размещения к 2024 году увеличилось на более чем 200 единиц, а число санаторно-курортных организаций сократилось на 16 единиц. Несмотря на это наблюдается рост количества мест в СКО, количество номеров же, наоборот, демонстрирует отрицательную динамику.

Статистика детских и подростковых летних оздоровительных учреждений показывает стремительный рост: в 2024 году их количество возросло почти в четыре раза по отношению к 2020 году. К этой категории относятся детские дачи, оздоровительные лагеря общего типа, санаторно-оздоровительные лагеря, детские санатории, оздоровительные учреждения для учащихся образовательных учреждений и прочие организации, на базе которых организован летний отдых детей и подростков.

Несмотря на снижение общего количества санаторно-курортных организаций и среднесписочного числа персонала прибыль СКО демонстрирует стабильный и достаточно значительный рост. Если прибыль в 2020 году составляла 1,13 млрд. рублей, то уже в 2024 г. показатель вырос до 22,4 млрд. рублей.

При этом прибыль увеличилась за счёт стремительного увеличения выручки, а не снижения расходов. Положительная динамика такого ключевого показателя как прибыль свидетельствует о долгосрочных перспективах развития отрасли в Краснодарском крае.

Рассмотрим привлекательность санаторно-курортных организаций, функционирующих на территории региона. В рамках ежегодного форума «Инвестиции в развитие здоровой страны. Цифры. Факты. Возможности», организуемого Ассоциацией оздоровительного туризма и корпоративного здоровья, формируется рейтинг инвестиционной привлекательности «Топ-100 российских здравниц». Помимо интегрального показателя среди 100 санаториев, вошедших в рейтинг, выделяются ТОП-10 лидеров по масштабу, эффективности и инвестиционному потенциалу (таблица).

Таблица 2. Лидеры рейтинга «ТОП-100 российских здравниц» за 2024 год по инвестиционной привлекательности

	Край/ республика	Наименование санатория	Место по масштабу	Место по эффективности	Место по инвестиционному потенциалу
1	Межрегиональная группа	АО «РЖД-Здоровье»	1	37	19
2	Краснодарский край	ООО «Санаторий «Заполярье»	2	8	65
3	Ставропольский край	ООО «Санаторий «Русь»	7	2	6
4	Республика Башкортостан	АО «Санаторий «Янган-Тау»	6	6	63
5	Республика Крым	Курорт «Мрия»	3	91	73
6	Алтайский край	АО «Курорт Белокуриха»	4	40	75
7	Краснодарский край	АО «Адлеркурорт»	5	35	23
8	Тюменская область	Природный курорт «Сибирь»	11	12	15
9	Алтайский край	АО «Санаторий «Россия»	8	26	44
10	Республика Карелия	АО «Клиника Кивач»	8	26	44

Так, в числе лидеров рейтинга, объединяющего здравницы с высокими экономическими показателями и готовностью к постоянному развитию и профессиональному сотрудничеству, оказалось два санатория Краснодарского края. Также отдельно в рамках церемонии награждения на форуме

выделяется лучшая бальнео- и грязелечебница, которой по итогам 2024 года стал бальнеологический курорт «Мацеста» города Сочи.

Помимо этого, 15 санаториев, расположенных на территории Краснодарского края, вошли в ТОП-100 лучших здравниц страны по инвестиционной привлекательности. В списке значатся санаторно-курортные учреждения Сочи, Анапы, Геленджика и Лабинска.

Таблица 3. Анализ спроса на услуги санаторно-курортного комплекса

	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Численность размещенных лиц в СКО, тыс. чел.	889	1 292	1 532	1 619	1 756
Прирост к предыдущему году, %	12,5	45,3	18,6	5,7	8,5
Число ночевок в СКО, ед.	10 842 791	14 807 625	16 458 384	16 688 689	17 373 149
Прирост к предыдущему году, %	10,6	36,6	11,1	1,4	4,1
Число детей, отдохнувших в детских и подростковых летних оздоровительных учреждениях, тыс. чел.	562	1 106	1 333	1 348	1 350
Прирост к предыдущему году, %	19,8	96,8	20,5	1,1	0,1
Средняя стоимость пребывания в санатории, руб./день	2,23	2,77	3,11	3,59	4,01
Прирост к предыдущему году, %	-1,8	24,2	12,3	15,4	11,7
Средняя продолжительность пребывания 1 человека в СКО (ночѳвки, единицы)	11,7	11,4	11,4	11,1	10,9
Прирост к предыдущему году, %	1	-2	0	-3	-2

На протяжении всего анализируемого периода показатели демонстрируют стабильный рост. Число размещенных лиц в санаторно-курортных учреждениях увеличилось в 2 раза и составило более чем 1,7

млн. туристов, число ночевков возросло более чем в 1,5 раза, число детей, проводивших отдых в детских и подростковых летних оздоровительных учреждениях – почти в 3 раза.

При этом наиболее стремительный скачок наблюдался в 2021 году, что можно считать следствием резкого всплеска потребности населения в лечебно-оздоровительных услугах после вспышки пандемии коронавируса. Также это обусловлено введением ограничений на выезд в связи с пандемией, что позволило расширить поток туристов, выбирающих отдых на базе Краснодарского края.

Наряду с другими показателями в таблице представлено изменение средней стоимости пребывания в санатории. Развитие индустрии лечебно-оздоровительного туризма в Краснодарском крае сопровождается ростом цен, однако это не подавило спрос населения на услуги санаторно-курортных учреждений.

Дополнительным стимулирующим фактором для развития сегмента внутреннего туризма, в том числе в Краснодарском крае, послужила запущенная Ростуризмом в 2020 году программа «Туристический кешбэк». В рамках программы россияне получили возможность компенсировать часть денежных средств, затраченных на поездки внутри страны за счет средств резервного фонда Правительства Российской Федерации. В результате реализации программы удалось не только оказать поддержку предприятиям сферы туризма, но и обозначить тренд на популяризацию российских курортов.

Первый этап программы охватил период с 21.08.2020 г. по 28.08.2020 г. В качестве участников программы было привлечено 348 туроператоров и более полутора тысяч гостиниц. Наибольший спрос в ходе первого этапа пришелся на отдых в Крыму и Краснодарском крае. Национальные туроператоры, выставившие предложения по программе, сообщили о значительном росте объемов продаж на 25–50%, программой воспользовались более 70 тыс. россиян.

Ввиду успешной реализации первого этапа программа в дальнейшем реализовалась вплоть до 2022 г. Последний пятый этап оказался наиболее масштабным и эффективным. Сумма реализованных тур. услуг в рамках программы составила 44 млрд. рублей, а число россиян, принявших участие в программе, достигло 2,5 млн.

В период с 2023 г. по 2024 г. темпы роста санаторно-курортного туризма в Краснодарском крае стали более умеренными, рынок постепенно пришел к фазе насыщения. Дальнейший рост рынка возможен при расширении мощностей санаторно-курортного комплекса края и формировании доступных оздоровительных программ в межсезонье.

Следующий этап анализа состояния лечебно-оздоровительного туризма края направлен на оценку индекса потребительских цен и выявление тенденций в рамках исследуемой отрасли. При этом помимо категорий, связанных напрямую с лечебно-оздоровительными услугами, следует рассмотреть динамику индекса в разрезе всех товаров и услуг. Это позволит сопоставить изменение общего уровня цен с изменениями в конкретных категориях.

Таблица 4. Динамика индекса потребительских цен в соотношении четвертого квартала отчетного периода к соответствующему кварталу предыдущего отчетного периода

	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023г.	2024 г.	2025 г.
Поездка на отдых на Черноморское побережье России	102.23	104.67	101.83	104.91	105.54	103.26
Санаторно-оздоровительные услуги реабилитационных учреждений	102.47	101.42	123.89	107.35	115.64	109.84

Гостиницы, кафе и рестораны	101.23	105.98	113.06	109.55	111.43	102.65
Медикаменты, лечебное оборудование и аппаратура	114.68	105.13	109.57	105.64	103.83	107.37
Организация отдыха и культурные мероприятия	102.05	108.31	125.49	106.23	109.41	106.49
Все товары и услуги	104.67	109.1	111.21	108.11	108.95	106.64

По данным таблицы можно сделать вывод о повышении уровня цен по всем анализируемым категориям. Повышение стоимости медикаментов, лечебного оборудования и аппаратуры напрямую влияет на рост цен на санаторно-оздоровительные услуги. Они же в свою очередь повышают общую стоимость поездки на отдых на Черноморское побережье наряду с повышением цен на гостиницы, кафе, рестораны, организацию отдыха и культурные мероприятия.

Эти факторы оказывают прямое влияние на спрос, а именно ведут к снижению доступности лечебно-оздоровительного туризма в Краснодарском крае для части потребителей. При этом на фоне общего повышения цен на все товары и услуги санаторно-оздоровительные услуги демонстрируют более стремительный рост. С учётом этого многие потенциальные туристы вынуждены сокращать продолжительность отдыха или выбирать более бюджетные варианты размещения и программ лечения, жертвуя полнотой оздоровительного курса.

Как следствие сокращается общее число поездок и происходит смещение спроса в сторону краткосрочного или менее насыщенного лечебными процедурами отдыха. Часть туристов может переориентироваться на альтернативные регионы или направления, где совокупная стоимость оздоровительного отдыха ниже. При этом традиционные преимущества Краснодарского края — климат, минеральные воды и лечебные грязи — по-прежнему сохраняют привлекательность для определённой части аудитории.

В рамках анализа рынка лечебно-оздоровительного туризма целесообразно рассмотреть санатории Краснодарского края, пользующиеся наибольшим спросом среди туристов. За основу анализа взят рейтинг платформы TripAdvisor, составленный с учётом средней оценки гостей оздоровительных учреждений. Рейтинг ориентирован на оценку пользовательского опыта, базовых характеристик инфраструктуры и медицинских услуг (таблица 5).

Также выделим некоторые особенности санаторно-курортного комплекса Краснодарского края. Регион предлагает самый широкий разброс цен и, в среднем, более доступные варианты (~76 тыс. руб.). Это свидетельствует о высокой диверсификации рынка: от элитных санаториев (Красная поляна – 162 тыс. руб.) до очень бюджетных (Анапа – 38 тыс. руб.). Регион работает с массовым туристом.

Также наблюдается широкий разброс внутри категорий. В Краснодарском крае цена в категории 4–5 звезд варьируется от 45 до 186 тыс. руб. Это означает, что звездность не всегда является однозначным индикатором цены. На стоимость сильно влияют локация (собственный пляж), бренд и новизна инфраструктуры.

Таблица 5. Рейтинг санаториев Краснодарского края по популярности среди гостей по данным платформы TripAdvisor

	Город	Наименование оздоровительного учреждения	Средняя оценка гостей (по 5-балльной шкале)	Особенности санатория	Количество профилей лечения
1	г. Анапа	Санаторий «Малая бухта»	4.86	Собственный крытый «Зимний пляж»; рядом расположены аквапарк, парк с аттракционами	13
2	Адлер, г. Сочи	Санаторий «Адлеркурорт», корпус Дельфин	4.75	Самый большой открытый бассейн с морской водой в Европе площадью 3000 кв. м; на территории – самый большой океанариум на южном побережье	9
3	Адлер, г. Сочи	Санаторий «Бургас»	4.71	Организация экскурсий по Черноморскому побережью и Кавказскому заповеднику; собственный пляж, большая территория с зелёным тенистым парком	11
4	Лоо, г. Сочи	Лечебно-оздоровительный комплекс «Горный воздух»	4.66	Собственный пляж на территории комплекса; работает открытый аквапарк	6
5	Лоо, г. Сочи	Лечебно-оздоровительный комплекс «АкваЛоо»	4.52	Собственный экологически чистый благодаря удаленности от города пляж; собственный аквапарк на территории комплекса	8
6	г. Геленджик	Санаторий «Красная Талка»	4.47	Озелененная территория; развитая инфраструктура для детей и взрослых	13
7	Адлер, г. Сочи	Пансионат «Изумруд»	4.43	Дендропарк, термальная зона, крытый бассейн на территории санатория	9
8	Адлер, г. Сочи	Санаторий «Знание»	4.4	Находится на первой береговой линии; окружен вечнозеленым дендропарком; собственный бювет с минеральной водой: Лазаревская, Пластунская	5
9	г. Анапа	Санаторий «ДиЛУЧ»	4.38	Крупнейший лечебно-диагностический центр – более 400 видов	13

				обследования и лечения; развитая курортная инфраструктура в шаговой доступности	
10	Лоо, г. Сочи	Санаторий «Магадан»	4.32	Собственный оборудованный пляж; большая гористая территория (14 га) и свой дендропарк	5

Стоит подчеркнуть, что по данным на 2024 год, доля санаторно-курортных организаций Краснодарского края в общем объеме российских санаторно-курортных организаций составляет 10,3%, что является индикатором высокого уровня развития инфраструктуры, обеспечивающей организацию лечебно-оздоровительного туризма.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Краснодарский край на данный момент способен формировать конкурентоспособное предложение на рынке лечебно-оздоровительного туризма. Регион располагает множеством современных здравниц, а также богат природными и лечебными ресурсами, благоприятствующими развитию отрасли. Также в рамках анализа было выявлено, что несмотря на повышение уровня цен на отдых с лечебно-оздоровительными целями, спрос на такие услуги с 2020 г. демонстрирует положительную динамику: увеличивается число посетителей санаторно-курортных организаций и число ночевки в СКО.

Литература:

1. 10 Лучших санаториев в Краснодарском крае / [Электронный ресурс] // TripAdvisor: [сайт]. — URL: https://www.tripadvisor.ru/Hotels-g2323938-c3-zff42-a_ufe.true-Krasnodar_Krai_Southern_District_Hotels.html (дата обращения: 09.04.2026).
2. Анализ привлекательности для россиян путешествий на Дальний Восток / [Электронный ресурс] // StrategyPartners: [сайт]. — URL: https://strategy.ru/media/uploads/2023/09/SP_research_island_september_2023-2.pdf?ysclid=mnbwyl6twr625303712 (дата обращения: 29.03.2026).
3. В Краснодаре обсудили будущее медицинского туризма в регионе / [Электронный ресурс] // ЮГTimes: [сайт]. — URL: <https://yugtimes.com/news/89494/> (дата обращения: 13.04.2026).
4. Индексы потребительских цен на товары и услуги в группировке классификатора индивидуального потребления по целям (КИПЦ) / [Электронный ресурс] // ЕМИСС Государственная статистика: [сайт]. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57982> (дата обращения: 04.04.2026).
5. Киселёва Е. Тенденции потребительского спроса и их влияние на рынок лечебно-оздоровительного туризма / Киселёва Е. [Электронный ресурс] // StrategyPartners: [сайт]. — URL: <https://kubnews.ru/obshchestvo/2025/04/24/vozmozhnosti-meditsiny-i-turizma-v-nastupayushchem-sezone-obsudili-v-krasnodare/> (дата обращения: 13.04.2026).
6. Краснодарский край в цифрах Краткий статистический сборник 2024 / [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея: [сайт]. — URL: <https://clc.li/uxjOc> (дата обращения: 02.04.2026).
7. МАРКЕТИНГОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ: АНАЛИЗ РЫНКА САНАТОРНО-КУРОРТНЫХ УСЛУГ В РОССИИ 2025 / [Электронный ресурс] // ButlerHospitality: [сайт]. — URL: https://www.multitour.ru/files/docs/butler/MARKETINGOVOE_ISSLEDOVANIE_SANATORII_RF_2025_ANALIZ_RYNKA_SANATORNO_KURORTNYH_USLUG_V_ROSSII_3_.pdf (дата обращения: 29.03.2026).

8. Отчёт 2024 год / [Электронный ресурс] // Министерство транспорта и дорожного хозяйства Краснодарского края: [сайт]. — URL: <https://mt.krasnodar.ru/department/ekonomika-otrasley-i-investitsii/otchyety2/ezhemesyachnyu-monitoring/god-2024-monitoring> (дата обращения: 26.03.2026).

9. Паспорт Региона Российской Федерации Краснодарский край / [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. — URL: https://rlw.gov.ru/storage/document/document_file/2024-02/18/08.-pasportkrasnodarskogo-kraa.pdf (дата обращения: 26.03.2026).

10. Паспорт социально-экономического развития за 2025 год / [Электронный ресурс] // Администрация муниципального образования городской округ город-курорт Сочи Краснодарского края: [сайт]. — URL: <https://sochi.ru/upload/iblock/930/djbe3d50w87c19gs2e2744uwtqbsd1.pdf?ysclid=mn7k4ye2vx695141968> (дата обращения: 26.03.2026).

11. РГИС (Региональная геоинформационная система Краснодарского края) / [Электронный ресурс] // Министерство курортов, туризма и олимпийского наследия Краснодарского края: [сайт]. — URL: <https://kurort.krasnodar.ru/serv/perechen-subektov-i-obektov-turisticheskoy-industrii-krasnodarskogo-kraua/319502> (дата обращения: 26.03.2026).

12. Результаты X юбилейного ежегодного рейтинга инвестпривлекательности «ТОП-100 российских здравниц»: совокупная выручка участников приблизилась к 100 млрд рублей за 2024 год / [Электронный ресурс] // Ассоциация оздоровительного туризма и корпоративного здоровья: [сайт]. — URL: <https://aotrf.ru/projects/rating-2025/#ch-6-3> (дата обращения: 07.04.2026).

13. Савельева Нелли Александровна, Лосевич Дмитрий Валериевич, Шмелева Татьяна Владимировна СТРАТЕГИЧЕСКИЙ КОНКУРЕНТНЫЙ АНАЛИЗ РЫНКА МЕДИЦИНСКОГО КУРОРТНОГО ТУРИЗМА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ // Вестник евразийской науки. 2020. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskij-konkurentnyy-analiz-rynka-meditsinskogo-kurortnogo-turizma-krasnodarskogo-kraua> (дата обращения: 28.03.2026).

14. Статистический бюллетень Росстата к всемирному дню туризма -2025 / [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. — URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/turism_2025.pdf (дата обращения: 02.04.2026).

15. Число детей, отдохнувших в детских и подростковых летних оздоровительных учреждениях / [Электронный ресурс] // ЕМИСС Государственная статистика: [сайт]. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/37313> (дата обращения: 04.04.2026).

16. Число детских и подростковых летних оздоровительных учреждений / [Электронный ресурс] // ЕМИСС Государственная статистика: [сайт]. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/37314> (дата обращения: 04.04.2026).

17. Число ночевков в санаторно-курортных организациях / [Электронный ресурс] // ЕМИСС Государственная статистика: [сайт]. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/42103> (дата обращения: 04.04.2026).

18. Шмаркова Лариса Ивановна, Шмарков Михаил Сергеевич, Шмаркова Елена Александровна, Макаров Егор Алексеевич РЕЗУЛЬТАТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ «ТУРИСТИЧЕСКИЙ КЕШБЭК» // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2023. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rezultaty-realizatsii-programmy-turisticheskij-keshbek> (дата обращения: 07.04.2026).

Айрапетян В.Г.

кандидат экономических наук,
доцент кафедры управления и технологий в туризме и рекреации
ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет»
e-mail: venusar@mail.ru

Кочьян Р.С.

студент
ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет»
e-mail: rkocheyan@mail.ru

Ayrapetyan V.G.

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department of Management and Technology in Tourism
and Recreation Sochi
Sochi State University
Kocheyan R.S.
Student
Sochi State University

АНАЛИЗ ПРЕДСТАВЛЕННОСТИ И ИМИДЖА ГАТРОНОМИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ СОЧИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию представленности и имиджа гастрономических объектов Сочи в цифровой среде. В работе последовательно раскрываются основы гастрономического туризма, анализируются его виды, факторы формирования и роль в социально-экономическом развитии дестинации.

Проведен анализ текущего состояния гастрономического туризма в Краснодарском крае. А также разрабатывается комплексная стратегия развития гастрономического туризма в Сочи, включая систему мероприятий, инструментов и механизмов реализации, а также оценка их экономической эффективности.

Ключевые слова: гастрономический туризм, цифровая среда, онлайн-присутствие, цифровой имидж, гастрономические объекты Сочи, туристская дестинация, социальные сети, отрицательные и положительные отзывы, рейтинговые платформы.

ANALYSIS OF REPRESENTATION AND IMAGE OF GATRONOMIC OBJECTS OF SOCHI IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Abstract. The article is devoted to the study of the representation and image of Sochi's gastronomic facilities in the digital environment. The work consistently reveals the basics of gastronomic tourism, analyzes its types, factors of formation and role in the socio-economic development of the destination. The analysis of the current state of gastronomic tourism in the Krasnodar Territory is carried out. A comprehensive strategy for the development of gastronomic tourism in Sochi is also being developed, including a system of measures, tools and implementation mechanisms, as well as an assessment of their economic effectiveness.

Keywords: gastronomic tourism, digital environment, online presence, digital image, gastronomic facilities of Sochi, tourist destination, social networks, negative and positive reviews, rating platforms.

Цифровая среда играет критически важную роль в современном гастрономическом туризме, являясь основным источником информации для туристов при выборе туристической локации, планировании путешествия и выборе конкретных гастрономических объектов для посещения. Онлайн-присутствие гастрономических объектов, их представленность на специализированных платформах, активность в социальных сетях, отзывы туристов формируют цифровой имидж местности как направления гастрономического туризма.

Анализ цифровой среды позволяет оценить, насколько эффективно гастрономический потенциал Сочи транслируется потенциальным туристам, какие элементы гастрономического предложения наиболее востребованы, какие проблемы идентифицируют туристы в своих отзывах. Онлайн-представленность и цифровой имидж (рейтинги, отзывы, визуальный контент) напрямую влияют на выбор туристов и формируют восприятие Сочи как гастрономического курорта федерального уровня.

TripAdvisor является одним из ключевых цифровых каналов, через который туристы выбирают гастрономические объекты в Сочи. Платформа фиксирует рейтинги, отзывы, фото и характеристики более 2 000 ресторанов и кафе в Большом Сочи, а также формирует топ списки заведений, которые влияют на цифровой имидж и туристический выбор. Наибольшее количество отзывов имеют рестораны, расположенные в центральных районах города и на набережной, а также рестораны при крупных отелях.

Средняя оценка ресторанов Сочи на TripAdvisor составляет 4,4 балла из 5, что является приемлемым показателем. Для сравнения, средняя оценка ресторанов в признанных гастрономических столицах превышает 4,5 балла.

Таблица 1. Примеры топовых ресторанов Сочи на TripAdvisor (2024–2026)

Название	Тип кухни	Рейтинг (TripAdvisor, 5-б.)	Число отзывов	Динамика запросов и популярности
Bron Sochi	Итальянская, паста	4,9	1 860	Постоянный рост отзывов; входит в топ-10 Сочи.
IOONA	Итальянская	4,6	1 640	Входит в топ-20; популярный выбор туристов.
Sakhalin	Морепродукты	4,6	1 170	Высокая популярность среди любителей морской кухни.
Сицилия	Европейская, гриль	4,6	845	Входит в топ-10; популярность в сезонах и межсезонье.
Вареничная Хата	Русская	4,6	690	Популярный выбор в горном кластере.

Анализ фотографий, размещенных туристами в отзывах на TripAdvisor, показывает, что наиболее фотографируемыми блюдами являются шашлыки, хачапури, пасты, морепродукты, салаты, десерты. Визуальная презентация блюд в большинстве случаев соответствует стандартам сервировки, однако не демонстрирует особой креативности или региональной специфики.

Современный гастрономический объект в Сочи редко ограничивается одной страницей на TripAdvisor. В последние годы всё чаще формируется цифровая экосистема, включающая:

TripAdvisor + Yandex Maps / 2ГИС + Яндекс Еда / Delivery Club — единый канал от поиска до заказа и посещения.

Социальные сети ресторанов (Instagram, Telegram-каналы, локальные туристические чаты) являются источником визуального контента и живых историй, которые отражаются в онлайн-отзывах и

рейтингах. Системы автоматизации и QR-меню позволяют вести цифровую аналитику, собирать отзывы и управлять цифровым имиджем в режиме реального времени.

Таблиц 2. Элементы цифровой экосистемы гастрономических объектов Сочи.

Компонент экосистемы	Функция	Влияние на цифровой имидж
Страница на TripAdvisor	Отзывы, рейтинги, фото, геолокация.	Формирует базовый имидж заведения и «меру доверия» для туристов.
Карты (2ГИС, Яндекс)	Геолокация, режим работы, меню, цены, бронирование.	Улучшает логику выбора и подталкивает к посещению.
Агрегаторы доставки	Возможность заказать еду без посещения.	Увеличивает общую цифровую активность и число контактных точек с туристом
QR-меню и автоматизация	Оплата, чек-бэк, сбор отзывов.	Повышает вовлечённость в цифровой канал и качество обратной связи.
Социальные сети и федеральные премии	Визуализация, экспертные оценки, медийность.	Усиливает престиж и «федеральный имидж» заведения, что повышает вероятность выбора туристом.

Присутствие гастрономических объектов Сочи в социальной сети Instagram демонстрирует возрастающее понимание важности визуального маркетинга. Многие рестораны имеют собственные аккаунты в Instagram, где регулярно публикуют фотографии блюд, информацию о специальных предложениях, анонсы мероприятий.

Анализ показывает, что наиболее успешные аккаунты ресторанов характеризуются качественными фотографиями, регулярностью публикаций, активным взаимодействием с подписчиками. Однако значительная часть ресторанов использует Instagram эпизодически или публикует контент низкого качества, что снижает эффективность продвижения.

Анализ отзывов на российских платформах Яндекс.Карты и Google Maps показывает сходства с международными платформами, но с некоторыми особенностями. Российские туристы в своих отзывах больше внимания уделяют соотношению цены и качества, размеру порций, наличию детского меню, возможности парковки.

Позитивно оцениваются заведения с домашней атмосферой, приемлемыми ценами, внимательным обслуживанием. Критика часто связана с завышенными ценами в туристских зонах, качеством продуктов, несоблюдением санитарных норм. Важным наблюдением является то, что туристы активно ищут и позитивно оцениваются заведения, предлагающие «настоящую местную кухню», что указывает на спрос на аутентичный гастрономический опыт.

Таблица 3. Статистика гастрономических объектов Сочи на Яндекс Карты и Google Maps (2024–2025 гг.)

Показатель	Яндекс Карты	Google Maps	Источник / комментарий
Число гастрономических объектов (рестораны, кафе, фаст-фуд)	1 900+ объектов на Яндекс Карты, включая рестораны, кафе, фуд-корты, фуд-ядра.	2 000+ объектов на Google Maps по всему городу и районам.	Общее число объектов включает фуд-корты, рынки и гастрономические пространства.

Средний рейтинг (по 5-балльной шкале)	4,5–4,7 для топ-50 ресторанов;	4,4–4,6 для топ-50;	Высокие рейтинги связаны с качеством сервиса
Среднее число отзывов на 1 популярный объект	3 000–8 000+ отзывов для крупных и модных заведений (например, «D.O.M», «Мамай-Кале'» и др.).	2 000–6 000+ отзывов для популярных ресторанов.	Рост числа отзывов усиливает доверие туристов.
Частота обновления объектов	Ежедневно обновляются подборки ресторанов (подборки «Живописные рестораны», «Рестораны в лесу», «Интересные рестораны» и др.).	Регулярное обновление информации, маршрутов и геолокации.	Обновление карточек важно для актуальности и выбора туристами.
Влияние на выбор туристов	40–50% туристов использует Яндекс Карты для выбора и навигации к ресторану.	30–40% туристов использует Google Maps для выбора.	Карты и гайды формируют маршрут и выбор.

Представленность фермерских хозяйств и производителей местных продуктов в цифровой среде остается крайне низкой, что существенно ограничивает их доступность для гастрономических туристов. Большинство фермерских хозяйств не имеют собственных сайтов или аккаунтов в социальных сетях, информация о них труднодоступна. Развитие цифрового присутствия фермерских хозяйств является необходимым условием для их интеграции в гастрономический туризм.

Специализированные гастрономические блоги и медиа, посвященные ресторанам и кухне Сочи, представлены ограниченно. Существуют несколько локальных блогеров и инстаграм-аккаунтов, регулярно публикующих обзоры ресторанов, однако их аудитория преимущественно местная. Федеральные гастрономические медиа редко публикуют материалы о ресторанах Сочи, преимущественно в контексте летнего сезона или крупных событий. Развитие отношений с гастрономическими блогерами и медиа, организация пресс-туров могли бы повысить медийное присутствие гастрономии Сочи.

Онлайн-бронирование столиков в ресторанах Сочи развито неравномерно. Крупные рестораны и заведения при отелях интегрированы в международные системы онлайн-бронирования, что обеспечивает удобство для туристов. Однако значительная часть ресторанов, особенно средний сегмент, не предлагает возможности онлайн-бронирования, требуя телефонного звонка, что создает барьер для иностранных туристов и снижает спрос. Интеграция большего количества ресторанов в системы онлайн-бронирования повысила бы доступность и удобство планирования гастрономического опыта для туристов.

Таблица 4. Примеры систем и форматов онлайн-бронирования столиков в ресторанах Сочи.

Формат бронирования	Примеры / сервисы и заведений Сочи	Как работает (кратко)	Насколько распространён в Сочи (оценка)
Отдельный сайт ресторана с формой брони	Pro.Хинкали (Сочи), «Федина дача» и др. рестораны, которые размещают на сайте	Гость заполняет форму (дата, время, число людей, комментарий),	Встречается, но среди более крупных и брендированных заведений; не все

Формат бронирования	Примеры / сервисы и заведений Сочи	Как работает (кратко)	Насколько распространён в Сочи (оценка)
	отдельную страницу «Забронировать стол».	заявка уходит в ресторан, бронь подтверждается по телефону или SMS.	малые кафе и фаст-фуд имеют такой функционал.
Специализированные сервисы бронирования (на базе облачных решений)	Restoplace, LeClick (LeClick-сервис бронирования столиков в Сочи), «ТоМесто».	Заведение подключает веб-виджет брони; гость видит схему зала, выбирает время и место, бронь автоматически попадает в систему ресторана.	В городе активно внедряется, но неравномерно: больше в сетевых и премиальных заведениях, меньше — в небольших кафе и точках общепита.
Бронирование через Яндекс Карты / Google Maps	Многие рестораны Сочи дают возможность «Забронировать столик» прямо из карточки заведения на Яндекс Карты и Google Maps.	Гость выбирает дату и время, заявка направляется в ресторан; часть сервисов интегрируется с облачными системами брони.	В 2025–2026 гг. доля заведений с включённым функционалом резко растёт, но значительная часть локальных кафе и фаст-фуд бронь онлайн не предоставляет.
Бронирование через агрегаторы и гиды (TripAdvisor)	Отдельные рестораны предлагают вариант брони через внешние сервисы или через внутренние формы, связанные с агрегатором.	Заявка идёт через посредника, который уже работает с рестораном по ROI-модели.	В Сочи модель пока нишевая: широко используется в крупных городах РФ, а в Сочи представлена выборочно.
Телефон и мессенджеры как основной «онлайн-формат» брони	Многие небольшие кафе, семейные рестораны, фермерские локации используют только номер телефона или Telegram/WhatsApp для брони.	Гость пишет или звонит, менеджер записывает вручную в книгу броней.	Остается основным каналом для части заведений, особенно в малых районах города и в неформальном сегменте.

Репутационный менеджмент в цифровой среде осуществляется ресторанами Сочи с различной степенью активности. Наиболее профессиональные заведения систематически отслеживают отзывы на различных платформах, оперативно реагируют на негативные комментарии, благодарят за

позитивные отзывы. Однако значительная часть ресторанов игнорирует обратную связь в цифровой среде, что негативно влияет на их репутацию и восприятие туристами.

Анализ показывает, что рестораны, активно работающие с отзывами, имеют более высокие оценки и большую лояльность клиентов. Обучение представителей гастрономической индустрии методам репутационного менеджмента в цифровой среде могло бы повысить общий уровень цифрового имиджа гастрономии Сочи.

Таким образом, анализ цифрового присутствия и имиджа гастрономических объектов Сочи выявляет значительные возможности для улучшения. Хотя количественная представленность ресторанов на основных платформах достаточна, качество контента, его информативность, визуальная привлекательность требуют повышения.

Неполнота официальной информации о гастрономических возможностях Сочи затрудняет планирование гастрономических путешествий. Развитие цифрового присутствия, формирование яркой и интересной гастрономической идентичности в онлайн-пространстве, активная работа с пользовательским контентом и отзывами являются необходимыми условиями для продвижения Сочи как направления гастрономического туризма.

Литература:

1. Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации №132-ФЗ от 24.11.1996 (в последней редакции) // Официальный сайт Федерального агентства по туризму. URL: <http://russiatourism.ru/content/3/section/37/detail/3463/>;

2. Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года. Утверждена распоряжением правительства Российской Федерации от 20.09.2019 г. №2129-р [Электронный ресурс] // Правительство России. – URL: <http://static.government.ru/media/files/FjJ74rYOaVA4yzPAshEulYxmWSpB4lrM.pdf>;

3. ГОСТ Р 50681-2010 «Туристские услуги. Проектирование туристских услуг». [Электронный ресурс] // URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200083215/>;

4. ГОСТ Р 54600-2011 «Туристские услуги. Услуги турагентств. Общие требования». [Электронный ресурс] // URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200095897/>;

5. ГОСТ Р 50690-2017 «Туристские услуги. Общие требования». [Электронный ресурс] // URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200157390/>;

6. 6 наиболее эффективных видов рекламы в социальных сетях в 2021 году // [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.bigcommerce.com/blog/social-media-advertising/#what-are-the-benefits-of-advertising-on-social-media-channels> (Дата обращения 20.05.2025).

7. Александрова А.Ю. Статистика туризма: учебник. – М.: Федеральное агентство по туризму, 2024. – 464 с.;

8. Батракова, Е. В. Маркетинговые технологии в туризме: учебно-методическое пособие для выполнения самостоятельной работы для студентов 4 курса обучающихся по специальности 100401 Туризм / Е. В. Батракова. — Черкесск: Северо-Кавказская государственная гуманитарно-технологическая академия, 2024. — 21 с. — Текст: электронный // Электронно-библиотечная система IPR BOOKS: [сайт]. — URL: <https://www.iprbookshop.ru/27201.html> (дата обращения: 21.05.2025). — Режим доступа: для авторизир. Пользователей

9. Бобкова А.Г., Кудреватых С.А., Писаревский Е.Л. Безопасность туризма: учебник / под общ. ред. д-ра юрид. наук Е.Л. Писаревского. – М.: Федеральное агентство по туризму, 2024. – 272 с.;

10. Буценко Е. Д. Гастрономический туризм как популярное направление в туризме // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2025. – Т. 33. – С. 56–60.;

11. Валеева Е.О. Технология и организация туроператорской деятельности; учебное пособие/Валеева Е.О. – Электронные текстовые данные. – Саратов: Вузовское образование, 2025 – 145 с.;
12. Веретенников, А. Н. Гастрономический туризм / А. Н. Веретенников, Е. А. Соломахина // Экономика. Инновации. Упр. качеством. — 2023. — № 2 (15). — С. 36-38.
13. Веткин В. А., Винтайкина Е.В. Технология создания турпродукта: пакетные туры. – М.: Финансы и статистика; ИНФРА-М, 2025. -240 с.;
14. Воробьева, М. С. Понятия и особенности гастрономического туризма / М. С. Воробьева, Н. Е. Нехаева // Тенденции развития науки и образования. — 2022. — № 32-3. — С. 45-49.

Хорун А.П.

студент

Восточно-Сибирский филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева» (г. Иркутск)

Khorun A.P.

Student

East Siberian Branch of the V. M. Lebedev Russian State University of Justice

МЕХАНИЗМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ УМЫСЛА ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ В КОРПОРАТИВНОЙ СРЕДЕ

Аннотация. В современной России, как и в большинстве стран мира, основными хозяйствующими субъектами являются организации корпоративного типа, что обуславливает возросшую актуальность вопросов разрешения корпоративных конфликтов. Статья посвящена методологическим и практическим аспектам доказывания умысла при квалификации действий участников корпоративных отношений как злоупотребление правом. Анализ основан на общем гражданско-правовом подходе, особенностях корпоративного регулирования и типичных моделях правоприменения.

Ключевые слова: корпоративные отношения, злоупотребление правом, корпоративный спор, доказывание умысла, правоприменение.

MECHANISMS FOR PROVING INTENT IN ESTABLISHING ABUSE OF RIGHTS IN THE CORPORATE ENVIRONMENT

Abstract. In modern Russia, as in most countries of the world, the main economic entities are corporate organizations, which has led to an increased focus on resolving corporate conflicts. This article explores the methodological and practical aspects of proving intent when classifying the actions of corporate participants as abuse of rights. The analysis is based on a general civil law approach, the specifics of corporate regulation, and typical models of law enforcement.

Keywords: corporate relations, abuse of rights, corporate dispute, proving intent, law enforcement.

Сегодня злоупотребление правом проникает в каждую сферу современной правовой системы, однако этот феномен до сих пор недостаточно исследован.

Каждое предприятие стремится к прибыли, производя продукцию, оказывая услуги, выполняя работы. Такая деятельность предполагает участие в гражданском обороте. Корпоративные предприятия предполагают наличие акционеров и деление капитала на акции или доли, что неравномерно распределяет права участников, а также создает условия для злоупотреблений коллегиальными органами управления. К другим особенностям корпоративных предприятий относятся:

- возможность привлечения инвестиций;
- собственники (акционеры) не управляют компанией напрямую, а нанимают профессиональных менеджеров;
- способность вести деятельность в разных отраслях для снижения рисков;
- единые правила (дресс-код, нормы общения) для формирования имиджа и мотивации;
- иерархичность управления (часто – международный масштаб деятельности).

Под злоупотреблением правом в корпоративной среде понимают осознанное, виновное поведение одного из участников (или управленческого органа), направленное на причинение ущерба другому участнику, самой компании или сторонним лицам. Суть такого поведения – применение своих полномочий с целью достижения результатов, противоречащих закону или интересам бизнеса [1]. Среди основных признаков умысла можно отметить:

- действия, совершенные исключительно с намерением причинить вред (например, «парализовать» деятельность компании);
- незаконные действия, но при этом «прикрытые» формальным соблюдением правил;
- действия осуществляются не с целью защиты собственных прав, а для получения неправомερных преимуществ;

лицо понимает противоправность своих действий и осознает возможное наступление негативных последствий (вина) [2].

Доказывание умысла при злоупотреблении правом (ст. 10 ГК РФ) – это одна из самых сложных задач в арбитражном процессе, потому что умысел представляет собой внутреннее, субъективное отношение лица к своим действиям. В реальной судебной практике доказывание часто сталкиваются с дефицитом прямых доказательств, поскольку документальная форма операций и официальные решения могут формально соответствовать требованиям закона. В связи с этим на первый план выходит совокупность косвенных признаков, позволяющих интерпретировать поведение субъекта:

- экономическая нецелесообразность сделок;
- создание искусственной задолженности перед «дружественным» кредитором;
- нарушение обязательства одного лица действовать исключительно в целях другого (фидуциарные обязанности).

Косвенные признаки создают логическую картину умысла на основе анализа обстоятельств, сопутствовавших или предшествовавших спорной сделке. Так, резкое отклонение цены от рыночной, наличие связей между сторонами, обнаружение схем сомнительных операций (веерные риски), а также нарушение принципа корпоративной лояльности – указывает на возможное умышленное искажение условий сделки. Особенно значимыми являются внутренние переписки и протоколы заседаний, свидетельствующие о том, что формальные процедуры применялись для прикрытия целенаправленных умышленных действий [3]. Не менее существенной является экономическая экспертиза, позволяющая зафиксировать факт экономически нецелесообразных переводов активов, манипуляций с оценкой имущества и искусственного разделения бизнеса. Например, при отсутствии реальных бизнес-рисков при существенных уступках в цене суд получает весомые основания для квалификации действий как недобросовестных.

В целом, любые отклонения от уставных процедур и нарушения принципов прозрачности корпоративной деятельности служат сигналом о возможном злоупотреблении. Если решение принимается без проведения экспертизы и надлежащего информирования заинтересованных сторон – это усиливает убежденность в наличии недобросовестного мотива.

В качестве истцов в корпоративном споре (ст. 225.1 АПК РФ) выступают участники, акционеры, учредители юридического лица, а также сама компания, ее органы управления или иные лица, защищающие права, связанные с созданием, управлением или участием в юридическом лице. Истцу необходимо выстроить доказательственную стратегию, сочетающую оперативные процессуальные шаги и глубокое исследование фактических обстоятельств. Например, заявление ходатайств о временных обеспечительных мерах помогает сохранить статус-кво, а также доказательства в неповрежденном виде. Параллельно необходимо истребовать документы и назначать экспертизы, формулируя вопросы так, чтобы экспертные заключения прямо коррелировали с элементами умысла. Комбинация процессуальной

инициативы и качественной доказательной базы существенно повышает вероятность успешного вывода о злоупотреблении правом.

Следует учитывать, что потенциальным истцам полезно заблаговременно формировать доказательственную базу, включая сбор переписки и архивов документов, фиксацию операций с привлечением независимых экспертиз и своевременное оформление обеспечительных мер. Судьям и экспертам, в свою очередь, целесообразно оценивать доказательства в комплексе, отказываясь от приоритета формальных критериев при анализе мотивации сторон.

Ниже приведем примеры злоупотребления правом в корпоративной сфере. Распространенный сценарий: инициация контролирующим акционером ряда межфирменных сделок, в результате которых ключевые активы переводятся в структуры, находящиеся под его контролем. Хотя сделки официально оправдываются оптимизацией бизнеса, анализ цен и логика операций указывают на вывод стоимости за пределы основного предприятия. Доказательства, включая переписку, заключение эксперта о заниженной стоимости и выявленные процессуальные нарушения, позволяют суду установить связь между действиями и намерением нанести ущерб другим участникам.

Другой случай связан с использованием процедур голосования для принятия решений, фактически исключающих интересы мелких акционеров. В этом случае процедура созыва собрания и порядок информирования участников носят формальный характер, а итоговые решения выгодны узкому кругу лиц. В таких обстоятельствах признание злоупотребления правом основывается на совокупной оценке процессуальных нарушений и их последствий для компании.

Третий пример – о взыскании премий, увеличенных зарплат и прочих выплат, назначенных директором (заместителем) самому себе. Убытки, причиненные компании ее генеральным директором (или заместителем) – частая причина корпоративных споров. Однако основания для возникновения ответственности у директора (заместителя) за причинение убытков вызывают большое количество вопросов. Частично решить их помогает Постановление Пленума ВАС РФ № 62 от 30.07.2013, в котором разъясняется, что для привлечения к ответственности необходимо:

- доказать противоправность (неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязанностей);
- определить наличие и размер убытков;
- установить причинно-следственную связь между противоправностью и причинением убытков.

Именно причинно-следственная связь – главная часть доказывания и самая частая причина для отказа в иске. Необходимо в полной мере обосновать все три вышеназванные обстоятельства, чтобы увеличить возможность выигрыша в суде [4]. Общеизвестно, что генеральный директор (заместитель) имеет широкие полномочия по управлению доверенным ему предприятием, включая возможность распоряжения его имуществом, не являясь собственником или законным владельцем соответствующих активов. Ввиду расхождения между фактической возможностью управления и юридическим обладанием имуществом деятельность директора (заместителя) ограничивается стандартами (требованиями) добросовестности и разумности поведения. Так, в одном из своих постановлений Верховный суд отменил принятые ранее судебные акты и передал на новое рассмотрение дело о взыскании убытков, поскольку суд низшей инстанции не проверил и не оценил довод истца об осуществлении нетипичных выплат в пользу заместителя генерального директора, не отвечающих интересам компании [5].

В заключение следует подчеркнуть, что отсутствие прямых доказательств умысла не должно являться препятствием для вывода о недобросовестности при наличии совокупности косвенных признаков. Внимательное исследование хронологии решений, мотивов участников и экономических следствий позволит суду адекватно отразить реальную картину действий и восстановить баланс интересов.

Литература:

1. Снытникова Н. В. (2025). Природа, особенности и виды злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях. *Право и государство: теория и практика*, (1), 345-349. doi: 10.47643/1815-1337_2025_1_345.
2. Писарева А. А. К вопросу о понятии злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях: сборник трудов конференции. // *Актуальные вопросы экономики, права и социологии: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участ.* – 2026. – Чебоксары: ИД «Среда», 2026. – С. 154-157.
3. Шевчук, Д.А. Злоупотребление правом участниками корпоративных правоотношений // *Вестник арбитражной практики*. 2024. № 4. С. 36 – 42.
4. Жарский И. Корпоративные убытки и ответственность руководителя. URL: <https://veta.expert/media/korporativnye-ubytki-i-otvetstvennost-rukovoditelya/> (дата обращения: 16.04.2026).
5. Информационно правовой портал «Гарант.РУ». Определение СКЭС ВС РФ от 11.04.2025 № 305-ЭС24-22998 по делу № А40-215730/2023. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411764720/> (дата обращения: 16.04.2026).

Барсегян Р.Н.

студент

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»

Бочкова Т.А.

кандидат экономических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»

Barsegyan R.N.

Student

I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University

Bochkova T.A.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ И ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ

Аннотация. В работе исследуется проблема влияния мер государственного финансового регулирования и решений Центрального Банка в условиях перестройки российской экономики в период 2023-2025 годов. Предметом анализа являются механизмы воздействия инструментов монетарной политики на динамику инфляции, внутреннего спроса, экономического роста, инвестиционной активности, занятости и валютного курса в 2023–2025 годах. Основа исследования – сравнительный и институциональный анализ, изучение официальной статистики и программы Банка России, Министерства финансов Российской Федерации и Росстата. Сделан вывод, что ключевым фактором макроэкономической устойчивости в данный период выступала не эффективность отдельных инструментов, а совокупность действий монетарной политики в условиях внешнеэкономических изменений.

Ключевые слова: макроэкономическое регулирование, денежно-кредитная политика, ключевая ставка, внутренний спрос, макроэкономическая устойчивость, Банк России, федеральный бюджет.

MACROECONOMIC INDICATORS AND MONETARY POLICY IN RUSSIA

Abstract. This paper examines the impact of government financial regulation measures and Central Bank decisions in the context of the Russian economic restructuring in 2023-2025. The analysis focuses on the mechanisms by which monetary policy instruments influence inflation, domestic demand, economic growth, investment activity, employment, and the exchange rate in 2023-2025. The study is based on a comparative and institutional analysis, examining official statistics and the programs of the Bank of Russia, the Ministry of Finance of the Russian Federation, and Rosstat. It is concluded that the key factor in macroeconomic stability during this period was not the effectiveness of individual instruments, but rather the overall impact of monetary policy actions in the context of external economic changes.

Keywords: macroeconomic regulation, monetary policy, key rate, domestic demand, macroeconomic stability, Bank of Russia, federal budget.

Период 2023–2025 годов стал важным этапом адаптации российской экономики после шока 2022 года. На фоне перестройки внешнеэкономических связей усилилась роль внутреннего спроса и

государственного регулирования. Потребительская и инвестиционная активность восстанавливалась быстрее ожиданий, что поддержало рост ВВП. В то же время адаптация проходила в сложных условиях: сохранялись ограничения внешней торговли, происходила переориентация импорта, росли издержки бизнеса. Волатильность курса рубля усиливала инфляционные риски и усложняла макроэкономическую политику. Рынок труда характеризовался низкой безработицей, но усиливающимся дефицитом кадров. В целом этот период отражает сочетание восстановления и структурной трансформации экономики.¹

Именно поэтому в 2023–2025 годах бюджетную и денежно-кредитную политику нельзя рассматривать изолированно. Бюджетные решения влияли на совокупный спрос, на структуру государственных расходов и на параметры дефицита, а действия Банка России определяли стоимость кредита, сберегательное поведение, динамику внутреннего спроса и условия дезинфляции. В 2023 году экономика выросла на 3,6%², в 2024 году на 4,1%³, а в 2025 году⁴, по первой оценке Росстата, на 1,0%. Инфляция при этом составила 7,46% в декабре 2023 года к декабрю 2022 года, 9,52% в декабре 2024 года к декабрю 2023 года и 5,6% в декабре 2025 года к декабрю 2024 года.

В 2023 году макроэкономическая политика России формировалась на фоне ускорившейся адаптации экономики к санкциям и восстановления внутреннего спроса. Росстат зафиксировал рост ВВП на 3,6%, а Банк России отмечал, что выпуск, ориентированный на внутренний спрос, уже в середине 2023 года превысил докризисный уровень. При этом рост заработных плат, расширение кредитования и уровень безработицы усиливали инфляционное давление. Инфляция по итогам года составила 7,46%, что существенно превысила целевой уровень⁵.

В 2024 году противоречия стали еще более заметными. ВВП вырос на 4,1%, но одновременно инфляция ускорилась до 9,52%. Банк России прямо связывал это с тем, что внутренний спрос значительно опережал возможности расширения предложения, а дополнительные бюджетные расходы и расширение дефицита федерального бюджета способствовали ускорению инфляции. По материалам Минфина, дефицит федерального бюджета за 2024 год составил около 3,47 трлн рублей. Но для денежно-кредитной политики было важно не только наличие дефицита, а его влияние на совокупный спрос. Поэтому ставка была доведена до 21%, то есть до пика жесткости за весь рассматриваемый период⁶.

В 2025 году картина изменилась, но не стала однозначной. По первой оценке Росстата, рост ВВП замедлился до 1,0%, а инфляция снизилась до 5,6%. Это позволяет говорить о частичном успехе жесткой денежно-кредитной политики: Банк России удерживал ключевую ставку на уровне 21% в начале года, а затем перешел к постепенному снижению лишь после появления признаков более устойчивого замедления инфляции. Одновременно Минфин подчеркивал завершение нормализации бюджетной

¹ Банк России. Денежно-кредитная политика [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbr.ru/dkp/>

² Росстат представляет первую оценку ВВП за 2023 год // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/230009> (дата обращения: 19.03.2026).

³ Росстат представляет первую оценку ВВП за 2024 год // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/254129> (дата обращения: 19.03.2026).

⁴ Росстат представляет первую оценку ВВП за 2025 год // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/277380> (дата обращения: 19.03.2026).

⁵ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2024 год и период 2025 и 2026 годов. М.: Банк России, 2023. URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/150582/on_2024%282025-2026%29.pdf

⁶ Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru>

политики и ориентацию на структурный первичный баланс. Однако по предварительной оценке дефицит федерального бюджета в 2025 году составил около 2,6% ВВП⁷.

Динамика ключевой ставки в 2023–2025 годах позволяет наглядно увидеть, как Банк России реагировал на изменение макроэкономической ситуации.

Таблица 1. Динамика ключевой ставки Банка России в 2023–2025 годах

Год	Уровень на начало года, %	Максимум за год, %	Уровень на конец года, %	Комментарий
2023	7,5	16,0	16,0	Переход от нейтральных условий к резкому ужесточению на фоне ускорения инфляции, ослабления рубля и роста внутреннего спроса
2024	16,0	21,0	21,0	Доведение политики до пика жесткости из-за перегрева экономики, высокой инфляции
2025	21,0	21,0	16,0	Длительное удержание высокой ставки в начале года и смягчение после замедления инфляции и охлаждения экономической активности

Исходя из данной таблицы, можно сделать некоторые выводы. Во-первых, за данный период прослеживается последовательная траектория монетарной политики: от резкого ужесточения в 2023 через удержание пиковых значений в 2024 к постепенному смягчению в 2025, что характерно для политики борьбы с инфляционным шоком и последующего восстановления макроэкономической устойчивости. Во-вторых, в экономическом плане политика Банка России носит выраженный антиинфляционный характер, который привел к постепенному оживлению экономической активности.

Если оценивать влияние бюджетной и денежно-кредитной политики на отдельные макроэкономические показатели, то картина выглядит неоднородно. На экономический рост в 2023–2024 годах заметно работало бюджетное стимулирование экономики, поддерживавшее государственный спрос и инвестиции, а также внутреннее потребление. При этом высокий спрос, рост кредита и уровня безработицы способствовали ускорению инфляции. На курс рубля, как отмечал Банк России, влияли прежде всего внешнеторговые условия, а не сама по себе ключевая ставка.

Исследование показывает, что в 2023–2025 годах бюджетная и денежно-кредитная политика России действовали в едином макроэкономическом пространстве, но не всегда в полностью согласованном режиме. Экономика относительно быстро адаптировалась к санкционным ограничениям

⁷ Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики Российской Федерации на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов. М.: Министерство финансов Российской Федерации, 2024. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=308751-osnovnye_napravleniya_byudzhethoi_nalogovoi_i

и новой структуре внешней торговли, что поддержало рост в 2023–2024 годах. Однако эта адаптация сопровождалась перегретым внутренним спросом, дефицитом рабочей силы, повышенным спросом на импорт и ускорением инфляции. В таких условиях бюджетная поддержка выполняла стабилизирующую функцию, но одновременно усиливала избыточный спрос.

Денежно-кредитная политика Банка России в целом подтвердила свою эффективность как инструмент сдерживания инфляции, но только в среднесрочном горизонте и при длительном сохранении жестких условий. Статистика 2025 года показывает, что дезинфляция стала возможной, однако не была достигнута без замедления роста и сохранения высокой стоимости кредита.

Главный вывод состоит в том, что для России 2023–2025 годов решающим был не выбор приоритета одной из политик, а именно характер и качество их взаимодействия. В условиях масштабной структурной трансформации экономики и адаптации к внешним ограничениям требовалась высокая степень согласованности между бюджетной и денежно-кредитной политикой. Этот период показал, что односторонние меры оказываются недостаточными: стимулирование со стороны бюджета поддерживало экономическую активность и внутренний спрос, однако при ограниченных возможностях предложения это создавало дополнительное инфляционное давление. В таких условиях на Банк России возлагалась необходимость более жесткого регулирования через процентные ставки и другие инструменты для сдерживания инфляции и стабилизации макроэкономической среды. Тем самым ключевым фактором устойчивости стала именно координация политик, позволяющая балансировать между поддержкой роста и сохранением ценовой стабильности.

Литература:

1. Банк России. Денежно-кредитная политика [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbr.ru/dkp/>
2. О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов: Федер. закон от 27.11.2023 № 540-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=305117federalnyi_zakon_ot_27.11.2023__540fz_o_federalnom_byudzhete_na_2024_god_i_na_planovyi_period_2025_i_2026_godov
3. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики Российской Федерации на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов [Электронный ресурс]. М.: Министерство финансов Российской Федерации, 2023. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2023/09/main/ONBNiTTP__2024-2026.pdf
4. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2024 год и период 2025 и 2026 годов [Электронный ресурс]. М.: Банк России, 2023. URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/150582/on_2024%282025-2026%29.pdf
5. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс] URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/230009>
6. Финансовая экономика: Учебник в 2-х томах / В. В. Иванов, Н. А. Львова, А. Ю. Андрианов [и др.]. Том I. - Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Перспектив" 2022. - 784 с. - ISBN 978-5-392-35765-9. - EDN GRMVG.

Трубин Н.И.

магистрант

ЧОУ ВО «Московский университет имени С.Ю. Витте»

Trubin N.I.

Master's Student

Moscow University named after S. Yu. Witte

РАЗВИТИЕ КОМПЕТЕНЦИЙ ПЕРСОНАЛА КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИЕЙ

Аннотация. В условиях усиливающейся конкуренции и ускоряющихся изменений внешней среды особую значимость приобретает стратегическое управление персоналом, ориентированное на формирование и развитие ключевых компетенций работников. Компетентностный подход позволяет обеспечить согласование целей организации и потенциала человеческих ресурсов, выступая важнейшим инструментом повышения эффективности управления. В статье рассматривается сущность компетенций персонала, их роль в стратегическом управлении, а также анализируются современные подходы к их развитию и оценке. Особое внимание уделено взаимосвязи развития компетенций с конкурентоспособностью организации и устойчивостью её функционирования.

Ключевые слова: компетенции персонала, стратегическое управление персоналом, компетентностный подход, человеческие ресурсы, эффективность управления, развитие персонала

DEVELOPMENT OF PERSONNEL COMPETENCIES AS A KEY FACTOR OF EFFECTIVENESS OF STRATEGIC HUMAN RESOURCE MANAGEMENT

Abstract. In the context of increasing competition and rapid changes in the external environment, strategic human resource management focused on the development of key employee competencies becomes especially important. The competency-based approach ensures alignment between organizational goals and human resource potential, acting as a key tool for improving management effectiveness. The article examines the essence of personnel competencies, their role in strategic management, and analyzes modern approaches to their development and assessment. Particular attention is paid to the relationship between competency development, organizational competitiveness, and sustainability.

Keywords: personnel competencies, strategic HR management, competency-based approach, human resources, management efficiency, staff development

В условиях современного этапа развития экономики, характеризующегося высокой степенью неопределённости, ускорением технологических изменений и усилением конкуренции, особое значение приобретает способность организаций адаптироваться к новым условиям. В этой связи ключевым фактором устойчивого развития становится эффективное управление человеческими ресурсами, основанное на стратегическом подходе.

Стратегическое управление персоналом предполагает не только решение текущих кадровых задач, но и формирование долгосрочного потенциала организации. В рамках данного подхода особое место занимает развитие компетенций персонала, позволяющее обеспечить соответствие уровня подготовки работников стратегическим целям организации. Именно компетенции становятся тем элементом, который связывает индивидуальные возможности сотрудников с задачами бизнеса.

Компетентностный подход к управлению персоналом получил широкое распространение в современной научной и практической деятельности. Его сущность заключается в ориентации на формирование и развитие совокупности знаний, навыков, личностных характеристик и моделей поведения, обеспечивающих эффективную профессиональную деятельность. Как отмечает А. А. Абрамова, компетенции представляют собой интегральную характеристику личности, включающую не только профессиональные знания, но и способность применять их в конкретных условиях [1].

Развитие компетенций становится особенно актуальным в условиях перехода к инновационной экономике, где основным источником конкурентных преимуществ выступает человеческий капитал. В отличие от материальных ресурсов, компетенции работников обладают свойством накапливаться и развиваться, формируя долгосрочный потенциал организации.

Следует подчеркнуть, что стратегическое управление персоналом невозможно без системного подхода к развитию компетенций. В работах Н. И. Архиповой и О. Л. Седовой отмечается, что компетентностный подход позволяет интегрировать ключевые функции управления персоналом, включая подбор, адаптацию, обучение и оценку сотрудников [2]. Таким образом, формируется единая система, ориентированная на достижение стратегических целей организации.

В современных условиях развитие компетенций приобретает непрерывный характер. Это обусловлено быстрым устареванием знаний и необходимостью постоянного обновления профессиональных навыков. Исследования А. Д. Безгласной и соавторов показывают, что организации все чаще внедряют системы непрерывного обучения, ориентированные на развитие как профессиональных, так и надпрофессиональных компетенций [3].

Особое значение приобретает развитие так называемых гибких навыков, включающих коммуникативные способности, критическое мышление, способность к обучению и адаптации. Эти компетенции позволяют сотрудникам эффективно взаимодействовать в условиях неопределенности и принимать решения в нестандартных ситуациях.

В контексте стратегического управления персоналом компетенции выполняют не только функциональную, но и управленческую роль. Они выступают основой для формирования требований к персоналу, разработки системы мотивации и оценки эффективности деятельности сотрудников. По мнению А. В. Белоусова, компетенции являются связующим звеном между стратегией организации и практической деятельностью работников [4].

Одним из ключевых инструментов реализации компетентностного подхода является модель компетенций. Она представляет собой структурированное описание требований к персоналу, отражающее стратегические приоритеты организации. Модель компетенций позволяет определить, какие именно знания, навыки и качества необходимы для достижения поставленных целей.

А. А. Одинцов и О. В. Одинцова подчеркивают, что использование моделей компетенций способствует повышению прозрачности управления персоналом и обеспечивает объективность оценки сотрудников [6]. Кроме того, такие модели позволяют выстраивать индивидуальные траектории развития работников, ориентированные на достижение стратегических целей организации.

Развитие компетенций персонала тесно связано с системой обучения и повышения квалификации. Современные организации активно используют различные формы обучения, включая корпоративные университеты, онлайн-курсы, наставничество и проектное обучение. Такой подход позволяет обеспечить гибкость и адаптивность системы развития персонала.

Важным аспектом является также оценка уровня компетенций сотрудников. Для этого используются различные методы, включая аттестацию, оценку 360 градусов, тестирование и анализ результатов деятельности. Оценка компетенций позволяет выявить сильные и слабые стороны персонала и определить направления его дальнейшего развития.

Не менее значимым является вопрос мотивации работников к развитию компетенций. В современных условиях мотивация выходит за рамки материального стимулирования и включает возможности профессионального роста, участие в интересных проектах и развитие карьеры. Как отмечает И. А. Брантов, развитие компетенций способствует повышению эффективности деятельности организации, улучшению качества управленческих решений и формированию инновационного потенциала [5]. Это, в свою очередь, обеспечивает устойчивые конкурентные преимущества и повышает адаптивность организации к изменениям внешней среды.

Следует также учитывать, что развитие компетенций персонала нельзя рассматривать как изолированный процесс, ограниченный рамками отдельных обучающих мероприятий или краткосрочных программ повышения квалификации. В современных организациях оно постепенно превращается в один из ключевых элементов стратегического управления, напрямую связанный с долгосрочными приоритетами бизнеса. Это проявляется в том, что формирование необходимых навыков и знаний заранее увязывается с планами развития компании, её конкурентной позицией и изменениями во внешней среде. Если организация ориентируется на расширение рынков или внедрение новых технологий, то и система развития персонала должна опережать эти изменения, готовя сотрудников к новым требованиям ещё до их фактического появления.

Особое значение приобретает согласованность различных кадровых процессов. Обучение сотрудников не должно существовать само по себе — оно должно опираться на результаты оценки персонала, выявляющей реальные дефициты компетенций, и одновременно подкрепляться системой мотивации, которая стимулирует применение полученных знаний на практике. Когда эти элементы работают разрозненно, организация сталкивается с ситуацией, при которой обучение не даёт ощутимого эффекта: сотрудники проходят курсы, но не используют новые навыки в работе, либо не видят в этом личной выгоды. Напротив, при выстроенной системе управления человеческими ресурсами обучение становится логическим продолжением оценки, а мотивационные механизмы закрепляют поведенческие изменения, формируя устойчивый профессиональный результат.

В условиях цифровой трансформации требования к компетенциям сотрудников заметно усложняются и расширяются. Уже недостаточно владеть базовыми навыками работы с компьютером — речь идёт о способности ориентироваться в цифровой среде, быстро осваивать новые программные решения, работать с большими объёмами информации и извлекать из них практическую ценность. Например, сотрудники должны уметь использовать корпоративные информационные системы не только на уровне пользователя, но и понимать логику их функционирования, чтобы эффективно взаимодействовать с различными подразделениями. Возрастает значение аналитических навыков: умение интерпретировать данные, выявлять закономерности и принимать решения на их основе становится важным не только для специалистов, но и для управленцев.

Параллельно усиливается роль управленческих компетенций, особенно на уровне среднего и высшего звена. Руководитель сегодня выступает не столько контролёром, сколько координатором и носителем организационных изменений. От него требуется способность выстраивать взаимодействие в команде, поддерживать инициативу сотрудников и направлять их деятельность в условиях неопределённости. Практика показывает, что именно недостаток управленческих навыков часто становится причиной неудач при внедрении новых проектов или технологий. Умение принимать решения в условиях ограниченной информации, готовность брать на себя ответственность и способность адаптировать стиль управления под конкретную ситуацию становятся определяющими качествами эффективного руководителя.

Подводя итог проведённому исследованию, следует отметить, что развитие компетенций персонала действительно выступает ключевым фактором эффективности стратегического управления

организацией, обеспечивая согласование целей бизнеса и потенциала работников. Компетентностный подход позволяет повысить качество управленческих решений, усилить адаптивность организации и сформировать устойчивые конкурентные преимущества.

Вместе с тем, несмотря на широкое распространение компетентностного подхода, в практике управления персоналом сохраняется ряд нерешённых проблем. Прежде всего, это отсутствие универсальных и адаптивных моделей компетенций, способных учитывать специфику отрасли и быстро меняющиеся условия внешней среды. Во многих организациях модели компетенций носят формальный характер и не интегрированы в систему стратегического управления, что снижает их практическую ценность [7].

Дополнительную сложность представляет недостаточная разработанность механизмов объективной оценки компетенций. Применяемые методы зачастую не позволяют в полной мере отразить реальные способности работников и их потенциал к развитию, что приводит к ошибкам в принятии кадровых решений. Кроме того, сохраняется проблема недостаточной мотивации персонала к развитию компетенций, особенно в условиях ограниченных ресурсов и высокой нагрузки.

В условиях цифровой трансформации усиливается и противоречие между необходимостью быстрого обновления компетенций и инерционностью существующих систем обучения и развития персонала. Организации не всегда успевают адаптировать программы подготовки сотрудников к новым требованиям, что приводит к формированию разрыва между стратегическими задачами и реальным уровнем компетенций работников.

Таким образом, дальнейшее развитие теории и практики стратегического управления персоналом требует совершенствования подходов к формированию и оценке компетенций, разработки гибких моделей их развития, а также интеграции цифровых инструментов в систему управления человеческими ресурсами. Решение указанных проблем позволит повысить эффективность использования человеческого капитала и обеспечить устойчивое развитие организаций в условиях современной экономики.

Литература:

1. Абрамова, А. А. Сущность компетентностного подхода к управлению человеческими ресурсами / А. А. Абрамова // Управление человеческими ресурсами – 2023. – С. 211–216.
2. Архипова, Н. И. Управление персоналом на основе компетентностного подхода / Н. И. Архипова, О. Л. Седова // Менеджмент качества в системе управления персоналом: учебник. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2025. – С. 180-214.
3. Безгласная, А. Д. Современные тенденции развития управления персоналом / А. Д. Безгласная, К. М. Потницкая, О. В. Воробьева // Экономическое развитие России: вызовы и возможности в меняющемся мире: Материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 24–27 января 2023 года / Кубанский государственный университет. Том 1. – Краснодар: ИПЦ Кубанского государственного университета, 2023. – С. 156-161.
4. Белоусов, А. В. Компетентностный подход – основа стратегического управления персоналом / А. В. Белоусов, Л. Н. Захарова // Галактика науки–2024. – С. 95–100.
5. Брантов, И. А. Роль компетентностного подхода в управлении человеческими ресурсами / И. А. Брантов // Проблемы управления социальными и экономическими системами в современной России: Сборник научных статей. – Ульяновск: ИП Кеньшенская В.В. (издательство "Зебра"), 2024. – С. 47-49.
6. Одинцов, А. А. Об особенностях компетентностного подхода к развитию персонала / А. А. Одинцов, О. В. Одинцова // Дизайн и технологии. – 2025. – № 105(147). – С. 146-159.

7. Уразов, Д. А. Ключевые компетенции персонала как фактор повышения конкурентоспособности организации / Д. А. Уразов // Вестник науки. – 2025. – Т. 2, № 6(87). – С. 406-413.

Березин П.В.

магистрант

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»

Berezin P.V.

Master's Student

Saint Petersburg State University of Economics

СИСТЕМА НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ СОГЛАШЕНИЙ О РАЗДЕЛЕ ПРОДУКЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье исследуется система налогообложения при выполнении соглашений о разделе продукции в Российской Федерации. Цель работы состоит в выявлении особенностей специального налогового режима, применяемого к инвестору как стороне соглашения о разделе продукции. На основе анализа положений Федерального закона «О соглашениях о разделе продукции», главы 26.4 Налогового кодекса Российской Федерации и судебной практики рассмотрены субъектный состав режима, особенности налогового учета и отчетности, различия в налогообложении при разных моделях раздела продукции, а также специфика исчисления налога на добычу полезных ископаемых, налога на прибыль и налога на добавленную стоимость. Сделан вывод о сложном и специальном характере налогового режима при выполнении соглашений о разделе продукции.

Ключевые слова: соглашение о разделе продукции, налоги, специальный налоговый режим, инвестор.

TAXATION SYSTEM FOR THE EXECUTION OF PRODUCTION SHARING AGREEMENTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article examines the taxation system applicable to the implementation of production sharing agreements in the Russian Federation. The purpose of the study is to identify the specific features of the special tax regime applicable to the investor as a party to a production sharing agreement. Based on an analysis of the provisions of the Federal Law «On Production Sharing Agreements» Chapter 26.4 of the Tax Code of the Russian Federation, and judicial practice, the article considers the subjects of this regime, the specific features of tax accounting and reporting, differences in taxation under various production-sharing models, as well as the specifics of calculating the mineral extraction tax, corporate profit tax, and value added tax. The study concludes that the tax regime applicable to production sharing agreements is complex and special in nature.

Keywords: production sharing agreement, taxes, special tax regime, investor.

Введение. Соглашения о разделе продукции представляют собой специальную правовую форму осуществления недропользования, в которой сочетаются договорный и публично-правовой элементы. Одним из ключевых аспектов их правового режима выступает налогообложение, построенное по специальным правилам, закрепленным в законодательстве Российской Федерации: Налоговом кодексе Российской Федерации. В связи с этим анализ системы налогообложения при выполнении соглашений о разделе продукции имеет значение как для теории, так и для правоприменения.

Цель исследования. Цель исследования состоит в выявлении особенностей правового регулирования системы налогообложения при выполнении соглашений о разделе продукции в Российской Федерации, включая определение субъектов специального налогового режима, анализ

порядка налогового учета и отчетности, а также специфики исчисления и уплаты отдельных налогов в зависимости от модели раздела продукции и сложившейся судебной практики.

Материал и методы исследования. Материальную основу исследования составили положения Федерального закона от 30.12.1995 № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции», нормы главы 26.4 Налогового кодекса Российской Федерации, регулирующие отношения в сфере недропользования и налогообложения, а также судебная практика по спорам, связанным с применением специального налогового режима при выполнении соглашений о разделе продукции. В ходе исследования использовались формально-юридический, системно-правовой, сравнительно-правовой методы. Их применение позволило рассмотреть специальный налоговый режим при выполнении соглашений о разделе продукции как в нормативном, так и в правоприменительном аспекте.

Результаты исследование и их обсуждение. В ходе исследования установлено, что налогообложение при выполнении соглашений о разделе продукции в Российской Федерации представляет собой специальный налоговый режим, содержание которого определяется не только нормами налогового законодательства, но и правовой природой самого соглашения. Выявлено, что данный режим распространяется исключительно на инвестора как сторону соглашения о разделе продукции, требует отдельного налогового учета и отчетности по каждому соглашению и различается в зависимости от модели раздела продукции. Определены особенности исчисления и уплаты налога на добычу полезных ископаемых, налога на прибыль организаций и налога на добавленную стоимость. Анализ судебной практики показал, что наибольшее число споров связано с применением условий соглашений, заключенных до вступления в силу Федерального закона «О соглашениях о разделе продукции», а также с пределами действия специальных налоговых условий. Это подтверждает сложный и комплексный характер рассматриваемого режима.

Соглашение о разделе продукции (далее – СРП) занимает в российском праве особое место, поскольку представляет собой юридически сложный правовой институт, который затрагивает вопросы, связанные с недропользованием и разделом продукции, привлечением инвестиций и особым порядком налогообложения.

С правовой точки зрения, основываясь на положениях ст. 2 Федерального закона от 30.12.1995 г. № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции» (далее – Закон о СРП), СРП представляет собой договор, по которому Российская Федерация предоставляет инвестору на возмездной основе и на определенный срок исключительные права на поиск, разведку и добычу минерального сырья на конкретном участке недр, а инвестор обязуется вести работы за свой счет и на свой риск. В конструкции соглашения сочетаются частноправовые и публично-правовые элементы. С одной стороны, стороны вступают в договорную связь, согласуют условия такого соглашения, включая права и обязанности. С другой стороны, предмет соглашения связан с недрами как объектом государственной собственности и с реализацией публичного интереса в сфере рационального использования минерально-сырьевой базы. Именно по этой причине в доктрине СРП рассматривается как сложная правовая форма, в которой гражданско-правовое начало не устраняет государственного контроля и специальных требований законодательства о недрах [3, с. 118-120].

В системе недропользования СРП выступает не общим, а исключительным режимом. Такой вывод прямо следует из действующего законодательства. Участок недр может быть предоставлен в пользование на условиях раздела продукции только при соблюдении специальных условий, включая отсутствие возможности геологического изучения, эффективной разработки, добычи полезных ископаемых на иных правовых условиях, установленных законодательством РФ, и соблюдения установленной процедуры заключения такого соглашения. [2; 8]. Авторы, чьи работы посвящены анализу правовых аспектов СРП, указывают, что заключение соглашения связано с предварительной проверкой того, может ли

соответствующий участок недр разрабатываться в общем режиме, а сама модель соглашения применяется как специальный инструмент, а не как универсальное правило [6, с. 5-6]. На основе анализа российского законодательства, а также научных работ можно сделать вывод о том, что СРП в российском праве представляет собой правовой механизм, рассчитанный на отдельные категории месторождений и отдельных инвесторов, а не на всю сферу добычи полезных ископаемых.

Переходя к вопросу налогообложения при выполнении СРП следует сказать, что его нельзя свести лишь к простому перечислению уплачиваемых налогов, льгот или исключений, которые действуют в рамках специального налогового режима. Налогообложение производно от правовой природы соглашения, от статуса инвестора и от установленного законом порядка раздела продукции [5, с. 25-26]. Так, А.А. Конопляник пишет о том, что СРП в российской практике - это «не налоговая льгота», а иной способ распределения ресурсного дохода между государством и инвестором [4, с. 77].

Е.В. Корнева в своей работе отмечает, что специальный налоговый режим при выполнении СРП «не образует какого-либо нового платежа», а задает особый порядок уплаты существующих налогов и иных обязательных платежей [5, с. 25–26]. Отличие от общего режима налогообложения состоит в том, что система взимаемых налогов и других платежей подчинена логике самого соглашения, его сроку, способу раздела продукции и составу возмещаемых расходов.

Рассмотрение положений главы 26.4 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ), устанавливающей особенности налогообложения при выполнении СРП, стоит начать с определения лица, выступающего налогоплательщиком при применении анализируемого специального налогового режима. НК РФ связывает его применение с инвестором как стороной соглашения. В качестве инвестора могут выступать юридическое лицо либо объединение юридических лиц, созданное на основе договора о совместной деятельности и не имеющее статуса юридического лица, если оно осуществляет вложение собственных, заемных или привлеченных средств в поиск, разведку и добычу минерального сырья и является пользователем недр на условиях соглашения [6, с. 5].

Следует отметить, что налогоплательщиком специального налогового режима не могут быть иные лица, даже если они привлечены инвестором для выполнения каких-либо работ или оказания услуг в рамках соглашения. Указанный режим адресован именно инвестору как стороне СРП, поскольку именно он принимает на себя проектный риск, вступает в соглашение с государством и участвует в разделе произведенной продукции. В этом проявляется первая важная особенность режима. Его субъект определяется не фактом участия в работах, а правовым статусом стороны СРП.

Судебная практика последовательно разграничивает инвестора и привлеченных им лиц. Например, В Постановлении Президиума ВАС РФ от 29.09.2010 г. № 1674/10 прямо указано, что положения о сохранении специальных условий налогообложения по соглашениям, заключенным до принятия Закона о СРП, распространяются только на инвестора, но не на подрядчиков и субподрядчиков [11]. Та же позиция отражена в Определении ВАС РФ от 21.06.2010 г. № ВАС-1674/10 по делу № А59-1445/08-С15. Даже если подрядчик экономически включен в реализацию проекта, юридически он остается вне рамок специального налогового режима. Иное толкование неоправданно расширяло бы круг субъектов специального режима [12].

После вступления соглашения в силу специальный налоговый режим требует особого порядка налогового учета. Инвестор подлежит постановке на учет по местонахождению участка недр, а если речь идет о соглашении, связанном с участком недр, расположенном на континентальном шельфе либо исключительной экономической зоне, то по месту своего нахождения. Если инвестором является объединение организаций без статуса юридического лица, на учет ставится каждый участник такого объединения [1].

При этом учет и отчетность ведутся отдельно по каждому соглашению. Это имеет принципиальное значение, поскольку законодатель стремится отделить результаты деятельности в рамках СРП от иной деятельности налогоплательщика. По каждому соглашению отдельно представляются налоговые декларации, отдельно ведется учет доходов и расходов, отдельно подаются программа работ и смета расходов на очередной год [1; 7]. Такая модель выглядит более сложной, чем общий режим, но именно она позволяет связать налоговый результат с конкретным проектом, а не с деятельностью инвестора в целом.

Перечень налогов и сборов, уплачиваемых инвестором зависит от того, по какой модели осуществляется раздел продукции. Закон о СРП закрепляет два способа. Первый способ предполагает выделение компенсационной продукции, за счет которой инвестору возмещаются его затраты, после чего между государством и инвестором распределяется прибыльная продукция [2]. Второй способ строится иначе: компенсационная продукция не выделяется, а сама произведенная продукция распределяется между сторонами в заранее определенных долях, при этом доля государства не может быть менее 32 процентов общего объема продукции [2; 6, с. 6-8].

При использовании первой модели инвестор уплачивает НДС, налог на прибыль организаций, НДСПИ, платежи за пользование природными ресурсами, плату за негативное воздействие на окружающую среду, водный налог, государственную пошлину, таможенные сборы, земельный налог и акциз [6, с. 6-7]. Вместе с тем значительная часть уплаченных налогов, сборов, платежей и акциза подлежит возмещению. Закон также допускает освобождение от региональных и местных налогов и сборов по решению соответствующих органов власти, а налог на имущество организаций и транспортный налог не уплачиваются, если имущество и транспорт используются исключительно для целей соглашения [1].

При применении второй модели инвестор освобождается от региональных и местных налогов по решению уполномоченного органа, но уплачивает государственную пошлину, таможенные сборы, НДС и плату за негативное воздействие на окружающую среду, причем без того объема компенсационных механизмов, который характерен для первой модели [6, с. 7-8]. Следовательно, специальный налоговый режим при СРП нельзя считать внутренне однородным, так как его специфика зависит от конструкции самого соглашения, способу раздела продукции по нему.

Не менее важны особенности исчисления и уплаты отдельных налогов. По налогу на добычу полезных ископаемых режим сохраняет саму обязанность по уплате, но корректирует ее путем установления специальных правил, содержащихся в нормах статьи 346.37 НК РФ. По большинству полезных ископаемых при исчислении налога применяется налоговая ставка с коэффициентом 0,5, а для нефти и газового конденсата применение ставки зависит от достижения предельного уровня коммерческой добычи, если такой уровень установлен соглашением. В случае достижения такого предельного уровня налоговая ставка применяется с коэффициентом 1 [6, с. 6].

По налогу на прибыль организаций налоговая база определяется по каждому соглашению отдельно, а расходы учитываются только при условии их обоснованности, документального подтверждения и связи с выполнением соглашения [1]. Это означает, что налог на прибыль в модели СРП тесно связан с утвержденной сметой расходов и программой работ, а потому приобретает ярко выраженный проектный характер.

По НДС инвестор применяет общие правила главы 21 НК РФ, но с учетом положений, закрепленных в статье 346.39 НК РФ, касающихся, в том числе возмещения сумм налогоплательщику, когда размер налогового вычета превышает сумму налога, а также операций, не подлежащих налогообложению.

Особое место занимает вопрос о соглашениях, заключенных до вступления в силу Закона о СРП. Пункт 15 статьи 346.35 НК РФ сохраняет по ним условия освобождения, исчисления, уплаты и возврата налогов и иных обязательных платежей, предусмотренные самими соглашениями. Именно здесь на практике возникает значительная часть налоговых споров.

Один из них был связан с порядком уплаты налога на прибыль. В Постановлении ФАС Северо-Западного округа от 01.11.2011 г. по делу № А05-14393/2010 суд указал, что порядок уплаты налога на прибыль по нормам Закона № 2116-1 не соответствуют нормам специального налогового режима, установленного в Харьягинском СРП [13].

Другой спор касается НДС. В Постановлении ФАС Дальневосточного округа от 26.11.2010 г. № Ф03-8386/2010 по делу № А59-1246/2010 суд пришел к выводу, что по проекту «Сахалин-2» возврат НДС должен осуществляться по правилам и в сроки, закрепленные в соглашении, поскольку для соглашений такого рода они сохраняют приоритет [14].

Наконец, в Постановлении ФАС Северо-Западного округа от 16.07.2010 г. по делу № А05-10544/2008, в котором разрешался вопрос о возмещении НДС, было подтверждено, что изменение условий соглашения, ухудшающее положение инвестора, в течение срока его действия недопустимо [15].

Указанные выводы судов подтверждают довод о том, что СРП, заключенные до принятия Закона о СРП, в вопросах налогообложения должны рассматриваться с учетом специфики положений, содержащихся в таких соглашениях.

В свою очередь, судебная практика по вопросам, связанным с таможенными пошлинами и льготами, имеет свою специфику. Так, в Определении ВС РФ от 12.03.2015 г. № 303-КГ15-6 было указано, что инвестор остается бенефициаром таможенных льгот независимо от того, сам он ввозит товар или это делает подрядчик [9]. Аналогичная позиция отражена в пункте 19 Обзора практики разрешения судами споров, связанных с защитой иностранных инвесторов, утвержденного Президиумом ВС РФ 12.07.2017 г. Суд подчеркнул, что освобождение от уплаты таможенных пошлин зависит не от статуса лица, осуществляющего ввоз, а от цели ввоза товара для выполнения работ по соглашению [10]. Следовательно, правоприменитель исходит из экономической функции таможенной льготы. Если товар ввозится в интересах проекта СРП, то инвестор сохраняет право на соответствующее благоприятствование, даже когда фактическим импортером выступает иное лицо.

Проведенный анализ налоговых споров по СРП показывает, что одной из устойчивых проблем остается стремление налоговых органов пересматривать ранее сложившиеся подходы к применению соглашений и толковать их преимущественно через фискальные интересы государства. На практике это приводит к тому, что специальные условия СРП, согласованные сторонами при заключении долгосрочного инвестиционного проекта, начинают восприниматься не как обязательная правовая основа отношений, а как исключение, подлежащее максимально узкому толкованию. Подобный подход вступает в противоречие с самой природой СРП, рассчитанной на стабильность условий недропользования и предсказуемость налогового режима для инвестора. Судебная практика во многих случаях корректирует эту тенденцию и исходит из необходимости учитывать не только буквальное содержание отдельных налоговых норм, но и анализировать положения конкретного соглашения, пределы действия специального режима и принцип сохранения достигнутого сторонами баланса интересов. С правовой точки зрения такая позиция выглядит обоснованной, поскольку речь идет как о защите частного интереса инвестора, так и о поддержании доверия к Российской Федерации как к участнику долгосрочных проектов в сфере недропользования.

В заключение необходимо отметить, что для специального налогового режима при выполнении СРП характерен ряд особенностей. Он имеет специальный субъектный состав, требует особого порядка постановки на учет и представления отчетности, варьируется в зависимости от модели раздела

продукции, по-разному соотносит налоговую нагрузку и механизм возмещения затрат, а в ряде случаев допускает приоритет условий самого соглашения над общими нормами налогового законодательства. Именно поэтому анализ специального налогового режима через простое перечисление налогов и льгот не позволяет раскрыть его сущность. Это сложная форма налогообложения в сфере недропользования, где каждое решение по вопросу об исчислении налога, его уплате должно оцениваться через анализ конкретного соглашения, статус участника проекта и судебную практику, которая сложилась по применению положений главы 26.4 НК РФ и иных норм законодательства, регулирующих налоговые отношения при выполнении СРП.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 г. № 117-ФЗ (ред. от 20.02.2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2000 - № 32, ст. 3340.
2. О соглашениях о разделе продукции: Федеральный закон № 225-ФЗ от 30.12.1995 г. (ред. от 08.12.2020 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996 - № 1, ст. 18.
3. Зарубина Н.П. О правовой природе соглашений о разделе продукции / Н.П. Зарубина // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2015. - № 27. – С. 116-126.
4. Конопляник А.А. Умный инвестрежим для прогресса ТЭК. К 30-летию юбилею истории соглашения о разделе продукции в России: субъективный взгляд от первого лица / А.А. Конопляник // Нефтегазовая вертикаль. - 2023. - № 12. - С.77-170.
5. Корнева Е.В. Правовое регулирование налогообложения углеводородного сырья: специальность 12.00.04 «Финансовое право; налоговое право; бюджетное право»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Екатерина Вячеславовна Корнева; ИЗИСП. – Москва. 2022. – 208 с.
6. Шмелева Д.И. Применение специального налогового режима при соглашении о разделе продукции / Д.И. Шмелева, И.Д. Разин // Вестник евразийской науки. – 2023. – Т 15. - № S3. – URL: <https://esj.today/PDF/38FAVN323.pdf>
7. Гуев А.Н. Постатейный комментарий к Налоговому кодексу Российской Федерации: Часть вторая: Специальные налоговые режимы / А.Н. Гуев // СПС ГАРАНТ. – 2010. – URL: <https://internet.garant.ru/#/document/55002552/paragraph/4392/doclist/1605/1/1/0:0> (дата обращения: 12.04.2026).
8. Балабина И.В. Комментарий к Федеральному закону от 30 декабря 1995 г. № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции» / И. В. Балабина, Т. А. Бирюкова, Ю. Н. Вахрушева [и др.] // СПС ГАРАНТ. – 2015. - URL: <https://internet.garant.ru/#/document/57384383/paragraph/294/doclist/2316/2/1/0:0> (дата обращения: 05.04.2026).
9. Определении Верховного Суда РФ от 12.03.2015 г. № 303-КГ15-6 по делу № А59-1159/2014 // СПС ГАРАНТ. - URL: <https://internet.garant.ru/#/document/70890822/paragraph/24:0> (дата обращения: 17.04.2026).
10. Обзор практики разрешения судами споров, связанных с защитой иностранных инвесторов (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12.07.2017 г.) // СПС ГАРАНТ. - URL: <https://internet.garant.ru/#/document/71717298/paragraph/1:0> (дата обращения: 18.04.2026).
11. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29.09.2010 г. № 1674/10 // СПС ГАРАНТ. - URL: <https://internet.garant.ru/#/document/1797982/paragraph/1:0> (дата обращения: 18.04.2026)
12. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 21.06.2010 г. № ВАС-1674/10 // СПС ГАРАНТ. - URL: <https://internet.garant.ru/#/document/5890997/paragraph/1:0> (дата обращения: 18.04.2026).

13. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 01.11.2011 г. № Ф07-8384/11 по делу № А05-14393/2010 // СПС ГАРАНТ. - URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/41117091/paragraph/1:0> (дата обращения: 17.04.2026).

14. Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 26.11.2010 г. № Ф03-8386/2010 по делу № А59-1246/2010 // СПС ГАРАНТ. - URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/32949645/paragraph/1:0> (дата обращения: 17.04.2026).

15. Постановлении Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 16.07.2010 г. по делу № А05-10544/2008 // СПС ГАРАНТ. - URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/36317779/paragraph/1:0> (дата обращения: 18.04.2026).